

СКАЗКИ ЗУЛУ

IZINGANE KWANE

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра

ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРА АФРИКИ

МОСКВА · 1937 · ЛЕНИНГРАД

СКАЗКИ ЗУЛУ

IZINGANE KWANE

*Вступительная статья,
перевод и примечания*

И.Л. СНЕГИРЕВА

иллюстрации

Н.А. УШИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

НАПЕЧАТАНО ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ АКАДЕМИИ НАУК СССР
НЕПРЕМЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ АКАДЕМИК Н. П. ГОРБУНОВ

Ответственный редактор акад. В. В. Струве

Технический редактор А. Д. Покровский

Ученый корректор О. Г. Крючевская

Переплет, титула, инициалы и форзац

худ. А. А. Ушина

Наблюдение за печатью цветных иллюстраций
куратора Ю. И. Яковецкого

Сдано в набор 9 октября 1936 г. — Подписано к печати 2 апреля 1937 г. — Формат бум.
62 x 94 см. — 248 стр. + 4 вкл. + 10 цв. вкл. = 17 печ. л. — 31760 тип. зн. в печ. л. —
12.51 уч.-авт. л. — Тираж 10225. — Ленгорлит № 1899. — АНИ № 1415. — Заказ № 1816.
Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12

*Памяти пламенного революционера, передового бойца
за дело освобождения негритянских трудящихся*

АЛЬБЕРТА ТОМАСА НЗУЛА

посвящает свой труд переводчик

ЗУЛУ И ИХ СКАЗКИ

Народность зулу, более известная нашему читателю в искаженном виде, благодаря передаче суффикса множественного числа западноевропейских языков, под именем зулусов, занимает в настоящий момент юго-восточный уголок африканского материка. Численностью около 1 500 000 чел., зулу преимущественно живут в Натале (провинции Южноафриканского союза — доминион Англии) и Зулудэнде (английский протекторат), на север до озера Санта-Лючия и реки Верхняя Понгола. Эта территория климатически является субтропиками, с запада она ограничена кряжем Драконовых гор, а с востока омывается водами Индийского океана.

Составляя подавляющее большинство населения занимаемой ими территории, зулу являются объектом эксплуатации кучки европейских лендлордов и горнопромышленников, вторгшихся в Южную Африку и захвативших большие и лучшие части принадлежавшей им территории. В настоящее время зулу не имеют политической и экономической самостоятельности и во всех сторонах своей жизни они, по существу, связаны цепями капиталистического рабства. Их произведения устной литературы, которые издаются нами, сейчас все реже можно услышать в устах рассказчиков и по своему происхождению они относятся к отдаленному периоду исторического прошлого зулу. Одной из сторон политики английских империалистов в Южной Африке, как, впрочем, и в целом ряде других колоний, является

консервация примитивных форм социальной организации эксплуатируемых туземных племен. В специально создаваемых территориях, так наз. резервациях, являющихся большей частью землями мало пригодными для туземного населения и, во всяком случае, в данный момент ненужными для европейских фермеров или горнопромышленников, колониальная администрация старается, несмотря на наличие новых социально-экономических отношений, сохранить тот родовой строй туземных племен, который существовал у них к моменту вторжения европейцев. Совершенно ясно, что «родовой строй» зулу сегодняшнего дня имеет другие социальные корни, и с этой точки зрения понять сказки зулу можно лишь отчасти, исходя из общественных отношений, наличных в настоящий момент. Сказки зулу являются идеологическим продуктом общества зулу уже пройденных этапов исторического развития и, с одной стороны, они не могут быть поняты без рассмотрения общественных отношений этих этапов, а с другой стороны, и само общество зулу в его историческом развитии не будет достаточно цельно охарактеризовано, особенно в части своей идеологии, без учета сказки, своеобразно отражающей эти отношения.

Что же представляли собою зулу к моменту вторжения европейцев в Южную Африку — моменту, начиная с которого, мы имеем о них сперва отрывочные, а затем все более и более подробные сведения?

* * *

Племена зулу представляли собою лишь часть многомиллионного туземного населения Южной Африки. К моменту вторжения европейцев, многочисленные племена, населявшие Южную Африку, еще не достигли стадии развития классового общества. Для всех них были характерны первобытно-коммунистические отношения различных этапов. Среди обществ Южной Африки тогда, как и теперь, выделялись три основные группы народностей, которые исчерпывали все туземное население данного района. Это были пле-

мена бушменов, готтентотов и банту. Первые занимали, судя по оставленным ими скальным рисункам, почти всю территорию Южной Африки. Племена бушменов, которые в настоящий момент выгнаны из плодородных районов и загнаны в бесплодные области пустыни Калахари, где они ведут полуголодный образ жизни и, по существу, обречены на вымирание, исторически давали, на ряду с пигмеями Центральной Африки, австралийцами и рядом культурно-отсталых народностей земного шара, очень древние черты социально-экономической структуры общества. Готтентоты обладали более высоким уровнем развития социально-экономической организации родового типа с основой хозяйства в виде скотоводства и земледелия. Племена же банту стояли, как мы увидим далее, на стадии патриархального родового строя. Оставляя в стороне западные племена банту, мы рассмотрим основную и самую многочисленную группу племен банту Южной Африки, к которой принадлежат зулу, именно племена юго-восточных банту, которые, несмотря на имеющиеся между ними отдельные различия, представляют определенное историческое целое.

Юго-восточная группа племен банту входит в очень большую группу народностей банту, объединяемых вместе в первую очередь по лингвистическому признаку. Термин банту, взятый в свое время из языков этих племен, где он в близких соответствиях означал «люди», и введенный основателем сравнительного изучения африканских языков Блеком, покрывает собою большое количество племен, занимающих огромную территорию к югу от экватора. По существу племена банту занимали около трети всего Африканского материка. Полное единство населения всей этой территории нарушали лишь вкрапленные немногочисленные племена бушменов и готтентотов. На основе прежде всего лингвистического принципа, который в значительной мере отражает социальную близость отдельных племен, банту делятся на три большие группы: центральную, охватывающую основную массу племен и распадающуюся на две подгруппы — юго-западную и восточную; небольшую северо-западную и юго-

восточную. К юго-восточной группе банту принадлежали зулу, коса, суто, чуана, суази и ряд других племен.

Пожалуй, более значительное место в хозяйстве зулу и всех юго-восточных банту занимало скотоводство, особенно разведение крупного рогатого скота, благодаря чему некоторые исследователи об этих племенах часто говорили как о скотоводческих номадах. Но все же говорить об их хозяйстве, как о чисто скотоводческом, конечно не приходится. Вся работа, связанная со скотом, находилась в руках мужчин, что резко бросалось в глаза. Лишь мужская половина общества имела отношение к уходу за скотом. Из мелкого рогатого скота разводились овцы и козы. Крупный рогатый скот составлял основную имущественную единицу. До скрещения с завезенными европейцами породами скота, банту обладали чрезвычайно выносливой породой, близкой к туземным породам рогатого скота Абиссинии или Северной Африки. В тех местах, где эта порода оказалась нескрещенной, мы видим, что она обладает многими преимуществами перед породами, завезенными европейцами. Она чрезвычайно стойко переносит неблагоприятные климатические условия и, в частности, жару. Пастьбой мелкого скота, как коз и овец, были обыкновенно заняты мальчишки. Крупный рогатый скот пасся юношами. Женщины не допускались к уходу за скотом. Дойка коров производилась мужчинами. Убой скота и разделка туши также находились в руках мужчины. Более того, к шкуре быка, которая шла на различные хозяйственные надобности, женщина не имела права прикасаться. Выделка шкуры и производство из нее каких-либо вещей тоже находились в руках мужчин. Сообразно с тем, какую большую роль играл скот в хозяйстве зулу, мы видим, что и язык обладает огромным количеством терминов для обозначения отдельных видов крупного рогатого скота. В терминах чрезвычайно точно фиксировались отличительные признаки. В языках зулу и коса, кроме общего термина «рогатый скот», которым иногда может обозначаться и «корова» и «бык», мы имеем два ряда терминов, в основе которых лежит, с одной стороны, указание на форму рогов, с другой,

указание масти. И это представляет чрезвычайно большой интерес в смысле необычайной конкретности хозяйственной терминологии скотовода. До проникновения европейцев, рогатый скот никогда не употреблялся в качестве тяговой силы. Скот давал в хозяйстве мясо, молочные продукты и шкуры. Лишь по введении плуга, быки стали применяться при обработке земли.

Что касается земледелия, то оно преимущественно находилось в руках женщин. До проникновения в хозяйство плуга, основными земледельческими орудиями были палка-копалка и мотыга. Пожалуй, главным земледельческим орудием был деревянный заступ — палка-копалка, которым разрыхляли почву, и им же производилась очистка полей от сорняков. В современных языках банту оба термина «пахать» и «плуг» часто однозвучны со старыми терминами «мотыга» и «мотыжить» и представляют яркий пример переосмысления на новом этапе хозяйства старого термина по функциям.

Из культурных растений, имевших повсеместное распространение среди всех племен юго-восточных банту, на первом месте стоит так наз. Kaffir corn — род проса, затем маис, чечевица и ряд бобовых культур. До сих пор проблема культурных растений Южной Африки недостаточно разработана и вследствие этого нельзя получить четкой исторической последовательности культурных растений данного района.

Земледелие преимущественно, но не исключительно находилось в руках женщин. Если, например, среди зулу и коса это разделение труда налицо в весьма четком виде, то среди северных суто в процессе пахоты и жатвы принимали участие также и мужчины.

В остальном труд был разделен следующим образом. На долю мужчины выпадала охота и ряд процессов домашнего ремесла. Мужчина выполнял работы по металлу, дереву, был занят плетением корзин, веревок, обработкой кожи.

Основная работа по дому, которая требовала огромного и систематического труда, лежала на женщинах. Мы уже не говорим здесь о работе, связанной с детьми. Носка воды, сбор топлива, приготовление пищи — все это производилось

женщинами. Женщины же мололи на ручных зернотерках зерно, а из домашнего ремесла они занимались производством керамических изделий. Систематической охраны требовали посевы, и это тоже выпадало на долю женщины.

Положение женщины и мужчины в обществе зулу находило твердое закрепление во всех общественных отношениях патриархального строя. Женщина являлась важнейшей рабочей силой и как таковая чрезвычайно высоко ценилась. Она имела совершенно определенную цену. Брак у зулу и всех юго-восточных банту представлял собою совершенно определенную экономическую сделку. У интересующих нас племен брак носил полигамный характер и его основа совершенно точно определяется. Один европейский миссионер в одной фразе охарактеризовал заключение брака у банту: «чем больше кто-либо имеет жен, тем больше он может возделывать злаков и, следовательно, этим путем может повышать свое благосостояние». Брак совершался путем выкупа, который у зулу носил название лобола. Женщина не только трудясь на полях или дома увеличивала благосостояние своего мужа, но увеличивала его и тем, что рожала ему девочек, за которых он получал в дальнейшем выкуп скотом. Мужчина приобретал права на своих детей лишь в том случае, если им целиком была выплачена покупная цена жены. Дети являлись всегда собственностью мужчины, давшего выкуп за жену. Бывали случаи, что вождь одарял своими женами приближенных, но дети, рожденные от этого нового союза, оставались принадлежностью вождя. Часто вождь обладал большим количеством жен, доходившим иногда до нескольких десятков.

Проникновение европейцев в Южную Африку уже не застало у племен банту форм коллективного производства и распределения. Коммунистический характер общественных отношений уже клонился к упадку. На этом этапе мы никак не можем говорить, что весь общественный коллектив, назовем ли мы его родом, или общиной, представлял собой единое хозяйственное целое. Сам род дробился уже на отдельные хозяйственные единицы. Для данного этапа мы должны

констатировать, что отдельная семья представляла собою общественную хозяйственную единицу. Форма коллективного общественного производства сохранялась частично, лишь в незначительной по своему удельному весу, в общей системе хозяйства, коллективной охоте на крупных зверей вроде слона, гиппопотама, или льва.

Характерным моментом разложения родовых коммун зулу являлось развитие частной собственности. Мы видим, что в частной собственности общественной хозяйственной ячейки — семьи находились орудия производства, жилища и скот, эта основная имущественная единица, по которой мы в первую очередь судим об имущественном неравенстве. В случае смерти главы семьи все это переходило в порядке наследственности к кровным родственникам. Все вышеперечисленные виды собственности находились в руках главы семьи. Ни один из сыновей, не говоря уже о дочерях, при жизни отца не имел права распоряжаться тем или иным видом собственности. Глава семьи имел право еще при жизни распределить свое наследство внутри семьи. Если соответствующего завещания не было сделано главой семьи — патриархом, то права наследства переходили к старшему сыну. Очень важным являлась тенденция к сохранению основной имущественной единицы — скота в руках рода и, более того, в руках мужской половины рода. Как мы уже говорили, при жизни отец сам полновластно распоряжался всем имуществом, в том числе и скотом. При жизни он, например, мог подарить иноплеменнику быка, но если он даже при жизни назначал кому-либо из иноплеменников или члену другого рода часть своих быков, то это завещание после его смерти не выполнялось. У зулу в связи с этим существует поговорка: «Кости человека глеют, но не глеют кости скота». В том случае, когда умирал первый наследник — старший сын, имущество делилось между сыновьями и дочерьми, но только сыновья делили между собою скот, а между дочерьми делились горшки, зерно и пр.

Из видов коллективной собственности на данном этапе развития коллективная собственность сохранилась лишь

на землю. Частной собственности на землю еще не было. Племя обладало определенной территорией, которая в свою очередь принадлежала отдельным родам. Номинально территорией владел вождь, возглавляющий племенное объединение. К моменту усиления межплеменных войн мы видим, что право на владение землей целиком зависит от силы оружия. Тот, кто силой оружия покоряет племя, владеет и его территорией. Если мы не можем говорить об установленных формах частной собственности на землю, то можем говорить об определенных формах частного владения или частного землепользования, представляющих собою путь к образованию форм частной собственности на землю.

В частном пользовании находится в первую очередь пахотная земля. Если определенный коллектив занимал какую-либо территорию, то каждый глава семьи занимал известный участок земли, который являлся его пашней, причем, однако, мы видим, что этот участок земли имел четкие границы. Более того, преступивший границы своего пахотного участка мог потерять право пользования своим участком, который поступал в распоряжение вождя или родовых старейшин. Земля не могла быть уступлена другому члену племени за какое-либо возмещение. Такой поступок карался смертью. Пользующийся пахотным участком мог безвозмездно уступить во временное пользование часть этого участка своему родственнику, но юридическим лицом, имеющим право пользоваться землею в дальнейшем, оставалось именно первое лицо.

В чисто коллективном пользовании находились пастбищные земли, леса и прочая территория, не занятая пахотными участками. Если мы еще не видим на данном этапе частного владения землею, то ряд случаев у юго-восточных банту чрезвычайно ярко иллюстрируют процесс становления частной собственности в связи с частным использованием отдельным земельным участком. Это хорошо прослеживается на примере с порубкой деревьев и правом собственности на улья диких пчел. Номинально вся земля, не занятая пахотными участками, принадлежит вождю, в том числе

и лес. Но всякий член племени, например у суто, если ему понадобится дерево, может пойти и без всякого специального разрешения вождя срубить нужное ему дерево в лесу. Этого он не может сделать на пахотном участке, находящемся в чьем-либо пользовании. Деревья, находящиеся на каком-либо пахотном участке, являются собственностью лица, которое пользуется данным участком. То же явление мы имеем и в отношении ульев диких пчел. Улья диких пчел принадлежат всем, но они как бы тоже находятся в известном частном пользовании. Если кто-либо найдет в поле или в лесу, следовательно, в норе или в дупле, улей, то он оставляет какую-либо метку, или зарубку и пользуется этим ульем, а улья диких пчел, находящиеся на пахотном участке, опять, также как и деревья, принадлежат лицу, пользующемуся данным участком, они являются его собственностью.

В связи с использованием некоторыми участками, в плане развития частной собственности стояло также и пользование водой. Все естественные источники находились в общем пользовании, но искусственные колодцы находились в частном владении вырывшей их семьи и собственник мог потребовать возмещения от взявшего из этого колодца воду.

Межплеменной обмен среди обществ юго-восточных банту был сравнительно мало развит. Он был несомненно более развит с племенами, стоявшими на ином уровне социально-экономической структуры, например, с бушменами. Обмен среди юго-восточных банту охватывал преимущественно круг предметов домашнего ремесленного производства. Точно о его размерах нам сейчас трудно судить, это требует специального исследования, но он несомненно должен был играть свою роль в экономическом, а, следовательно, и политическом подъеме отдельных племен. В этом отношении чрезвычайно интересно замечание, брошенное Мофуло в его романе о знаменитом вожде зулу Чаке, что незначительное племя Ифениленже, которое дало имя своему дальнейшему крупному объединению племен

(зулу), славилось производством глиняной посуды, деревянных блюд и рядом других ремесленных изделий.

Все вышеуказанные моменты социально-экономической структуры не могли, конечно, не сказаться в процессе имущественного расслоения членов того или иного племени юго-восточных банту, в частности, зулу. К имущественной верхушке племени принадлежали, конечно, в первую очередь, вождь и родовые старейшины. Мы видим, что на основе сложившейся зависимости рядового члена племени от вождя к вождю притекали в большом количестве всевозможные экономические блага. Если какой-либо член племени шел к вождю, то он был обязан принести ему что-либо в подарок. Вождь получал шкуры львов, пантер и шкуры других убитых животных. Шкуры некоторых животных просто по закону обычного права обязательно нужно было отдавать вождю. От заколотого быка при разделе туши вождь получал лучшие куски. Кроме того, вождь получал определенные дары в пиве, зерне и т. д. От первой коровы, которая попадала в собственность молодого мужчины, вождь иногда получал первого теленка. На основании такой практики в настоящее время, когда какой-либо член племени возвращается домой с работы в копиях или на каком-либо другом производстве, он обязательно должен принести в подарок вождю или дать ему выбрать что-либо из привезенных вещей, купленных на свой заработок. Потенциально мы знаем, что на данном этапе уже не все племя считалось собственником территории, занятой племенем, а вождь. Если у ряда племен мы видим, что вождь во время посева и жатвы собирает людей своего племени для работы на своих собственных полях и в качестве компенсации в конце работ устраивает угощение для работавших — закалывает быка и варит пиво, и если это можно было объяснить по линии родовой традиции, а не тем, что только человек, выделяющийся имущественно, может позволить это в своем хозяйстве, то совершенно иначе обстоит дело с имущественно сильными членами племени — родовыми старейшинами, которые этим тоже начинали пользоваться. Этот

момент для нас чрезвычайно важен, так как показывает, как уже на данном этапе отдельная имущественно выделившаяся хозяйственная единица, владеющая излишком скота и продуктов, могла пользоваться трудом своих многочисленных соплеменников для расширения работ своего личного хозяйства. Это неизбежно влекло за собою еще большее накопление продуктов, в первую очередь, сельскохозяйственных. В отношении питания отдельных семей, на основе их имущественного расслоения, можно заметить очень резкое отличие. Бедные семьи преимущественно питались молочными продуктами и продуктами земледелия, в то время как только богатые могли систематически питаться мясом. Здесь же следует вспомнить относительно покупки жен — основной рабочей силы. Лицо, владеющее большим количеством скота, естественно обладало большим количеством женских рабочих рук, которые закономерно, как мы уже говорили выше, способствовали дальнейшему росту благосостояния семьи и дальнейшему ее имущественному выделению в общественном коллективе.

Таковы были внутренние процессы в обществе зулу, которые вели к имущественному расслоению отдельных семей и закономерно разламывали первобытно-коммунистический строй родовых коммун. С этими внутренними процессами начавшегося классового расслоения непосредственно были связаны факторы другого порядка, которые необычайно усиливали процесс разложения старых общественных форм. Мы имеем здесь в виду межплеменные войны, которые были чрезвычайно характерны для этого этапа. На этом этапе социально-экономического развития обществ зулу и юго-восточных банту, можно совершенно определенно говорить, что война являлась своего рода отраслью хозяйства для господствующей верхушки племени. Межплеменные вооруженные столкновения на данном этапе не вызывались недостатком земли, следовательно, не преследовали цель захвата у соседнего племени пахотных или пастбищных земель, а велись с целью захвата в первую очередь скота — этого осно-

вного мерила ценности, основной единицы системы натурального обмена. Вооруженный захват скота — вот основной момент столкновений племен. Такие военные столкновения и между племенами банту, а не только между племенами бушменов и банту, даны нам на целом ряде бушменских скальных рисунков. Дележ захваченной добычи должен был необычайно усилить процесс имущественного расслоения внутри рода и племени. Все сильнее и сильнее выделялась экономически сильная верхушка, которая теряла прежнюю демократическую связь со всеми членами племени или рода. Кроме захвата скота, вместо физического уничтожения мы видим, что начинал производиться захват и увод пленных. Большей частью это, правда, касалось женщин, которые в дополнение к имеющимся рабочим рукам — купленным женам — увеличивали число рабочих рук в отдельной семье, в качестве рабынь-наложниц. Это явление мы имеем у племен банту между собою в целом ряде случаев, например, рабыни из племен суто в семьях зулу или большей частью из племен бушменов. Процесс этот несомненно находился в самом начале своего развития. Конечно, здесь можно говорить лишь о наличии форм патриархального рабства. Группа рабов в обществе еще настолько незначительна, что в языке зулу и других языках юго-восточных банту мы не имеем определенного термина «раб». Много таких терминов, как «военнопленный» или «слуга», дают нам тем не менее в своем содержании подневольную зависимость отдельных лиц в общей массе свободных членов общественного коллектива. Единственный источник рабства, который прослеживается — это война. Во всяком случае мы имеем здесь начавшийся процесс разделения общества на две антагонистических группы рабов и свободных, который развивается за счет иноплеменников.

Подводя итог вышесказанному, мы можем определить общество зулу и других юго-восточных банту как стоящее на конечных этапах разложения первобытной коммунистической формации. Вторжение европейцев лишь ускорило внутренний процесс разложения обществ. Все элементы

социально-экономической структуры подверглись распаду. Мы наблюдаем ту же картину, которую нам рисует в своей классической работе Фридрих Энгельс: «Грабительские походы усиливают власть верховного военачальника, равно как и второстепенных вождей; обычное избрание его приемников из одной и той же семьи переходит мало-помалу, в особенности со времени установления отцовского права, в наследственную власть, которая сперва терпится, затем требуется и, наконец, узурпируется; закладываются основы наследственной монархии и наследственного дворянства. Так органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, в фратрии, в племени, а все родовое общественное устройство превращается в свою противоположность: из организации племен для заведывания своими собственными делами оно превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, и соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения против собственного народа».¹

* * *

Издаваемые сказки чрезвычайно ярко отражают патриархально-родовой уклад общества зулу, общий и для всех племен юго-восточных банту. Их тематика и форма являются прекрасным образцом идеологии банту определенного этапа исторического развития.

Не являясь специалистом по сравнительной фольклористике, мы оставляем в стороне характеристику сказок зулу в связи с произведениями устной литературы других народов, указав лишь на то, что тематика и характер сказок зулу являются в основных чертах общими для устной литературы всех почти племен юго-восточных банту, в первую очередь племен коса и суто.

Для нас представляет интерес дать характеристику сказок зулу, как части идеологии родового общества банту.

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат, М., 1934, стр. 143.

Сказки зулу, конечно, прежде всего являлись сказками.

Когда заходило солнце, наступала тьма, и скот загонился на ночь за ограду внутрь селения, дети забивались в хижины к домашним очагам и настороженно слушали рассказы женщин о том, как чудесно родился Хлаканыяна и Нхлату, как Хлаканыяна провел своего отца и соплеменников, как он сварил мать людоеда, обманул целый ряд зверей и, наконец, получил мечту каждого юноши — боевое копьё. Они слушали с затаенным дыханием о скале, которая была жилищем людоеда и открывалась произнесением условных слов; вместе с героями сказок поднимались они на небо и спускались под землю, летали по воздуху; переживали вместе с героями их огорчения и неудачи, радости и победы. Но не будем забывать, что если слушателями сказок были дети, то их создателями были взрослые. В сказке искусно переплетались каждодневная действительность и фантастические темы, владевшие умами не одних только детей, но и взрослых.

Этап развития общества зулу, в который родилась сказка, был по своему социально-экономическому характеру чрезвычайно низким. Зулу в каждодневной напряженной борьбе отвоевывали у природы свое право на существование. Орудия труда были технически весьма несовершенны, разделение труда было примитивным. Человек на каждом шагу был связан с окружающей его природной средой, чувствовал свою постоянную зависимость от природы. И вряд ли сказки целиком принадлежат этапу патриархального родового строя. Более примитивные общественные отношения через идеологию более ранних этапов исторического развития несомненно должны были найти свое отражение в них. В сказках зулу не могло не отразиться то бессилие человека в борьбе с природой и та социальная связанность, которая была налична на ранних этапах развития первобытно-коммунистического общества. Иными словами, сказка при своем формировании должна была отразить основные противоречия зари доклассового общества и в этом отношении перекликаться в своем генезисе с ранними религиозными представлениями. Но мы сразу хотим подчеркнуть резкое

различие между этими двумя идеологическими явлениями, — мифом и сказкой, с первых же шагов их развития. Ранние религиозные представления, возникшие в результате извращенного осознания реальных фактов природы и общественного бытия, с самого начала были реакционными по отношению к прогрессу общественного развития. Они окутывали мистическими связями бессилие человека, обусловленное низкой степенью общественного развития, и обезоруживали его в процессе напряженной борьбы с природой в завоевании новых технических средств, необходимых для включения все новых и новых производительных сил в круг общественной практики. Пассивность, примирение, вместо борьбы, или совершенно ложная направленность — вот что характеризует самые ранние религиозные представления, мифологию доклассового общества. Сказка же представляет этому полную противоположность. Она тоже чрезвычайно ярко отразила в многочисленных элементах своей фантастики, которые составляют отличительную черту ее содержания, факты бессилия первобытного общества. Но основное в ней, на интересующем нас этапе, это активная борьба с теми оковами, которые связывают жизнь человека доклассового общества. В сказке герой преодолевает оковы бессилия человека перед природой и социальную связанность. В противоположность реакционности мифа, сказка прогрессивна, она зовет на активную борьбу.

Хозяйство зулу, в котором главное место занимало скотоводство и примитивное мотыжное земледелие, появилось лишь на этапе развитого родового строя. До этого племена зулу, как и другие племена банту, должны были проходить стадию хозяйства, в основе которого лежала охота. Для этого этапа раннего родового общества характерен групповой брак, ярким пережитком которого является сохранившаяся у зулу классификационная система родства, когда, например, одним и тем же термином «мать» обозначали и «мать» в нашем смысле слова, «сестер матери» и «жен братьев отца» или термином «отец» обозначали «отца», «мужей сестер матери» и т. д. К этому же относится экзо-

гамность брака, при котором запрещены союзы между членами семей, носящих одинаковые родовые имена, так наз. бонго (исибонго). Именно на этом этапе общественного развития мы должны искать происхождение ряда фантастических животных персонажей, столь характерных для сказок зулу. Бессилие первобытного охотника, обладавшего примитивными орудиями, порождало веру в существование фантастических чудовищ. Это многоголовое чудовище, живущее в лесу из сказки о Сикулуми; зверь Кукумадеву, живущий в заводи сказочной реки Луланга, проглатывающий скот, собак, людей и героиню Нтомбинде. Эти существа в фантазии первобытного охотника иногда включали в себя целый мирок, который по существу являлся космосом охотника. Таким мирком охотника было чудовище Силосимапунду, своего рода «рыба-кит» зулу.

«Он звался так ибо на нем были горы, отроги маленьких гор; поэтому он звался Силосимапунду. И там были на одной его стороне большие реки; на другой стороне большие леса; на другой стороне ущелья; и на другой стороне возвышенность. И у него самого видны были один рот и глаза; его лицо была скала. И рот был велик, очень широк, но красен; на одних сторонах его туловища была зима; на других время созревания колосьев. Но все они были на нем».

Основное, что нужно выделить в представлениях об этих чудовищах, это то, что они были когда-то для охотника хозяевами охотничьей территории и владыками всех зверей. Как раз с таким персонажем встречается старуха, странствующая в поисках заводи, где бы не кричала лягушка. Это Гунгкукубантуана, владыка зверей, отдыхающий в тени у большой заводи, которую он выпивает за один раз.

Иногда этот владыка зверей является огромным слоном, который также глотает людей и животных. Таким является слон из сказки о Нанана-Боселе. У него в животе находятся большие леса, реки, горы, и проглоченные люди вместе со своими детьми, скотом и собаками живут во вновь построенных селениях.

Если в образе Гунгкукубантуана хорошо прослеживается характерный для анимистических представлений развитой охотничьей стадии дух-хозяин зверей, то на примере Силосимапунду мы видим уже и новые черты, порожденные новым этапом общественного развития, — Силосимапунду является собственником неисчислимого количества скота. Это уже, конечно, развитие древнего фантастического образа, родившегося в условиях охоты на новом этапе социальных отношений родового общества.

Отличительной чертой именно сказки, в противоположность религиозным представлениям, является то, что все эти фантастические чудовища не господствуют над человеком, а в процессе борьбы побеждаются им. Отец близнецов умерщвляет Кукумадеву и освобождает многочисленные племена, селения и животных, проглоченных им; мать детей, проглоченных гигантским слоном, научает людей, находящихся в животе слона, резать изнутри по кускам его мясо и есть, в результате чего слон погибает, а люди выходят на свободу.

Среди племен зулу в значительно меньшей мере были заметны следы тотемизма, особенно по сравнению с другими племенами юго-восточных банту, например чуана, у которых каждый род вел свое начало от какого-либо тотемического животного предка.

Тем не менее ряд сказочных мотивов может быть объяснен из бывших когда-то широко распространенными тотемических представлений. Фантастическое представление о существовании каких-то связей между общественным коллективом и группой животных в линии происхождения от тотемического животного предка в сказке не прослеживается, равно как это утеряно и в мифологии. Но тем не менее нам кажется, что следы древнего животного невидения человеком себя из природы, представлений об объективно ложной связи между обществом и животными прослеживается в ряде мотивов. Нам кажется, что именно на базе старых тотемических представлений сформировался мотив превращения людей в животных, именно они лежат

за эпизодами превращения старика, подосланного к Клаказа, в лягушку, или обращения Цомбецандии в зяблика, а ее подружек в стаю птиц. Может быть сюда же идет и эпизод превращения Хлаканыны в палку-копалку при его бегстве от людоеда, хотя он, пожалуй, относится более непосредственно к чисто анимистическому культу земледельческих орудий. Пожалуй, в большей мере к тотемическому культу неживой природы можно отнести мотив таинственной скалы: жилища людоеда, которое открывалось путем произнесения условных слов, но и здесь уже чрезвычайно сильно влияние анимистической веры в магическую силу слова. Весьма вероятно, что фантастический мотив о происхождении от животного предка переживает в реалистическом, по своему характеру, мотиве притаяния новорожденных детей в шкуру зверя, как это мы имеем в сказках о Мамба и Нхлангулангу, где дети прячутся в шкуры змей. Чудесное рождение героев при помощи зверей также может быть отзвуком этих древних представлений, появившихся в обществе в поисках объяснения причин рождения. До осознания в процессе скотоводческого хозяйства причины размножения животных, а отсюда и умозаключения о связи полового акта с рождением детей, первобытному человеку рождение его детей часто представлялось, как в данном случае, в сказочном эпизоде, зависящим от животного царства.¹ В сказке о Цомбецандии мы видим птиц, которые производят для бесплодной женщины из сгустков ее крови мальчика и девочку; этим же путем голуби производят дитя в другой сказке — «Горные голуби». Представления о возможном союзе между женщиной и животным сохранилось в отрывках о Тиколоше и в сказке о Ситунгусобенгле и Жубатенте, где Ситунгусобенгле похищается Жубатенте, которые на данном этапе являются уже полуживыми полуголубями, и рожают для вождя Жубатенте детей,

¹ Целый ряд мест данного введения, касающихся идеологии доклассового общества, основывается на анализе ранних религиозных представлений, данном Ю. П. Фравцовым в исследовании генезиса мифа о страдающем боге, к сожалению, изданном лишь в конспективном виде в книге «Миф о страдающем боге».

с которыми, путем ряда хитростей и уловок, спасается бегством. Именно переживание древних ложных представлений о зачатии склонны мы видеть в этих сказочных мотивах. Эти представления родились вследствие непонимания истинных причин зачатия — роли отца. На стадии, предшествующей отцовскому роду, на первое место выдвигалась мать, а не отец, связь с которым и не ставилась в качестве причины рождения, не выделялась из целого ряда событий повседневной жизни, не имевших никакого отношения к акту рождения.

Таковы на наш взгляд отдельные мотивы сказок зулу, своеобразно, но закономерно отражающие указанное нами бессилие человека в борьбе с природой, обусловленное низким уровнем общественного развития, его чувства постоянной зависимости от природы и обусловленную этой зависимостью связанность отдельных членов общества друг с другом и обратно с природой.

Значительно сильнее и ярче отражает сказка те социальные противоречия, которые были наличны в обществе зулу, причем она чрезвычайно активно реагирует на самые различные стороны социальных отношений.

За исключением своих фантастических элементов, переплетенных с мифологическими представлениями, которые, как мы видели выше, являются для данного этапа общественного развития закономерным явлением идеологии родового общества, сказка чрезвычайно полно и реалистично дает нам картину разложения родового строя.

В сказке имеются, как нам кажется, две стороны, выявляющие различное отношение к существующему социальному порядку и заключенным в нем противоречиям. Одна сторона — это протест против общественного гнета со стороны верхушки родового общества.

Несомненно, одно из центральных мест в тематике сказок занимает женщина, которая в патриархальном роде зулу, как мы уже видели выше, занимает по существу положение рабыни. Лишь незначительные следы того периода, когда женщина имела иное общественное положение, чем

в патриархальном роде, дают нам материалы сказок. Следы эпохи материнского права прослеживаются в таких мотивах, как приход преследуемого отцом Сикулуми к брату своей матери, который устраивает празднество в честь его благополучного спасения из дремучего леса, где обитало многоголовое чудовище. Конечно, отнюдь не случайно, что Сикулуми, прежде чем отомстить отцу за свои злключения, направляется к своему дяде, ибо, по положению материнского права, отец это скорее чужак, а дядя самый близкий и, в правовом отношении самый значительный, для него мужчина. Когда Хлаканьяна приветствует при встрече людоеда и желает с ним поближе сойтись, чему противится людоед, то он называет его «мой брат матери». Это, повидимому, совсем не случайно и является уловкой, которой Хлаканьяна хочет обмануть людоеда и заставить того поверить, что он является его дядей и тем ослабить его бдительность.

Сказка рисует нам всю тяжелую картину угнетенного бесправного положения женщины, являющейся орудием в руках своего владыки — мужа. В ряде сказок мы видим, каким угнетениям и издевательствам подвергается главная жена вождя, страдающая бесплодием. Она подвергается общественному позору со стороны своих соплеменников и соперниц — остальных жен вождя; она теряет свое высокое положение главной жены, и ее хижина переносится из привилегированного местоположения в верхней части селения, поблизости от хижины вождя, на край, к выходу, как это, например, происходит в сказке о Цомбецандини. Но сказка утверждает невиновность женщины. Женщина вскармливает детей, созданных ей птицами, доказывает свое превосходство над другими женами вождя, рождавшими лишь воронов, и опять занимает свое общественное положение. Вместе с ее торжеством и дети тоже получают привилегированное положение. Вообще тема гонимой жены с ее детьми или детей, гонимых своим отцом-вождем, является очень распространенной. Мы знаем исторически засвидетельствованные факты, что, в период насильствен-

ного объединения племен зулу в единый крупный племенной союз, вожди зулу заставляли умерщвлять всех своих сыновей, которые могли бы возмужав оспаривать власть у своего отца. Как раз лишь путем бегства от отца крупнейший политический вождь зулу — знаменитый Чака избежал своей смертельной судьбы. Протестом против этого произвола отца-патриарха и является сказка о Сикулуми, который, отправленный по приказанию своего отца в лес, где он должен был стать жертвой многоголового чудовища, воспитывается этим чудовищем, оказавшимся благожелательным к нему, и в конце концов умерщвляет все племя своего отца, захватывает его богатство и, «будучи вождем», торжествует со своей матерью. Вообще это выделение в сказке на первый план женщины, приниженной в жизни патриархальным семейным укладом, и детей, скованных в детстве и юношестве возрастными ограничениями, чрезвычайно характерно. Мы еще ни в одной из сказок не имеем героя взрослого мужчину. Лишь предвестником будущих сказочных сказаний о подвигах мужчины может быть являются похождения мальчишки типа сказки о Хлаканьяне. Весьма распространенная тема сватовства, при которой из-за невесты происходит борьба и герой-жених на пути к женитьбе претерпевает целый ряд испытаний, но, как это ни странно, первое место в этих сказках занимает женщина. В этом отношении очень характерна сказка о Клаказе-Уаконгингкуайо и Цомбецанцини. В сказке совершенно определенно претерпевает сильную идеализацию брак, который в реальной жизни является по существу экономической сделкой, и думается, что эта идеализация является одной из закономерных идеологических форм протеста женщины против ее подневольного состояния у мужчины. В жизни успех сватовства зависел от общественного положения жениха и, в первую очередь, от его имущественного положения — владения скотом. Невеста, по существу, продавалась своим отцом за известное количество голов скота и все, а в сказке для мужчины этого оказывается совершенно недостаточно, ибо ему нужно завоевать любимую

женщину, выдержав ряд испытаний, из которых он часто выходит с честью лишь благодаря помощи своей невесты.

Если в сказочной тематике зулу этажа разложения родового строя прослеживаются следы общественных отношений предшествующих стадий развития и пережитки более древней идеологии, то в ней одновременно коренятся и предпосылки ряда идеологических представлений последующих ступеней общественного развития, уже раннеклассового общества.

Сказочный образ гонений на мать и сына со стороны отца-патриарха в переплетении с мотивом чудесного рождения младенца уже подготавливает для будущих мифологических представлений образ матери, претерпевающей со своим младенцем ряд мытарств, которые кончаются победой ее сына, часто отмстителя. В подчиненном положении женщины патриархального общества и ее злоключений уже вырисовывается мифологический образ переднеазиатской богини, с одной стороны, любовницы, с другой стороны, матери, идеологически закрепляющей бесправие и рабство женщины в классовых обществах Древнего Востока.

Материалы сказок отражают не одно социальное противоречие между положением мужчины и женщины в обществе зулу. Нам кажется, что, например, широко распространенная и может быть пользующаяся наибольшей популярностью сказка о Хлаканьяне, имеющаяся в несколько иной редакции и среди племен коса, несет в себе критику и скепсис в отношении родовой верхушки — старейшин и вождя, со стороны возрастных уз и ограничений родового общества. Отлично представляешь себе радость и злорадство слушателей нескончаемой серии занимательных приключений Хлаканьяны, когда дело доходит до его проделки с отцом-вождем, старейшинами и мужчинами, одаренными вождем мясом. Хлаканьяна, к великой радости слушателей, почти сразу после своего чудесного рождения, ведь он еще во чреве матери потребовал, чтобы она его рожала, проделывает невероятные вещи с точки зрения возрастного деления общества. Родившись, он сразу нарушает все обще-

ственные запреты. Он, мальчишка, входит в загон для скота, где сидят и едят мясо старейшины, которые после этого в испуге убегают. Затем он в устроенном соревновании, где принимают участие все мужчины племени, хитростью первый приносит ногу быка и, наконец, надувает взрослых мужчин с мясом, которое им дал вождь, его отец. Своими проделками он как бы доказывает, что мудрость и величие родовых старейшин и вообще старших мужчин только кажущиеся и ловкий мальчишка может их прекрасно провести. Дело, мол, не в принадлежности, освященной бытовым правом рода, к определенной возрастной группе племени, а в личных качествах индивидуума, хотя бымышленого мальчишки.

Эти моменты говорят, конечно, о процессе разложения родовых отношений, что сказывается и в других мотивах сказок. Возникшее имущественное неравенство влечет за собою борьбу за обладание богатством, которое обеспечивает лучшее общественное положение и власть. Процесс насильственного присвоения чужих богатств хорошо иллюстрируется темой сказки о двух братьях, где один брат, желая присвоить себе чудесно полученный другим скот, оставляет своего брата в пропасти.

Далеко отошла в прошлое выборность вождя. Власть вождя переходит в одной и той же семье по наследству и даже начинает оспариваться при жизни вождя его наследником. Это как бы другая сторона отношения сказки к наличным социальным отношениям. Протестуя, с одной стороны, против угнетения человека в условиях патриархального рода по полу и возрасту, сказка начинает несомненно утверждать насильственную власть вождя. Именно это утверждает сказка о Сикудуми, повествующая о борьбе за власть сына наследника. По существу, нам кажется, что уже на данном этапе требуется идеологическое оправдание власти вождя, часто встающего над своими соплеменниками путем насилия и правящего им же. Это отчасти выполняет мотив о чудесном рождении мальчика, будущего вождя, с самого начала обладающего исключительными, свойственными

одному ему качествами. Уже тут борьба за власть обязательно сопровождается в идеологии легендой о чудесном рождении и сверхъестественных качествах претендента на власть — будущего владыки племени. Не случайно, что большинство сказочных мотивов группируются вокруг вождей и членов их семьи. Этим подготавливается, для этапа классового общества, легенда о царских сыновьях и сверхъестественном происхождении царской власти, которые, в переплетении с новыми мифологическими представлениями, утверждают в сознании масс власть господствующего класса.

Всему этому сопутствует в сказках зулу широкий полет творческой фантазии. То, что еще недоступно на данном этапе общественного развития зулу, преодолевается в сказке. У зулу есть поговорка «Кто может сплести такую веревку, чтобы взойти на небо?» Она передает невозможность преодоления воздушного пространства, но герои сказки преодолевают его. Так, Бабузе на шкурке мыши поднимается в небесную страну к своей возлюбленной; девушка со своим братом, спасаясь от людоеда, взбирается по дереву в небесную страну. Герои сказки, преодолевая пространство попадают не только на небо, но и под землю. Иногда они попадают туда случайно через нору, преследуя дичь, как в сказке о Нцями-нгаманци-эгуду, или заставляют путем заговора раздаться землю, и этим путем попадают под землю, как это делает Нтомби-япанси.

Таковы отдельные моменты сказок зулу, которые нам хотелось оттенить перед читателем. Сказка не является просто досужим вымыслом, предназначенным для ребятишек зулу. Центр ее идеологической направленности не в фантастике и занимательном нагромождении приключений ее героев. Это лишь форма, в которой на этом этапе развития широкие народные слои зулу активно выражают свое отношение к самым разнообразным сторонам своего общественного бытия. Сказка полна жизненной энергии своих героев; она зовет к активной борьбе и хлестко бичует все пороки и недостатки отдельных людей. Она напоминает каждому, что всем нужно помогать друг другу и не ста-

ратся использовать труд другого для своей личной пользы, ибо, как гласит пословица зулу, родившаяся из сказки «била остался без хвоста, ибо поручал другим».

* *

Со времени «открытия» Бартоломеем Диазом в 1486 г. Южной Африки и появления судов Васко да Гамы 25 декабря 1497 г. у берегов области, населенной тогда племенами зулу, откуда и происходит современное название провинции Натала, прошло больше четырех столетий.

После длительной борьбы за сохранение своей независимости от вторгавшихся на их территорию сперва буров, а затем англичан, зулу должны были уступить силе. Эта борьба, переходившая несколько раз в неравную войну с вооруженным до зубов противником, стоила народу зулу неисчислимых человеческих жертв. Окончательное экономическое и политическое порабощение зулу наступило после открытия и начала разработок в 80-х годах прошлого столетия в недрах Южной Африки золота и алмазов. Проникновение капитализма, лихорадочное строительство заводов горной промышленности и строительство сети железных дорог, появление у европейцев капиталистических форм крупного сельского хозяйства в корне изменили старый общественный уклад зулу и других племен банту. Развитие капиталистических форм производства, лежащего в руках европейцев, требовало огромного количества дешевой рабочей силы, и с этой целью стали эксплуатироваться многочисленные племена банту. Путем введения непосильной для туземцев системы налогов фермеры и горнопромышленники получили большое количество рабочих. Не будучи в состоянии уплатить налоги из скромных доходов своего хозяйства, которых хватало лишь на жизнь семьи, племена банту стали заниматься отхожими промыслами. Все усиливающийся гнет и эксплуатация туземных племен со стороны капиталистов повели к обнищанию деревни и пролетаризации крестьянства. Туземец, уходивший прежде на работу в промышленные центры лишь на известное время года, превращался

уже в кадрового рабочего, почти порвавшего свою связь с деревней.

Несмотря на последовательно проводимую капиталистическими хозяевами политику классового угнетения туземцев, что проявлялось во всех сторонах общественной жизни, будь то рабочее законодательство, по которому труд негра оплачивается в несколько раз меньше, чем европейца, и ему запрещается заниматься квалифицированным трудом, или система народного образования с отдельными школами для негров, мы видим, что родились кадры туземной интеллигенции.

В напряженной классовой борьбе завоевывают народности банту свое право на жизнь и выковывают новые высокие формы своей культуры. Сказки с общественным укладом, который они отражали, отошли в далекое прошлое. В Южной Африке сейчас рождается богатая художественная литература банту, правда, пока представляющая по своей форме большею частью повести и новеллы и лишь в редких случаях достигающая больших литературных произведений типа романов.

Из авторов зулу выделяется J. L. Dube, написавший повесть о Джеке — соратнике знаменитого вождя зулу Чаки, и поэт Vilikazi, только что выпустивший сборник поэм. Целый ряд очерков повестей и новелл принадлежат авторам по национальности коса. Из них назовем Stephen'a, Mlotiwa, Gilbert'a Makalima и Henry Ndawo, Guibon'a Sinxo, перу которого принадлежит и одна пьеса, и двух поэтов John'a Solilo и S. E. Mqayi, выпустивших по книжечке стихов. Крупными литературными именами обладают суто. Из них выделяются E. L. Segoeete, Z. B. Mangoaela, A. Sekese и T. Mofolo. T. Mofolo является автором, который теперь пользуется большой популярностью не только в Южной Африке, но и далеко за ее пределами. В 1925 г. вышел в оригинале суто его роман «Чака», посвященный интереснейшей исторической личности — знаменитому вождю зулу Чаке. В 1931 г. эта книга была издана в английском переводе, сделанном Dutton'ом. Большие художественные

достоинства несомненно ставят его в ряды крупных памятников мировой литературы и он давно заслуживает перевода на русский язык. На примере этого романа мы видим, какую огромную роль играют произведения устной литературы в рождении новых форм литературных произведений. Роман „Чака“ построен в значительной мере на фольклорных материалах, и видно, какую огромную роль сыграли не только фольклорные темы, но и все языковое богатство сказок зулу в творчестве автора. Общественная ценность сказок продолжает сохраняться. Ее роль весьма значительна в росте молодой литературы бывших когда-то бесписьменными зулу и других народов банту Южной Африки.

И. Л. Снегирев.

Ленинград,
15 марта 1936 г.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Настоящее издание является первым опытом перевода на русский язык образцов устной литературы африканских народностей. В своей работе мы старались возможно ближе следовать в форме оригиналу, чтобы передать русскому читателю наиболее цельно стиль устной литературы зулу, умышленно избегая описательной передачи по смыслу, что, конечно, значительно облегчило бы за счет формы чтение ряда мест. Вместе с тем в ряде случаев мы сочли нужным облегчить форму. В тех местах диалога, где употребляется «он (а, о) сказал (а, о)», мы переводим по разному в зависимости от смысла: «он сказал», «он спросил», «он ответил». В виду структурной особенности языка зулу, характерной впрочем для всех языков банту, необычайной конкретности местоимений, согласованных с каждым классом имен существительных, что влечет за собою в случае частого употребления местоимения «он» полную ясность, какое имя существительное или собственное заменяет в данном случае местоимение, нам пришлось часто заменять местоимение «он» тем именем, которое оно в конкретном случае заменяет, без чего, в ряде случаев, текст был бы в русском переводе малопонятен. Следует также оговорить перевод нами ряда терминов. Мы считаем ничем не обоснованным в отношении устной литературы доклассового общества перевод терминами сказки уже классового общества. Так как в социальной структуре зулу, стоявших на этапе разложения родового строя, не было еще

царя, а был лишь племенной вождь, то мы закономерно переводим (в противоположность Callaway) термин *inkosi* не «царь», а «вождь». Следует оговорить и наш перевод другого социального термина *inkosikazi*: — мы переводим его, конечно, не как «царица», но и не как «жена вождя», а «великая женщина», потому что термин *inkosikazi* относится не ко всякой жене вождя, а к главной жене и самими зулу воспринимается как «великая, почтенная женщина», резко выделяющаяся по своему общественному положению среди прочих жен вождя. Значительные затруднения встречаются при переводе собственных имен зулу в виду характерных фонетических особенностей языка зулу, по сравнению с русским, как впрочем с любым европейским языком и многими языками других языковых систем. Мы имеем в виду ряд фонем, известных под названием так наз. «щелкающих звуков», передаваемых в практической латинице через *s*, *x*, и *q* с их вариантами, и ряд латеральных звуков, передаваемых через *hl*, *thl*, *dhl*. В основу передачи собственных имен мы положили принцип транслитерации, причем «щелкающие звуки» мы передаем условно следующим образом: *s* = *ц*; *x* = *кл* (в тех случаях когда в слове встречается *к*) и *н*; *q* = *к*. При переводе имен зулу на русский мы сочли необходимым опустить префиксы, носящие функции именных показателей, так напр. Ухлаканьяна, Усикулуми или Исикукумадеву мы передаем как Хлаканьяна, Сикулуми и Кукумадеву.

Собранные в этом томике сказки переведены с записей, изданных в свое время Callaway (*Izinganekwane pensumansumane nezindaba zabantu*). Эти сказки были записаны Callaway со слов целого ряда представителей различных родов племени зулу: Umangali kandhlovu, Umpengula Mbanda, Ufusi Mbele, Ulutuli Dhladhla, Unyaose Kciya, Umpondo Kambule, Umkasetemba, Umanjanje Mbanda, Uskebe Ngubane, Umamadunjini, Ukofana Dhladhla, Umatshotsha, Umkarpengula, Unoko Masila, Umankofana Mbele, Uluhoho Madonda.

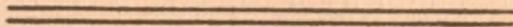
При составлении комментариев нами использованы многочисленные замечания Callaway, бывшего прекрасным знато-

ком зулу, во всех сторонах их общественной жизни, и А. Т. Nzula.

В заключение переводчик считает своим долгом указать на покойного А. Т. Nzula, как на своего учителя, давшего ему конкретные знания языка зулу, при непосредственной помощи и консультации которого была осуществлена значительная часть настоящего перевода.

Москва—Ленинград, 1933—1935 гг.

СКАЗКИ
ЗУЛУ

Хлаканыяна¹

Случилось, женщина забеременела. Случилось однажды заговорил ребенок в утробе. — Сказал он: скорей рожай меня, скот моего отца уничтожат люди. — Сказала его мать: пойдите сюда, узнайте, вот диковина; здесь у меня в утробе говорит ребенок. — Спросили люди: что говорит он? — Он говорит: рожай меня скорее; — он говорит: скот в загоне приходит к концу.

Его отец зарезал быков.² Пришли люди, собрались, пошли вместе с мужчинами из загона для скота и сказали: пойдите сюда, узнайте, вот диковина—говорящий ребенок. — Заговорил его отец, сказал он: пусть заговорит ребенок так, как ты рассказывала. — Ребенок заговорил, сказал он: да, говорю я, пусть мать моя рождает меня, ибо скот в загоне

приходит к концу. Я же говорю: дайте я пойду освежую тушу. — Удивились люди, сказали они: что же произойдет?

Сказал его отец: пусть все выйдут из дому, рожай его; мы посмотрим на эту диковину — человек это или что. И все вышли. — Сказал его отец: пусть никто не остается. Пусть все люди выйдут, ибо он начал говорить когда его мать была одна. И они вышли. Ребенок вышел из утробы. Выйдя он встал. — Сказала его мать: поди сюда, дай я перережу то, что висит у тебя. — Сказал ребенок: нет, не надо, не перерезай у меня, я сам взрослый — я муж совета.³ Он взял нож своего отца, он обрезал у себя (пуповину) и выбросил наружу. Его мать взяла воду, она омыла его.

И вышел он с ножом. Его мать отняла у него снаружи. Ребенок оставил нож, он вошел в загон для скота; старейшины разбежались.⁴ Он сел у очага и съел кусок мяса, который ели старейшины. Они возвратились и сказали: так это мужчина, взрослый человек, мы же думали ребенок. Спросили мужи, сказали они: это тот ребенок, который говорил с тобой в твоей утробе. Ответила его мать: он самый.

Сказали они: О, мы благодарим великую женщину,⁵ она родила нам ребенка мудрого от рождения. Мы никогда не видели ребенка подобного этому ребенку. Этот ребенок подходит, чтобы быть величайшим среди детей вождя, ибо он заставил нас удивиться его мудрости.

Да! сказал ребенок: отцы, раз вы говорите я ребенок, я вижу, что вы думаете я ребенок, возьмите заднюю ногу быка, бросьте ее сюда, вниз от загона для скота, — посмотрим кто завладеет ею? Подымите всех своих людей, и мальчиков, и мужчин, чтобы завладеть задней ногой; и мы посмотрим, кто действительно мужчина. Тот будет действительно мужчина, кто завладеет задней ногой. И его отец взял ее, он бросил ее вниз от загона для скота. Все они столпились у главного выхода, в верхней части селения. Ребенок же выбрался через дыру в нижней части селения;⁶ он встретил их уже возвращаясь с задней ногой быка. — Сказал он: мать моя, получай же — вот мое мясо. — Сказала его мать: я радуюсь сегодня, потому что я родила мудрого мужчину.

Ребенок опять пошел в загон для скота, когда отец его одарил одного мужчину. — Сказал он: дай мне, чтобы я смог положить в твой дом. — Ответил мужчина: хорошо, дитя вождя. Ребенок взял мясо, вошел в хижину и снял дыновку и палку для еды;⁷ он вымазал кровью дыновку и палку для еды; он вышел с мясом и пошел с ним к своей матери. — Сказал он: мать моя получай — вот мое мясо. Он поблагодарил всех из совета, и он снова благодарил их. Опять ребенок поступил подобным же образом с другим мужчиной, он взял его таким же образом. — Сказал он: дай мне, чтобы я смог положить в твой дом. Ребенок проделал то же, что проделал с первым. Он вымазал дыновку и палку, он все оставил так и свес мясо к себе. — Сказал он: мать моя, получай — вот мое мясо. — Его мать поблагодарила, сказала она: сегодня я родила мужчину. Из всех людей совета не было и одного, который бы нашел свое мясо. Оно все было в доме мальчика, который родился в день, когда были зарезаны быки его отца. Зашло солнце; все односельчане, не найдя мяса, спросили его. — Он сказал: посмотрите на дыновку и палку, разве я не положил его на дыновку, я взял палку и повесил его наверх так, как мясо подвешивается наверх. — Сказали они: хорошо, мы видим дыновка красная и палка красная. Но кем оно было снято? — Тогда он сказал: вот ведь дыновка красная. Со всеми было так, и с ними со всеми было так. Перед всеми людьми селения своего отца он оправдывался дыновкой.

Женщины селения кричали, спрашивали: кто появился сегодня? что за человек появился? Мы никогда не видели подобного. Зачем вы послали его, вы же видели, что он подобен Хлаканьяне. Вы думаете что это человек? Вы думаете был человек подобный ему, умевший говорить еще ребенком, который был бы настолько смышлен, что превосходил взрослых мужчин? Разве вы его не видели, берущим заднюю ногу быка? Вы могли тогда понять, что этот человек не был зачат. Он лишь вошел в великую женщину; он вошел, но не был зачат; а насчет вождя, так он не его сын. Мы женщины все сейчас отвергаем

и вы, мужчины, посмотрите на него когда-нибудь; он сотворит великие вещи, потому что он заговорил в утробе. Вот ваше мясо отнято у вас ртом, вас всех стариков. Он, наконец, обманул и своего отца с задней ногой его быка. Он будет творить диковинные вещи, ибо он сам диковина, диковинного вида. — И так закончилось с тем мясом.

Он отправился, он пошел охотиться на реку. Он нашел великое множество силков, поймавших птиц, дхлази,⁸ по две и по три. Он всех их вытащил, скрутил их в связку, и пошел с ними домой. Он пришел домой, вошел к своей матери, и сказал: мать моя, сними с меня, я нагружен. — Спросила она: что ты несешь? — Ответил он: я несу моих птиц, которые были мною пойманы. — Его мать возблагодарила, сказала она: дитя мое — мужчина, он мудр. Ты превосходишь всех мужчин и своего отца и твоих товарищей. И она развязала. — Сказал он: свари их всех, закрой их плотно. И его мать сварила их. — Сказал мальчик: сегодня я ухожу отсюда из дома, я иду спать к другим. Не открывай этих моих птиц до моего прихода утром, тогда утром они будут вкусными.

И он вышел, он пошел спать к другим. — Спросили они: куда идешь ты? Сюда? Мы не хотим спать с тобою. — Сказал он: почему я не могу спать с вами, ведь я же мальчик? Разве я девочка? — Ответили они: Ну нет! ты слишком мудр. Ты обманул наших отцов с их мясом, подаренным вождем. Ты сказал, что положишь им в их дома: ни один из всех людей селения вождя не увидел его. И мы видим, что ты не принадлежишь вождю. — Спросил он: чей же я? — Сказали они: мы не знаем, нет принадлежащих вождю подобных тебе. Сам ты верно диковина. Еще что произойдет благодаря тебе; еще не кончилось. Ты верно диковина. — Сказал он: раз вы так говорили я буду спать из упорства. — Сказали они: из-за твоего упорства, у тебя лишь мальчишки? Ты думаешь обладаешь силой, и большой? У тебя лишь сила рта и слов твоих; ты превзошел нас ртом; самой силы у тебя нет, ибо ты только что был рожден; теперь мы знаем, что ты верно дитя. Слова — твоя ловкость; она превзошла нас

ли одно с нашими отцами. — И они замолчали. И он тоже замолчал. Он заснул.

Прокричал петух. — Хлаканьяна проснулся и сказал: уже день. — Сказал он: я пойду, ибо вороны и люди могут вытащить моих птиц. Он вышел и пришел к своему дому. Не открывая, он приподнял дверь своего дома и вошел; его мать спала. Он приоткрыл горшок и съел своих птиц; у всех птиц он не поедал их головы; он ел их туловища, он прикончил их всех. Он вышел, сгреб навоз, вошел, положил его на дно горшка, положил поверх головы и закрыл. Все это пока его мать спала. Он вылез под дверь. Он отошел недалеко, опять вернулся, и сказал: мать моя, мать моя, открой мне, будто он только пришел. Он вошел, взял воду, умылся и сказал: дай же мне птиц. — Входя, он сказал: ты все спишь! пока все птицы не прятятся в навоз, ибо солнце взошло; я знаю, птицы, они делаются такими, если солнце уже взошло, так как солнце сейчас взошло, мы можем их не найти; мы не найдем на дне. — И он приоткрыл; — сказал он: так и есть, один навоз; остались одни головы. — Спросила его мать: как это произошло. — Сказал он: откуда тебе знать? Сказал он: вот я знаю. Ты же лишь маленькое дитя. Ты меня родила? Разве я не сам заговорил, сказал: рожай меня тотчас, скот моего отца приходит в загоне к концу? Знавала ли ты дитя, которое заговорило бы подобным образом, говорило: пусть я буду рожден, и которого ребенком ничего не смущало? Я очень стар. Я не ваш: и отец мой, с которым ты, он не мой отец, просто человек, лишь наш человек; ибо я лишь лежал в тебе, ты же была его жена. Мы не будем вместе с вами жить в одном месте; отправляюсь я один, пойду, оставлю вас, чтобы вы могли здесь жить вместе. Сам я пойду странствовать по всему миру. — Горшок был открыт. — Сказала его мать: — ой! дитя мое, ты говорил правду! Ты сказал: они могут превратиться на дне горшка в навоз. Верно, там только навоз внизу, а наверху только головы. — Сказал мальчик: дай мне посмотреть на них. Он посмотрел и съел головы одну за другой, он прикончил их. — Сказал он: раз

ты съела моих птиц, я не дам тебе и этих голов, ибо ты съела их мясо. И он прикончил головы.

Он взял свою палку и вышел бранясь, говоря: ай птицы мои, куда они съедались, я собирался, я думал, что съем своих птиц, которые были сварены. Но ты все спала, пока они все не превратились в навоз. Он молчал. И так он шел. Он достиг ловушек людоеда и вытащил птиц. Когда он вытаскивал, явился людоед. — Будучи пойман, мальчик сказал: не смей меня убивать. Людоед видел, что птицы вытаскиваются кем-то. Поэтому он обмазал птичьим клеем палки перед ловушками, и мальчик был пойман на птичий клей. — Сказал Хлаканыяна: не пужно меня бить, я объясню тебе. Вытащи меня, очисти меня от клея и возвращайся со мной. У тебя есть мать? — Сказал людоед: она там. — Сказал мальчик: но что же ты меня портишь, не вытаскиваешь, не очищаешь меня от клея, не возвращаешься со мной? Я буду горьким; я не буду вкусным, если ты меня так бьешь, я не буду вкусным; я буду горьким. Очисти меня, возвращайся со мной; положи меня в свой дом, чтобы я мог быть сварен твоей матерью, положи меня чтобы я высох; сам уйди, а меня оставь дома; я не сварюсь если ты будешь там, я буду скверный, я не буду вкусным.

И людоед взял его и вернулся с ним домой, вместе со своими птицами. — Он явился домой к своей матери и сказал: мать моя, вот зверь, который ел моих птиц. Сегодня я нашел его, я поймал его моим птичьим клеем; он сказал, чтобы я его вытащил, очистил его от клея. Он сказал чтобы я не бил его; он сказал, что будет горький, если я его побью. И я согласился, вынул его и притащил. Он спросил: есть ли у меня мать. Ответил я этому зверю: она там. Он сказал, что будет тобою сварен, когда меня не будет. Он сказал, что не будет вкусным, если будет сварен пока я здесь. И так я соглашаюсь. Свари его утром. Пусть он сейчас спит. Людоед с мальчиком, своим братом, согласились и сказали: пусть он спит.

Утром сказал людоед: мать моя, вот он мой зверь. — Сказал Хлаканыяна: возьми меня, помести меня наверх

хижины, чтобы я высох под солнцем, — думая, что оттуда он увидит, куда людоед исчезнет. И был он помещен наверх хижины. И отправился людоед с мальчиком, своим братом; они исчезли за гребнем горы. — Хлаканьяна спустился и спросил: мать моя, ты еще спишь? — Ответила мать людоеда: да. — Сказал Хлаканьяна: вставай, будем варить друг друга. — Сказал он: я тебя и ты меня будем варить немножко. Пусть варка будет в большом горшке, ибо я разбухну и наполню горшок. Вот большой горшок для варки мяса. — Сказала мать людоеда: ну ладно, ты прав; ибо ты знаешь о себе и твоей варке. — Сказал он: возьми же, поставь его на очаг. — Хлаканьяна развел огонь, он слабо разжег; сказал он: сильный огонь. — Сказал он: попробуем воду, нагрелась ли она? — Он опустил руку и сказал: да, готова, опускай меня; начнем с меня. — Сказала мать людоеда: ладно. Она взяла его, опустила и накрыла. Он молчал внутри горшка. — Сказал он: вытаскивай же меня. — Она вытащила его. — Сказал он: ну же! разведем огонь еще. — Хлаканьяна развел огонь; сказал он: я почувствовал, что вода не нагрета. Нужно еще развести огонь. Он развел большой огонь; он заглянул и нашел что кипит. — Сказал он: развязывай же свои одежды, ибо вода теперь подходит чтобы тебе лезть, ибо я сам входил в подобную. Лишь для тебя; вот теперь она приятно нагрелась.

Хлаканьяна начал ее развязывать. — Сказала она: оставь меня, я развяжу себя сама, не нужно понуждать меня. Зачем ты понуждаешь меня? — Сказал Хлаканьяна: что с того, если я развяжу тебя, ведь, я лишь зверь, который будет съеден твоими сыновьями и тобою? Что с того, ведь, я лишь зверь, который будет съеден твоими сыновьями и тобою? Он опустил ее и накрыл. — Закричала она, сказала она: Хлаканьяна вытащи меня. Я сварена! — Сказал он: ну нет! Ты сама еще не сварена, ибо если бы ты была сваренной, ты не смогла бы говорить, что ты сварена. Я понимаю, я мужчина; если человек говорит — я варюсь, — он еще не сварен; если он сварился, он так не говорит, — я варюсь; он сварен и конец. — Сказала она: Хлаканьяна, я готова. — Сказал

Хлаканьяна: ну нет. — Сказал он: еще не готова. Вот она говорит, она готова. Я знаю, если человек готов, он не говорит, что он готов; он просто молчит, когда он готов. И так она была сварена и замолчала. — Сказал Хлаканьяна: вот теперь я верю, что она готова, ибо она теперь больше не говорит; теперь она молчит, так что я думаю она готова; и она будет съедена своими сыновьями. Готова. Вот теперь она действительно готова, ибо она молчит.

И он взял одежды, надел их все и сделался огромным благодаря тем одежам. Он прилег там, где лежала старуха, мать людоеда. — Явились людоеды и сказали: мать наша. — Ответил Хлаканьяна — я здесь, — слабым голосом, подобным их матери. — Спросил он: зачем вы зовете меня? Сказал он: вот ваш зверь, он разбух, он сделался большим, вкусным, таким, как он говорил. Ешьте же, сама я не встану. Я уже ела его. И людоеды вытащили руку и стали есть. — Сказал мальчик-людоед: эти руки похожи на материнские. — Сказал старший людоед: что ты такое говоришь? Ты накликаешь беду на нашу мать. — Сказал тот: ай! я больше не говорю. Так они ели, они прикончили руку. Они вытащили ногу и ели. — Снова мальчик-людоед сказал: эта ступня похожа на материнскую. Хоть насчет рук ты говорил, что я не должен говорить, что они похожи на материнские, я говорю. Опять эта ступня похожа на ее. Старший прибил его. Хлаканьяна отвел разговор лежа: он сказал: дитя мое, этот колдун, он съел бы меня, раз он говорит, поедая зверя, называя его мною, сравнивая его со мною. Так молчи, дитя мое, ешь его сам.

Сказал Хлаканьяна: посторонитесь, дайте мне выйти, я вернусь обратно. Вы оставайтесь, продолжайте попрежнему есть. Когда Хлаканьяна был в дверях, сказал людоед: да, эта пятка похожа на материнскую. — Хлаканьяна съезжился, он испугался этого; он быстро выскочил в дверь; он пошел быстро, чтобы оставить позади дом людоеда. Он начал снимать одеяния, снял их все и побежал страшно быстро. — Когда он увидел, что уже далеко и они не смогут его настигнуть, он закричал, он сказал: людоеды, вы ведь едите вашу мать! — Людоеды поняли и вышли. — Сказал

мальчик-людоед: я говорил, эти руки похожи на материнские и ступня ее. Они погнались за ним; он достиг полноподной реки. Хлаканьяна обернулся у воды палкой-копалкой. Пришли людоеды; они узнали след на земле; они увидели палку-копалку;⁹ людоед взял ее и сказал: он переправился. Он бросил палку-копалку и сказал, — вот так, — говоря он бросил палку-копалку. Но это был Хлаканьяна, ведь, достигнув реки, он обернулся палкой-копалкой. Хлаканьяна обрадовался, когда встал на другом берегу; сказал он: вы меня переправили! Сказали они: ах! но это был он, палка-копалка, мы же думали просто палка-копалка. И они вернулись.

Он же переправился; пошел, встретился с зайцем и сказал: заяц, поди сюда, я расскажу тебе кой о чем. — Ответил заяц: нет! я не желаю с тобою сходиться. — Сказал Хлаканьяна: я расскажу тебе о происшедшем между Хлаканьяной и Зиму¹⁰ на другом берегу реки. Заяц продолжал быть пастором. Хлаканьяна приблизился; он схватил зайца; он посадил его на палку; он выщипал у него волосы; разжег огонь; зажарил зайца и съел его; он выточил кость, сделал из нее свирель. И пошел себе, пошел.

Он встретился с ящерицей, сидевшей наверху дерева. — Сказала ящерица: А! здравствуй Хлаканьяна. — Ответил он: здравствуй ящерица. — Сказала ящерица: одолжи мне твою свирель, чтобы я послушала, как она звучит. — Ответил Хлаканьяна: Ну нет! Я не дам тебе мою свирель. Не хочу. — Сказала ящерица: я отдам тебе обратно. — Сказал Хлаканьяна: отойди же от заводи, — ибо дерево стояло над заводью, — поди сюда на ровное место, я боюсь у заводи. Говорю я, свирель моя, ты можешь с нею скрыться в заводь, ибо ты существо, которое, живет в заводь. Ящерица спустилась и вышла на ровное место. И Хлаканьяна дал ей; и она заиграла на свирели. Сказала она. — О! она звучит, твоя свирель, одолжи мне, чтобы я могла сыграть на ней и завтра. — Ответил Хлаканьяна: Ну нет! давай сюда. Я хочу сейчас идти. — Сказала она: Нет! ты мне ее одолжил. — Сказал он: давай быстро. Рассердился Хлаканьяна. — Схватил он ящерицу, сказал он: давай. — И был ударен

хвостом Хлаканьяна, был он сильно ударен хвостом; он почувствовал сильную боль и выпустил свою свирель; ящерица скрылась в заводи со свирелью Хлаканьяна.

И пошел Хлаканьяна, шел он в другое место. Наткнулся он на хлеб, положенный стариком; он схватил его, он убежал с ним. — Сказал старик, когда увидел его: положи мой хлеб Хлаканьяна. Убегая, Хлаканьяна залез в нору термитов. И пришел старик, опустил руку, схватил его. Сказал Хлаканьяна: ха, ха! ты схватил корень. Старик пустил его, снова схватил и схватил корень. И тогда сказал Хлаканьяна, крича: ой, ой! он меня убил! Старик тянул сильно, пока не устал, держась так за корень. Наконец он ушел. Хлаканьяна же съел хлеб, прикончил его; вышел и пошел.

И шел Хлаканьяна: он повстречался с леопардом, который принес детенышей; самого его не было, были одни детеныши. Хлаканьяна остался с детенышами. Наконец пришел леопард, неся антилопу. Он заворчал, он рассердился, увидев Хлаканьяну, он сильно рассердился. Он положил наземь антилопу и подошел к нему. — Сказал Хлаканьяна: владыка мой, не надо сердиться. Ты правда владыка. Я буду охранять их когда ты будешь уходить охотиться. Я буду жить с твоими детенышами, ты сам будешь охотиться. Я построю хороший дом, чтобы тебе не спать здесь под скалой со своими детенышами. Я построю его хорошо, я перекрою твой дом травой. — Сказал леопард: ладно, я соглашаюсь, если ты будешь оставаться с моими детенышами, будешь их беречь, когда я уйду. Итак я соглашаюсь.

Тогда сказал Хлаканьяна: я буду давать тебе детенышей, чтобы ты кормила их грудью по-одному. — И он дал одного детеныша. — Сказал леопард: дай сюда и другого моего детеныша. Не нужно говорить, — пусть сосет в одиночку. Пусть они сосут вдвоем, раз другой кричит. — Сказал Хлаканьяна: ну нет! пусть сосет этот сначала, а потом я дам другого, когда этот возвратится ко мне. — Сказал леопард: ну нет! Я не делаю так, когда кормлю их сама. Нечего учить меня тому, как кормить моих детенышей. Неси их сразу вдвоем. — Сказал Хлаканьяна: поди, держи

этого, которого я дал тебе первым. Наконец она передала ему первого, и он принес ей другого. — Сказал леопард: — выходи теперь оттуда, иди сюда, освежуй мою антилопу, свари мясо согласно сказанному тобою, как ты говорил, что будешь варить. И Хлаканьяна встал, освежевал и сварил. И поел леопард со своими детенышами. Они заснули. Они встали утром.

Сказал леопард: оставайся же, охраняй. Вот они мои детеныши, береги же их. Хлаканьяна построил дом, он закончил его; он сделал вход очень маленьким; он вырыл длинную нору, нора шла, она уходила далеко своим выходом. Он обломал свои четыре ножа. — Пришел леопард; он пришел с антилопой; сказал он: Хлаканьяна! — Сказал Хлаканьяна: хи! — откликнулся он. Один детеныш был им съеден, оставался другой детеныш. — Сказал леопард: неси же моих детенышей. — И он снес леопарду: леопард покормил детеныша грудью и сказал: давай же другого. — Сказал Хлаканьяна: давай же этого. — Сказал он: нет; давай их обоих. — Хлаканьяна отказался и сказал: давай сперва того, а потом я дам тебе этого. — Леопард передал детеныша. Хлаканьяна вернулся, он возвратил того же, ибо детеныш был одним. — Сказал леопард: выходи же, освежуй зверя. — Хлаканьяна вышел, освежевал и сварил его. И леопард с детенышем поел. Хлаканьяна вошел в хижину. — Сказал сам леопард: и я теперь войду. — Сказал Хлаканьяна: входи же теперь. Леопард вошел. Было трудно входить, ибо Хлаканьяна хитро сделал вход, имея в виду, что когда детеныш будет съеден, леопард страшно разгневется; — думал он: — когда леопард будет сжиматься, пелегко он войдет, и когда он будет сжиматься, я пройду под землей длинной норой, и пока он войдет я буду далеко от дома. — И Хлаканьяна вошел в нору изнутри дома. Вошел и леопард. Он вошел и нашел одного детеныша. — Сказал он: О! так вот он Хлаканьяна, — так вот он каков! Где мой детеныш? Он его съел. Леопард вошел в нору, куда вошел Хлаканьяна, он думал, что выйдет этим путем. Хлаканьяна вышел первым, вернувшись, опять вошел и воткнул

ножи у выхода. Когда леопард достиг выхода, он был заколот четырьмя ножами: он умер. Когда Хлаканыяна подошел к нему, леопард уже был мертв; Хлаканыяна обрадовался, он взял детеныша леопарда и убил его. И он остался, ел леопарда с его детенышем и прикончил их; он взял заднюю ногу, он пошел, он отправился, ибо был человеком, который не остается на одном месте.¹¹

Идя, он повстречался с людоедом. — Сказал людоед, сказал он: здравствуй Хлаканыяна. — Ответил Хлаканыяна: — привет тебе, мой брат матери. — Сказал людоед: здравствуй, дитя моей сестры. — Ответил Хлаканыяна: привет тебе, мой брат матери. — Сказал он: поди сюда, я поведаю тебе сказ о том, что произошло у нас там с леопардом; поди сюда, я поведаю тебе сказ о том, что произошло у нас с леопардом. — Сказал людоед: ладно. — Сказал Хлаканыяна: ешь же, вот мясо. — Людоед поблагодарил и сказал: дитя моей сестры, ты мне помог; я страшно сильно проголодался. И ел людоед, и он с ним. Показались две коровы, одна белая, другая черная. Они были замечены людоедом. — Сказал он: вот они мои коровы. — Сказал Хлаканыяна: моя черная. — Сказал людоед: моя белая, белая и внутри.¹² И они пошли, они подошли к ним и остановили их. — Сказал Хлаканыяна: брат матери, пусть будет построен дом. — Сказал людоед: ты прав; тогда мы заживем хорошо, мы съедим наших коров. — Дом был быстро построен, была надергана трава. — Сказал Хлаканыяна: пусть твоя будет зарезана первой мой брат матери, которая белая и внутри; мы посмотрим, такова ли она, как ты говорил; сказал ты, она белая и внутри. — Людоед согласился и сказал: ладно. — Корова была зарезана и освежевана: они нашли ее отощавшей. — Сказал Хлаканыяна: я не ем такую. Пусть будет моя схвачена. — Людоед согласился. Корова была зарезана, они нашли ее страшно ожиревшей. — Сказал людоед: мальчик моей сестры, ты верно мудр, ибо ты сразу сам увидел, что твоя ожиревшая. — Сказал Хлаканыяна: теперь пусть хижина будет перекрыта травой, тогда мы съедим нашу пищу. Ты видишь небо, ведь мы можем намочнуть. — Сказал

людоед: ты верно сказал, мальчик моей сестры, ты действительно мужчина, раз ты говоришь, перекроем травой хижину, ведь мы намокнем. — Сказал Хлаканьяна: действуй же; сам я войду внутрь, я буду заплетать в хижине.¹³ Людоед вообразился. Его волосы были очень большой длины. Хлаканьяна вошел внутрь и стал заплетать. Он закрепил там волосы, завязал, он крепко закрепил волосы людоеда; он закручивал их таким образом, закреплял так по частям крепко, чтобы они были вплетены в дом. Он увидел, что волос было столько, что людоед не имел возможности спуститься сверху, если бы он вышел из дому. Выйдя, Хлаканьяна пошел к очагу, где варилось вымя коровы. Он вытащил и положил на циновку для еды; он взял нож, отрезал и положил в рот. — Сказал людоед: что ты делаешь, дитя моей сестры? Пойди, давай закончим дом и тогда мы будем делать это, мы будем делать с тобою. — Сказал Хлаканьяна: спускайся же, я не пойду больше внутрь дома. Перекрытие окончено. — Сказал людоед: ладно. Думал он, он спускается, но не мог спуститься. — Вскричал он, сказал он: дитя моей сестры, что ты сделал своим плетением? — Ответил Хлаканьяна: — Посмотри сам. Я заплел хорошо, поэтому я не допущу спора со мной. Я буду есть по-хорошему; я больше не спорю с кем-либо, ибо я наедине с моей коровой. — Сказал Хлаканьяна: что ты собирался сказать, раз твоя отошала, она же не ожирела. Спускайся же своими силами, как ты вообразился туда. Я не могу к тебе подойти отвязать. Он отрезал белое мясо. — Сказал он: возьми же. — Сказал людоед: неси же тотчас, подымись же, дай его сюда, дитя моей сестры. Помогите мне, отвяжи меня, чтобы я пришел туда к тебе. Я не буду подымать спора. Я буду одарен тобою, ибо моя корова, я увидел, что она отошала; ожиревшая корова твоя. Кто же спорит о вещах человека не его? Небо наступило с градом, с молниями. Хлаканьяна снес, он перенес в хижину все мясо и остался в хижине. Он разжег огонь. Небо наступило с градом, с дождем. Закричал людоед наверху дома; он был прибит градом и умер там наверху. Небо очистилось. — Хлаканьяна вышел и сказал: брат моей

матери, спускайся же, иди сюда. Небо оно очистилось. И нет больше града, и не блистает больше. Что ты молчишь?

И он ел корову один, пока ее не прикончил. И пошел он.

Хлаканьяна встретился с другим людоедом, несущим большую гүбу.¹⁴ — Сказал он: брат моей матери. — Ответил людоед: с чего это я брат твоей матери? — Сказал Хлаканьяна: разве ты не знаешь? — Ответил людоед: я не знаю. — Сказал Хлаканьяна: Конечно! ты верно брат моей матери. — Сказал людоед: я не люблю такого издевательства. Я знаю тебя, что ты Хлаканьяна. Я не сбит с толку. Я мужчина. Замолчи же. Я никогда не соглашусь, что ты дитя нашей сестры. — Сказал Хлаканьяна: нет? одолжи мне эту гүбу. — Людоед отказал и сказал: ну нет! я совсем не хочу с тобою сходитьсь. Хлаканьяна оставил его.

Он пошел и встретил другого людоеда; он нашел его в хижине. Он вошел. — Спросил людоед: Куда идешь ты? — Ответил он: я иду сюда, был я с Зиму, братом моей матери; и ты брат моей матери. Но следовал тот людоед, с которым он встретился, который отказал ему в гүбу. — Сказал этот встреченный в доме: давай тереть мою кожу, дитя моей сестры. И они терли ее. Они услышали гүбу, она громко звучала «буу». — Хлаканьяна вышел и спросил: ты слышишь ее, эту штуку? — Спросил людоед: где же она? — Ответил Хлаканьяна: вот тут снаружи. — Людоед вышел, он слушал, он слышал гүбу; она звучала громко. Людоед вошел и сказал: мни ее, будем ее мять. Он крепко мям, пока кожа не издавала звук. Опять сильно зазвучал гүбу. Звук шел теперь сильными раскатами. — Сказал Хлаканьяна: разве ты не говорил, что нет шума снаружи? Почему он идет раскатами? Он звучит теперь близко. Они вышли оба; они оба побежали. Пришел обладатель гүбу. Случилось, что людоед стоял на одной горе, Хлаканьяна стоял на другой, и спросил, сказал он: кто ты такой, пугающий нас? — Сказал несший гүбу: я пожиратель, траву я пожираю, человека я просто глотаю. Я его не жую, я его просто глотаю. И людоед убежал, когда услышал как говорится, что человек не жуется.

04/36

Хлаканыяна же вернулся и пришел к людоеду у которого был гүбу. Людоед расположился в хижине. — Явился Хлаканыяна и сказал: брат моей матери, я жил здесь еще ребенком: и с тобою я буду жить как твое дитя, ибо здесь я был как ребенок. Я хочу жить с тобою, ибо и ты мой брат матери. — Сказал людоед: все в порядке, ибо ты меньше меня: оставайся же. И они зажили с людоедом, у которого был гүбу. — Сказал людоед: оставайся же здесь, смотри за моим домом, чтобы чужак, которого я прогнал, не поджег бы мой дом. — Сказал Хлаканыяна: ладно, отправляйся же, иди охотиться. И людоед отправился. Хлаканыяна же остался.

Взял мешок и пошел Хлаканыяна. Он встретился со змеей. Он поймал ее и положил в мешок. Он встретился с осой и положил ее в мешок. Он встретился с скорпионом, поймал его и положил его в мешок; всех, которые кусают, которые с сильным ядом, он поймал и положил в мешок. Мешок был полон. Он завязал, поднял, вернулся и вошел в дом. Пришел людоед. — Сказал Хлаканыяна: брат моей матери, сегодня же нужно, чтобы вход был сужен, сделан маленьким: плох вход, который велик. — Сказал людоед: ну нет, я не хочу очень маленького входа. — Сказал Хлаканыяна: ладно же, я соглашаюсь. Я отправлюсь, я пойду домой к моей матери, я найду моего брата, приду с ним сюда, чтобы он жил здесь. — Он пошел с мешком и спрятал его. И когда стемнело, он пришел к хижине, где был людоед, он пришел с охашкой прутьев, чтобы сузить вход хижины. Он открыл, вошел и он снова вышел. И устроил он вход маленьким, недостаточным и для ребенка, чтобы не мог выйти в этом месте. — Когда рассвело, Хлаканыяна, оставаясь у входа, сказал: брат моей матери, брат моей матери! — Спросил людоед: кто это? — Ответил он: это я, брат моей матери. — Спросил он: это ты, сын моей сестры? — Ответил он: да, открой же мне; я иду рассказать о случившемся; я возвратился с дороги; я не достиг места; плохо случившееся, о котором я узнал. Людоед встал и старался открыть, но было заплетено. — Сказал он: мальчик моей сестры, трудно открыть. Мешок был внутри. Хлаканыяна положил

его ночью, когда сузил он вход. — Сказал Хлаканьяна: развяжи тот мешок, давай его, неси его сюда. Я сам удивлен сужением входа. Развяжи, потряси его, неси его к этой лазейке, чтобы я мог расширить вход. — Тогда людоед развязал. Вышла змея, укусила руку. Вышла пчела, ужалила в глаз. Вышла оса, ужалила в щеку. — Сказал людоед: мальчик моей сестры, то, что ты сотворил сегодня, я никогда не видал с рождения мужчиной и женщиной. Помоги мне. Я пожираем здесь в моем доме; я больше не вижу. Скорпион укусил людоеда. — Сказал Хлаканьяна: я сам не знаю как эти гады проникли туда в мой мешок. — Сказал людоед: открой же, чтобы я вышел. — Все гады вышли, они пожирали его; он умер от яда змей, пчел, скорпионов, ос. И кричал он, кричал пока не умер. И умер людоед.

И открыл Хлаканьяна, открыл говоря: брат моей матери, ты еще сердишься? Ты сейчас больше не слышен, а я думал ты кричишь. Мой брат матери, говори. Почему ты молчишь? Сыграй же на твоём губу, чтобы я слушал, я слышал. Наконец он вошел. Он нашел людоеда тогда умершим. Он вытащил его из хижины. Он расположился и заснул; теперь он был доволен.

Прибыл людоед, владетель дома. — Сказал он: мальчик моей сестры, я увидел тебя, я был тут, близко, я видел, когда ты закрывал вход, что ты мужчина, то как ты запер человека, который выгнал меня из моего дома. — Сказал Хлаканьяна: теперь в отношении тебя я больше, ибо ты был побежден твоим сверстником, я же победил его. Я беру тебя сегодня к себе. — Сказал людоед: правильно, ибо видно, что я побежден. И они жили и жили.

Сказал Хлаканьяна: я ухожу. Моя свирель, вот она отнята у меня ящерицей. И пошел он, подошел и поднялся по реке. Ящерица вышла кормиться на коровьем навозе, который ее пища, неся с собою свирель. Пришел Хлаканьяна, влез наверх дерева, где ящерица грелась на солнце. Он позвал и сказал: ящерица, — сказал он, — ящерица. — Спросила ящерица: кто меня зовет? раз я пришла, чтобы кормиться, пусть тот, кто меня зовет, придет сюда. — Сказал Хла-

каньяна: ты права и я иду туда, где ты ешь. — Хлаканьяна спустился; он пришел и сказал: где моя свирель? — Ответила ящерица: вот здесь. — Сказал Хлаканьяна: ну как же сегодня? Где же заводь? Она далеко! — Сказала ящерица: что ты будешь со мною делать? Вот здесь же твоя свирель и ведь она была оставлена тобою же, я звала, чтобы ты шёл ее, ты же ушел. Но Хлаканьяна избил ее; была бита ящерица, свирель была им отнята. Хлаканьяна убил ящерицу и оставил ее мертвой.

И пошел он, вернулся он к людоеду. Он прибыл, людоеда не было там и дом был сожжен. И жил Хлаканьяна лишь на открытом месте, и бедствовал он. Ушел он оттуда, ибо не было там дома; и бродил он. — Наконец сказал он: пойду-ка я к моей матери, раз я теперь бедствую.

И возвратился он домой, пришел он к своей матери. Когда его мать увидела его, ведь это время они были разъединены с ним, радовалась его мать от счастья, видя ее дитя возвратившимся. — Сказала его мать: здравствуй, дитя мое, и радуюсь твоему возвращению. Это правда хорошо, когда дитя, хоть разъединенное со своей матерью долгое время, снова вернулось к своей матери. Я убивалась, я говорила, он умрет, раз он ушел таким маленьким; я говорила, диво, что он будет есть? — Сказал он: — О, вот я возвратился, мать моя; я помнил тебя. — Он скрыл бедствование, ибо он подумал: если я скажу моей матери, что я возвратился из-за бедствования, наступит день, я сделаю ей недоброе, она меня выгонит; она скажет: пошел прочь отсюда старый лиходей, и сюда ты пришел отсюда, ты был выпровожден за эти проделки. И поэтому он скрыл это и преувеличил словами: — я вернулся из-за твоей любви, мать моя, — делая так, чтобы его мать любила его дальше; чтобы не случилось однажды, когда он выкинет какую-нибудь проделку, что она его обругает. Ибо Хлаканьяна скрывал проступки, зная, что если он будет раскрыт, с ним будут плохо обращаться.

На следующее утро он отправился, он пошел на кето,¹⁵ он пришел и смотрел на пляски: танцовала девушка. Девушки кончили танцевать и он пошел домой. — Он набрел на гору

и нашел диандиане,¹⁶ он выкопал его; он пришел домой, дал его своей матери и сказал: мать моя, свари мне мой диандиане. Я иду доить. Его мать сварила диандиане. — Он был готов и мать его сказала: дай я попробую, каков он. Она ела, нашла его вкусным и прикончила его.

Пришел Кцаижана¹⁷ и сказал: мать моя, дай мне мой диандиане. — Сказала его мать: я его съела, дитя мое. — Сказал он: дай мне мой диандиане; ибо я выкопал его на маленьком холме, будучи на плясках. Его мать дала ему деревянную посудину. Он взял ее, и пошел с ней.

Он встретился с мальчиками, пасшими овед, доившими в черепки. — Сказал он: возьмите, вот она моя деревянная посудина, дойте в нее и напоите меня. Они подоили в нее. Случилось, — державший разбил ее. — Сказал Кцаижана: дайте мне мою деревянную посудину, деревянную посудину, данную мне моей матерью; моей матерью, съевшей мой диандиане, мой диандиане, выкопанный мною на маленьком холме, будучи на плясках. Они дали ему нож. Он пошел.

Он встретился с другими мальчиками, евшими печень, резавшими ее тростником. — Сказал он: возьмите, вот он мой нож, режьте им и дайте мне. Они взяли его, резали и ели. Случилось, — кончавший сломал его. — Сказал Хлаканьяна: дайте мне мой нож: мой нож, данный мне мальчиками, мальчиками, разбившими мою деревянную посудину, мою деревянную посудину, данную мне моей матерью; моей матерью, съевшей мой диандиане: мой диандиане, выкопанный мною на маленьком холме, будучи на плясках. Они дали ему топор. Он пошел.

Он встретил женщин, ломавших хворост; сказал он: матери мои, чем вы ломаете? — Сказали они: мы ничем не ломаем, отец. — Сказал он: возьмите, вот мой топор. Рубите им. Когда вы кончите, вручите его мне. Случилось, кончавшая сломала его. — Сказал он: дайте мне мой топор, мой топор, данный мне мальчиками; мальчиками, сломавшими мой нож; мой нож, данный мне мальчиками, мальчиками, разбившими мою деревянную посудину, мою деревянную посудину, данную мне моей матерью; моей матерью, съев-

шой мой диандиане; мой диандиане, выкопанный мною на маленьком холме, будучи на плясках. Женщины дали ему покрывало. Он взял его и пошел с ним.

Он встретил двоих юношей, спавших голыми. — Сказал он: — ай, друзья, вы спите голые? Вы не имеете покрывала? — Сказали они: нет. — Сказал он: покройтесь этим моим. И они покрылись. Они непрерывно тянули его друг у друга из-за малой величины; под конец оно разорвалось. — Сказал он утром: дайте мне мое покрывало, мое покрывало, данное мне женщинами, женщинами, сломавшими мой топор, мой топор, данный мне мальчиками, мальчиками, сломавшими мой нож, мой нож, данный мне мальчиками; мальчиками, разбившими мою деревянную посудину, мою деревянную посудину, данную мне моей матерью, моей матерью, съевшей мой диандиане, мой диандиане, выкопанный мною на маленьком холме, будучи на плясках. Они дали ему щит. И пошел он.

Он встретил мужей, сражавшихся с леопардом без щита. — Сказал он: у вас нет щита? — Сказали они: нет. — Сказал он: возьмите этот мой, сражайтесь с ним. И они взяли щит; они убили леопарда. Оборвался ремень. — Сказал он: дайте мне мой щит, мой щит, данный мне юношами, юношами, разорвавшими мое покрывало, мое покрывало, данное мне женщинами, женщинами, сломавшими мой топор, мой топор, данный мне мальчиками, мальчиками, сломавшими мой нож, мой нож, данный мне мальчиками, мальчиками, разбившими мою деревянную посудину, мою деревянную посудину, данную мне моей матерью, моей матерью, съевшей мой диандиане, мой диандиане, выкопанный мною на маленьком холме, будучи на плясках. Они дали ему копье. И пошел он.

Что он сделал с ним, я может быть расскажу в другой раз.

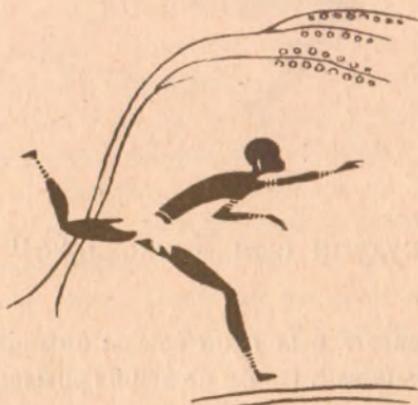
Бадхланьяна и людоед

Был однажды мальчик, имя его было Бадхланьяна сын Макубата; ¹⁸ когда он был маленький, любил он охотиться на зверей. Однажды Бадхланьяна пошел охотиться, он убил цило; ¹⁹ когда он шел неся цило, он увидел, что появляется много людоедов: они окружили его со всех сторон и сказали: здравствуй Бадхланьяна сын Макубата. — Он ответил. Пока он стоял среди людоедов, один людоед выступил, схватил цило и съел ее. Когда людоед съел цило, Бадхланьяна поджал ноги, он сделался коротким и бросился в ноздри людоеду. — Сказал людоед: ну, Бадхланьяна, выходи; цило твоя. — Ответил Бадхланьяна, говоря внутри ноздрей у людоеда, сказал он: зачем ты сделал так, что съел мою цило, и говорил тоже, что съешь

и меня? Вон там кусок мяса, нагрузись. Людоед снова чихнул с силой и сказал: ну, Бадхланьяна, выходи, цило твоё. — Ответил он: зачем ты сделал так, что съел мою цило, и говорил тоже, что съешь и меня? Вон там кусок мяса, нагрузись.

Тут все людоеды, увидев что Бадхланьяна проник в ноздри людоеда, убежали; тогда вышел Бадхланьяна из ноздрей людоеда, людоед умер.

Бадхланьяна сын Макубата. Бегунок. Когда он спасается бегством, он бежит как от смерти. Крепыш, который смешал визиль и дал его нгуни.²⁰ Буйволица с телянком. Вожак танцоров с жезлом, может ли какой-либо иноплеменник так руководить танцем?

Сикулуми сын Хлокохлоко²¹

Рассказывают был один вождь; он породил множество сыновей. Но он не любил рождения сыновей, ибо он говорил, случится, если сыновья будут взрослыми, случится, что они отнимут у него его власть. Были такие старухи, поставленные убивать сыновей того вождя; когда он порождал дитя мужского пола, оно относилось к старухам, чтобы они его убивали; они тут же его убивали. Они делали так со всеми детьми мужского пола, порожденными тем вождем.

Случилось однажды породил он другого сына; его мать снесла его под мышкой старухам. Она одарила старух; она страшно молила их, чтобы они не убили его, а снесли его к брату его матери, ибо это был сын, которого она

ильно любила. И его мать щедро одарила старух, она велела им вскормить его. Они вскормили его, они снесли его к брату матери мальчика и устроили его там у брата матери.

Бывало с ним, когда он сделался юношей, любил он пасти скот брата своей матери; он следовал за мальчиками брата своей матери; они почитали его, они возвеличивали его. — Случилось во время их пастьбы сказал он мальчикам: соберите большие камни, раскалим их.²² Они собрали их, они сделали из них кучу. — Сказал он: выберите хорошего толонка, зарежем его. Они vybrали его из стада, которое они пасли. Он велел им освежевать его; они его освежили, они зажарили его мясо радуясь. — Сказали мальчики: зачем ты делаешь это. — Сказал он: я знаю, что я делаю.

Случилось на другой день они пасли скот и шли военачальники его отца, посланные им; спросили они: кто ты такой. Он им не ответил. Они взяли его, не сомневаясь, они думали: это дитя похоже на нашего вождя. Они пошли с ним и снесли его к его отцу.

Случилось по их приходе к его отцу, сказали они его отцу: если мы тебе расскажем хорошее происшествие, что ты нам дашь? — Сказал его отец военачальникам: я вам дам быков по цвету,²³ вот такого цвета и такого, и такого. — Военачальники отвергли, сказали они: нет мы не желаем их. Было такое стадо черных быков, на которое они намекнули. — Спросил он что вы хотите? — Ответили военачальники: стадо черных. Он им дал их. И рассказали они ему, сказали они: случилось во время нашего похода увидели мы дитя схожее с твоим. — Тут его отец увидел, что этот юноша действительно его; спросил он: от какой он жены? — Ответили они, знавшие про него, что она его скрыла, — сказали они: от такой-то жены твоей вождь.

Во гневе он собрал племя и велел убрать мальчика подалее. Собралось племя; пришла его мать со своей сестрой. Приказал он, чтобы они его отправили, пошли поместили его подалее в большой лес. Ибо было ведомо, что там, в том лесу, был такой большой многоголовый зверь, о котором рассказывалось, что он ест людей.

Они пошли туда. Многие не достигли леса, они были утомлены и вернулись обратно. Пошла его мать и сестра ее и сын, их трое. — Сказала его мать: я не могу оставить его на открытом месте, я пойду, я помещу его туда в то место, куда приказано идти. Они пошли к большому лесу: они подошли, они вошли в лес. Они поместили его на большом камне посреди леса. Мальчик уселся там. Они оставили его и вернулись обратно. Он оставался один наверху камня.

Случилось однажды пришел многоголовый зверь, он появился из воды. Этот зверь владел там всеми вещами. Он взял того юношу, не убил его, взял его и давал ему пищу, пока он не оправился. Случилось, когда он оправился и не нуждался ни в чем, имел многочисленное племя, данное ему этим многоголовым зверем, ибо это чудовище владело всеми вещами и пищей, и людьми, он захотел пойти к своему отцу. Он пошел с большим племенем, будучи вождем.

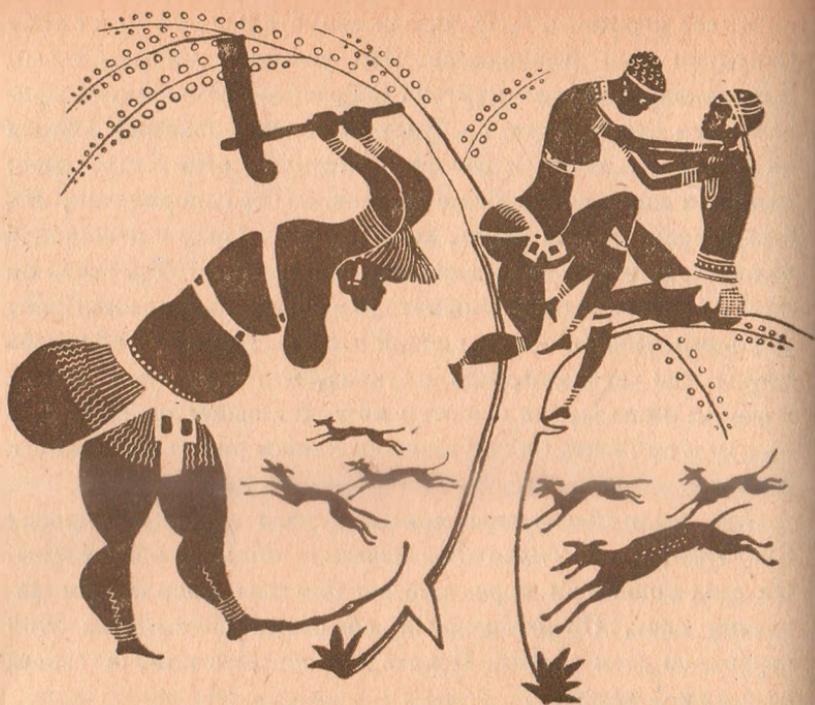
Он пошел к брату своей матери; он пришел к брату своей матери, только брат его матери не узнавал его. Он вошел в дом, только люди брата его матери не узнали его. Его военачальник пошел спросить быка у брата его матери; — сказал он: говорит Сикулуми сын Хлокохлоко, дай ему хорошего быка для еды. — Брат его матери услышал это имя Сикулуми сын Хлокохлоко, он удивился и спросил: кто такой? — Ответил военачальник: вождь. Брат его матери вышел посмотреть на него. Он увидел, что это был Сикулуми сын Хлокохлоко. — Он страшно обрадовался; вскричал он: йи, йи, йи! подняв шум от радости, сказал он: пришел Сикулуми сын Хлокохлоко! Собралось все племя брата его матери. — Брат его матери от большой радости дал ему часть быков; сказал он: вот твои быки. Было сделано великое пиршество; они ели, они радовались, ибо видели его, ибо они не знали, что они снова увидят его.

Он пошел дальше, пошел к людям своего отца. Они увидели, что это был Сикулуми сын Хлокохлоко. — Они донесли о нем его отцу; сказали они: вот он твой сын, которого ты отослал в большой лес. Вождь сильно встревожился. Он созвал все племя; он приказал, чтобы принесли свое оружие. Собра-

лись все его люди. — Приказал его отец: пусть будет убит Сикулуми сын Хлокохлоко. Это услышал Сикулуми сын Хлокохлоко и вышел наружу. Собралось все племя. — Приказал его отец: пусть он будет поражен копьями. — Стоял на открытом месте и говорил Сикулуми сын Хлокохлоко: мочите в меня копья без смятенья. — Он говорил так, ибо был уверен, что не умрет, хотя бы они метали в него копья долго, хотя бы до захода солнца, что не умрет. Так стоял он пока не зашло солнце. Они метали в него копья, не имея силы убить его. Ибо он обладал силой чтобы не умирать; ибо зверь сделал его стойким, ибо он знал, что Сикулуми пойдет к своим; он знал, что его отец не хочет сына; он знал, что они будут убивать Сикулуми сына Хлокохлоко; он сделал его стойким.

Они были бессильны метать в него копья. — Спросил Сикулуми: вы обессилены? — Ответили они: мы обессилены. Он взял копьё, он поразил всех; они все умерли. Он захватил скот. Он отправился со своим войском из этой страны со всем скотом. И мать его пошла с ним, и сестра ее с ним — вождем.

Зембени или сватовство Сикулуми

Зембени — великая женщина. Она родила двух дочерей. Но она ела людей в той стране, где она была, пока не прикончила их, ела их и зверей; убивала человека вместе со зверем; варила мясо человека и зверя вместе. Случилось так, что люди были целиком прикончены, оставалось она сама с ее двумя дочерьми. Ее дочери славились среди племен, они славились из-за красоты. Одну свою дочь, случилось из-за уничтожения людей, которые были прикончены, она схватила, оторвала с одного боку щеку, сварила и ела ее: щека была горькой; и она не захотела ее кончать, ибо мясо щеки раздражало ее горечью: она удивлялась, не понимала, почему это мясо горчит? Через это ее дочери избавились от нее, из-за этой горечи.

Пришел юноша, дитя вождя. Имя того юноши было Сикулуми, он пришел выбрать красивую девушку среди этих девушек. Он пришел днем. Зембени не было там, она ушла охотиться. Другое ее имя, которым она звалась, было Званиде;²⁴ ибо у нее палец на ноге был страшно длинный; из-за него она была видима, когда появлялась, подымалась пыль; пока она еще не появлялась, появлялась пыль, поднимаемая ее пальцем; ибо палец появлялся первым, там, где шла Званиде. Когда случилось, что пришел Сикулуми; верно, он пришел этих двух девушек; он увидел, верно, что они прекрасны. Он полюбил их, и они полюбили его; ибо он был дитя вождя, заслуживающий взгляда. — Но они пролили много слез из-за него, говорили они: ты пришел сюда не к месту. Мы боимся; не знаем, куда тебя деть, ибо наша мать ест людей. Мы же, видишь, лишь боимся. — Сказала одна: посмотри же на мою щеку. Это же она моя мать? Мы не знаем, куда поместить тебя.

Итак Сикулуми пришел туда к девушкам, он пришел один. Из дому он вышел идя со своей сворой собак; но он оставил их в тростниках. — Девушки придумали уловку, говоря: если мы велим ему уйти, Званиде будет его преследовать; они выкопали посреди дома яму, положили его внутрь, закрыли ее и сели поверх нее.

На заходе солнца показалась пыль. — Сказали они: вот она идет. Первым пришел палец, за ним следовала Званиде. Как только она пришла, она рассмеялась, она смеялась, она смеялась и каталась по земле, говоря: эх, эх! Тут сегодня в моем доме вкусно пахнет. Детки мои, что вы сделали такое? Откуда идет этот запах? Она вошла, она смеялась, похлопывая их, говоря: детки мои, что такое здесь в доме? — Ответили девушки: довольно! Перестань надоедать нам; мы не знаем, где мы могли взять что-либо. — Сказала она: дайте же мне поискать, детки мои. — Сказали они: мы не знаем, что ты хочешь найти, здесь нет ничего такого. — Сказала она: хорошо, подымитесь же, я поищу. — Ответили они: мы не подымеся. Мы ничего не знаем. Делай как хочешь. Мы не знаем, что ты сделаешь с нами, раз вот как ты

изуродовала нас, вот мы какие. Говорила девушка, показывая ей свою щеку, съеденную ею. Званиде отстала и заснула.

На рассвете она вышла и пошла охотиться. Когда она вышла, они видели потому как пыль кончилась, что она скрылась из виду. Они вытащили Сикулуми. — Сказала одна: пошли. — Другая сказала: о, дитя моего отца, иди сама. Я не могу идти с тобой, идти с таким позором. Ты видишь какая я; моя мать изуродовала меня. Иди одна. Сама я останусь, чтобы Званиде могла прикончить меня.

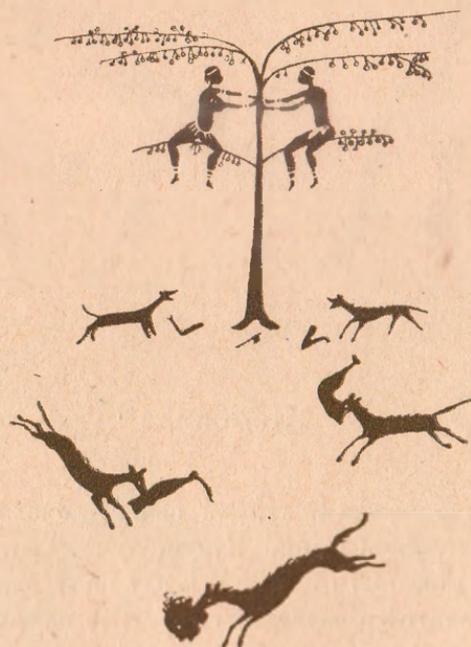
И пошла девушка с Сикулуми; шли они до захода солнца. Шел он тростниками, ища своих собак; он поймал их, собаки пошли с ним. Наконец стемнело. На рассвете они шли усталые, говоря: если мы будем спать, она нас настигнет. Будем идти день и ночь, до рассвета; может быть мы ее оставим позади.

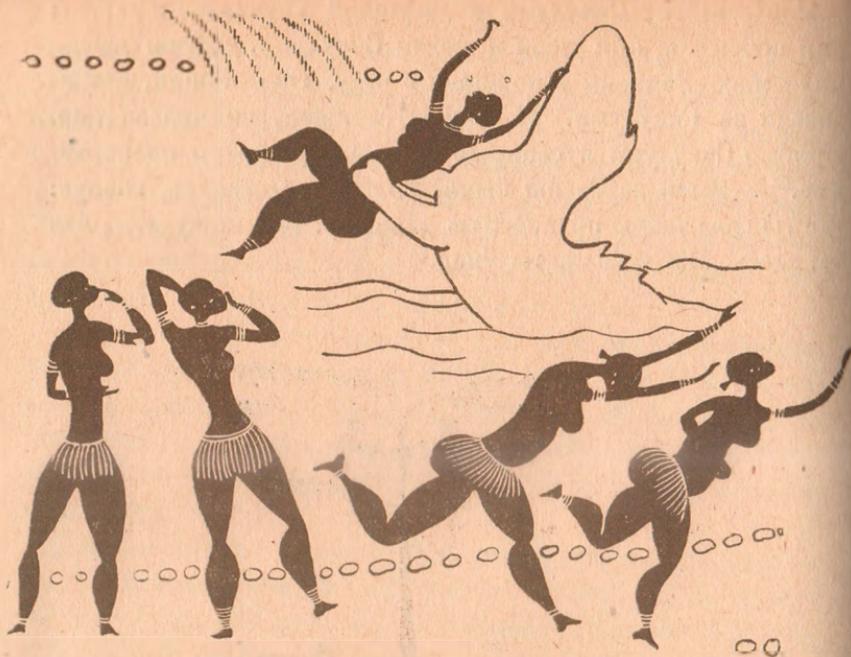
Званиде пришла домой. Она нашла свою дочь одну. — Не спрашивая, она пошла дальше, говоря: куда пошло мое дитя? Она шла до рассвета. В полдень Сикулуми с девушкой увидели пыль. — Обратилась девушка к Сикулуми, сказала она: вот же она Званиде, вот она сама; она нагнала. Куда мы пойдем? Они увидели высокое желтое дерево; они побежали и взобрались на него; собаки оставались внизу.

Пришла Званиде — женщина великой силы. Она пришла со своим топором. Она взглянула наверх и увидела их. Не спрашивая, топором по дереву; пока она с силой рубила дерево, собаки кусали ее; она рубила его с силой. Когда послышался треск дерева, которое ломалось, собаки схватили ее с силой: одна оторвала ей голову, а другая руку: остальные оторвали у нее все члены, они разбросали ее далеко по сторонам; другие растащили ее кишки.

Дерево тотчас выросло, оно стало, как вначале. Зембени снова встала, все ее члены соединились; она встала, взяла топор, и с силой рубила дерево; когда послышался его треск, собаки опять оторвали у нее голову и члены; каждая из них побежала с одной частью тела, побежала к реке, к скале; все делали подобным образом; они взяли гальки растерли члены и сделали муку.

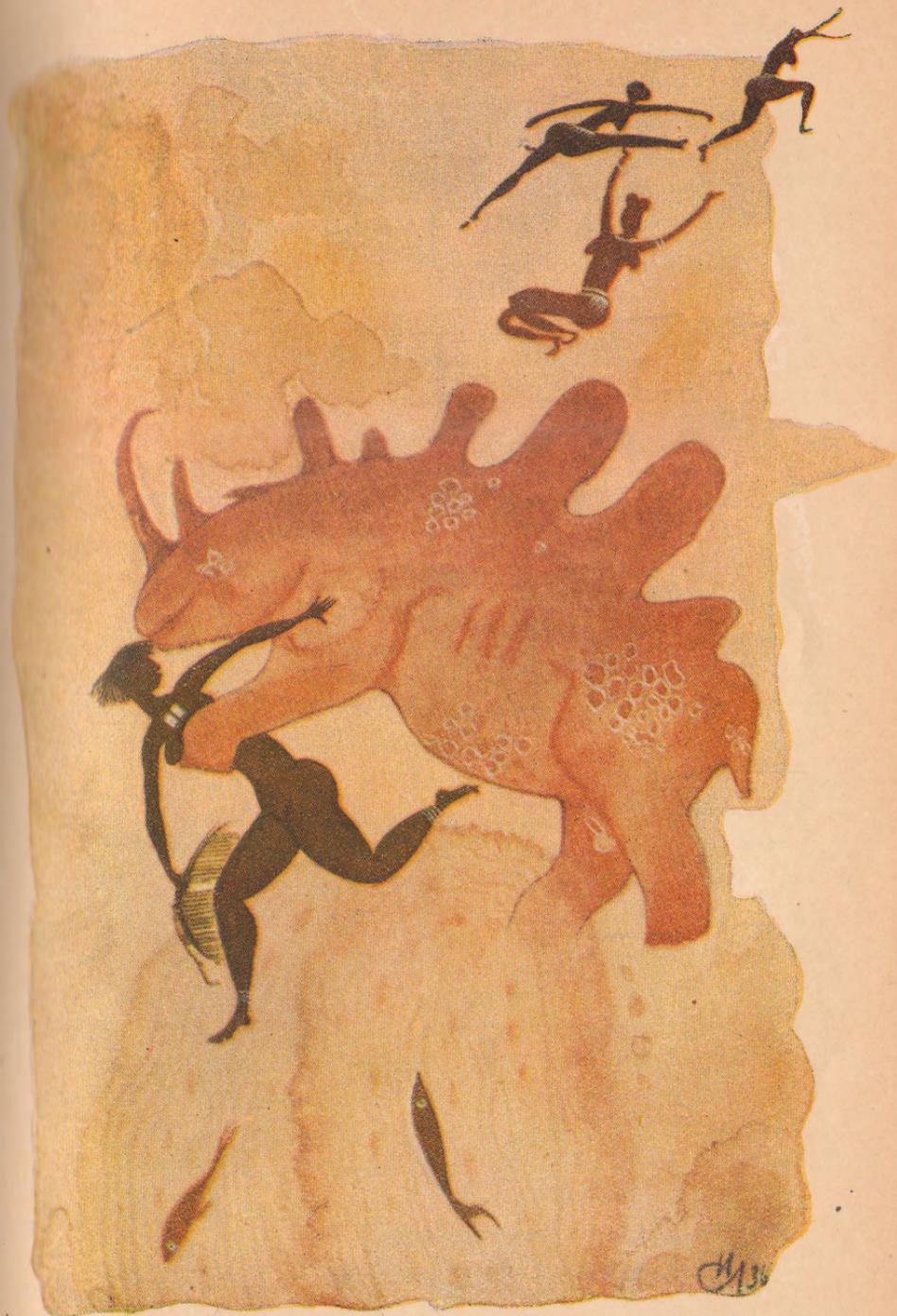
После этого, Сикулуми с девушкой спустился с дерева; они побежали, они ушли к людям Сикулуми. Собаки высыпали мясо Зембени в порошок в воду. Они пошли, последовали за Сикулуми. И умерла Зембени, кончилась она. Прибыл Сикулуми к своим домой; было устроено оплакивание.²⁵ — Были зарезаны быки, сильно радовались, говоря: где ты взял такую прекрасную девушку? Мы не думали, что ты здесь. Мы думали, ты умер.²⁶

Нтомбинде ²⁷

Аочь вождя Сикулуми сына Хлокохлоко, Бокондо-игайа-абагайи, Кулунгу-умломо-уаотетуа,²⁸ сказала она: отец мой, я иду на Луланга. Мать моя, я иду на Луланга в следующий год. — Сказал ее отец: нет того, кто бы вернулся оттуда: там пропадают навсегда. — На следующий год она снова явилась и сказала: отец мой, я иду на Луланга. Мать моя, я иду на Луланга. — Сказал он: нет того, кто бы вернулся оттуда: там пропадают навсегда. — Она явилась опять на следующий год, сказала она: отец мой, я иду на Луланга, мать моя, я иду на Луланга. — Сказал ее отец нет того, кто бы вернулся оттуда: там пропадают навсегда. — Прошел год, сказала она: отец мой, я иду на Луланга. Сказала она: мать моя, я иду на Луланга. —

M36

Сказали они: нет того с Луланга, кто бы вернулся оттуда: там пропадают навсегда. (И) согласился ее отец, согласилась ее мать.

Она собрала сотню девушек по одну сторону дороги она; собрала сотню девушек по другую сторону дороги. И пошли они. Они встретились с торговцами. Они подошли и встали по обеим сторонам дороги, они обступили дорогу. — Сказали они: торговцы, скажите нам, кто здесь из девушек прекрасен родом, нас здесь две партии подружек. — Ответили торговцы: ты прекрасна Тинтакабазана; но тебя не сравнить с Нтомбинде, дочерью вождя, она подобна свежей корочке, она подобна салу жаркого, она подобна желчному пузырю козы.²⁹ Они убили этих торговцев, были торговцы убиты партией Тинтакабазана.

И прибыли они к реке Луланга. На них были надеты браслеты; на них были надеты ожерелья, на них были надеты шейные кольца, они были опоясаны передниками с подвесками. Они сняли их и положили их над заводью Луланга. Обе партии подружек вошли в воду и резвились. Они порезвились и вышли из воды. Когда одна девочка вышла, поискала шейные кольца и их всех не было там, и всех ожерелий, и браслет и передников с подвесками, сказала она: выходите; здесь нет вещей. Все они вышли. — Сказала дочь вождя Нтомбинде: что же нам делать? — Сказала одна девушка: будем молить. Вещи унесены Кукумадеву. — Сказала другая девочка: Кукумадеву, дай мне мои вещи, дай мне уйти. Это сотворила со мной Нтомбинде, дочь вождя, которая говорила: в большой заводи купаются, праотцы купались. Разве я наслала на тебя Тонтела? Кукумадеву дал ей передник. — Приступила другая девушка, стала молить его, сказала она: Кукумадеву, дай мне мои вещи, дай мне уйти. Это сотворила со мной Нтомбинде, дочь вождя; она говорила: в большой заводи купаются, наши праотцы купались. Разве я наслала на тебя Тонтела?³⁰ Все подружки приступали, пока все не проделали то же самое. Оставалась Нтомбинде, дочь вождя.

Сказали подружки: Нтомбинде, моли Кукумадеву. — Она отказалась и сказала: я никогда не буду просить Кукума-

деву, я дитя вождя. Кукумадеву схватил ее и утащил в заводь.

Остальные девушки покричали, покричали, поднялись и пошли. — Они пришли домой к вождю; они пришли и сказали: Нтомбинде схвачена Кукумадеву. — Сказал ее отец: давно я говорил Нтомбинде, я противился, говоря: нет того, кто бы вернулся оттуда, на Луланга, там пропадают навсегда. Там она пропадет навсегда.

Вождь отобрал отряды юношей и приказал: идите, настигните Кукумадеву, который убил Нтомбинде. — Отряды пришли к заводу, они встретились с ним уже вышедшим, сидящим на берегу. Он был с гору. Подойдя он проглотил все это войско. Он отправился, пошел к селению вождя; он подошел и проглотил всех людей и собак; он проглотил все племя вместе со скотом. Он пришел и проглотил в той стране детей, которых было двое, которые были близнецами прекрасными.

Но их отец спасся из того дома; пошел муж, взял две палицы и сказал: я сам убью Кукумадеву. Он взял свое копье и пошел. — И встретился он с буйволами, и спросил: куда пошел Кукумадеву? он ушел с моими детьми. — И спросили буйволы: ты идешь Номабунге, Гаул-иминга.³¹ И сказали они: вперед! вперед! мать моя! — Встретился он с леопардами и сказал: я иду Кукумадеву, ушедшего с моими детьми. — И сказали леопарды: ты идешь Номабунге, Гаул-иминга, Нсиба-зимакембе.³² Вперед! Вперед! мать моя! — И встретился он со слоном и сказал: я спрашиваю о Кукумадеву, ушедшем с моими детьми. — И сказал он: я говорю о Номабунге, Гаул-иминга, Нсиба-зимакембе. Вперед! вперед! мать моя! — И он встретился с самим Номабунге: муж нашел его скорченным, с гору. — И сказал он: я иду Кукумадеву, взявшего моих детей. — И ответил он: ты идешь Номабунге; ты идешь Гаул-иминга, Нсиба-зимакембе. Вперед! вперед! Мать моя! И он подошел, и пронзил тушу; и умер Кукумадеву.

И вышел скот, и вышли собаки, и вышел человек со всеми людьми; и вышла сама Нтомбинде. И когда она вышла, то

пернулась к вождю своему отцу Сикудуми сыну Хлоко-моко; когда она пришла, она была взята Нхлату,³³ сыном вождя Сибилингуана.

Нтомбинде удалилась занять свое положение. Придя, она встала в верхней части селения. — Спросили: за кого ты пришла выходить замуж? — Ответила она: за Нхлату. — Спросили: где он? — Ответила она: я слышала, говорили, вождь Сибилингуана родил вождя. — Сказали: нет, не тут. Но он породил сына; случилось, когда он был мальчиком, он потерялся. — Его мать рыдала, говоря: эта девушка слушала что говорилось? Это дитя я родила одно: оно потерялось и все кончилось! Девушка оставалась. — Вождь, его отец, спросил: почему она остается? — Сказали: пусть она удалится. — Опять сказал вождь: пусть она остается раз тут мои сыновья, они будут жить с ней. Ей выстроили дом и она оставалась там в доме. — Сказали люди: пусть она живет с его матерью. — Его мать отвергла и сказала: пусть ей будет построен дом.

Когда дом был построен, его мать положила туда кислое молоко, мясо и пиво. — Спросила девушка: зачем ты кладешь сюда? — Ответила она: я клала и до твоего прихода. И девушка замолчала, она легла. Ночью явился Нхлату, он зачерпнул кислого молока, съел мясо, и выпил пива. Он долго оставался, а затем вышел.

Когда рассвело, Нтомбинде приоткрыла кислое молоко; она нашла его зачерпнутым; она открыла мясо: она увидела его съеденным; она приоткрыла пиво: она нашла его выпитым. — Сказала она: О, моя мать положила сюда пищу. Скажут, что я сама взяла без спросу. — Вошла его мать; она приоткрыла и спросила: кем она съедена? — Ответила она: я не знаю. — Сказала она: и я видела что она съедена. — Спросила она: ты не слышала того человека? — Ответила она: нет.

Солнце зашло. Они ели эти три кушанья. Был зарезан оскопленный баран. Было положено мясо, было положено кислое молоко, было положено пиво. Стемнело, затихло. Вошел Нхлату; он ощупал лицо девушки. Она проснулась. —

Спросил он: зачем ты здесь? — Ответила девушка: я пришла выходить замуж. — Спросил он: за кого? — Ответила девушка: за Нхлату. — Спросил он: где он? — Ответила она: он потерялся. — Спросил он: раз он потерялся, за кого же ты выйдешь замуж? — Ответила она: за него самого. — Спросил он: ты знаешь, что он явится? — Спросил он: раз сыновья вождя здесь, почему не выходишь за них замуж, чем ожидать человека, который потерялся? — Сказал он: ешь, будем есть мясо. — Ответила девушка: я еще не ем мяса. — Сказал Нхлату: да нет, и я твой жених даю моим людям до времени еды, и они едят. — Сказал он: пей, вот пиво. — Ответила она: я еще не пью пива; ибо для меня еще не зарезаны быки. — Сказал он: да нет; и я твой жених даю моим людям пиво, пока ничего не зарезано. Утром он вышел, продолжая говорить, девушка не видела его. Все эти дни он запрещал девушке, когда она говорила, что зажжет огонь. Он вышел. Девушка поднялась пойти ощупать входную плетенку, говоря: дай я узнаю, раз она мною была закрыта, где он вышел? — Она нашла ее закрытой, как она закрыла; сказала она: где этот человек вышел?

Утром вошла его мать и сказала: приятельница, с кем ты разговаривала? — Ответила девушка: нет, я ни с кем не говорила. — Спросила она: кто же здесь ел пищу? — Ответила она: — я не знаю. Они съели эту пищу. Была доставлена пища третий раз. Они приготовили пиво, мясо и кислое молоко. Когда стемнело явился Нхлату, он ощупал лицо девушки и сказал: вставай. Нтомбинде встала. — Сказал Нхлату: начни меня ощупывать с ноги, дойди до головы, ты знаешь чему я подобен. — Девушка ощупала его, она нашла тело скользким; оно противилось ощупыванию рук. — Спросил он: ты хочешь, чтобы я сказал зажги? — Ответила она: да. — Сказал он: дай же мне понюшку табаку. — Она дала ему. — Сказал он: дай я возьму щепотку с твоей руки. Он взял щепотку, он втянул. Он сплюнул. — Плевок сказал: да здравствует вождь! ты темнокожий, ты горе подобный! — Он взял щепотку, он сплюнул. — Сказал плевок: да здравствует вождь! да здравствует горе подобный! И он сказал: зажги

огонь. — Нтомбинде зажгла, она нашла тело сияющим. — Девушка испугалась, удивилась и сказала: я никогда не видела подобного тела. — Спросил он: что ты скажешь утром, — кого ты видела? — Ответила она: я скажу, — и никого не видела. — Спросил он: что ты скажешь матери, которая родила Нхлату, ведь она тревожится, из-за того что он пропал? Что говорит сама мать? — Ответила она: она плачет, она говорит: дивлюсь кем была съедена пища: увидеть бы мне того человека, который ест эту пищу. — Сказал он: я уйду. — Спросила девушка: ты где живешь с тех пор как потерялся маленьким? — Ответил он: я живу внизу. — Спросила она: зачем ты уходишь? — Ответил он: я ушел из-за своих старших братьев: они говорили, что положат мне кусок земли в горло; ибо они были завистливые, ибо говорилось, что я вождь. Они говорили: почему вождем будет младший, когда мы старшие остаемся ни с чем?

Сказал он девушке: пойди позови ту мать, которая встрожена. — Его мать вошла, придя с девушкой. Пришла его мать и заплакала, плакала потихоньку. — Сказала она: что же я говорила? Я говорила: это мое потерянное дитя со скользким телом. — Тут он сказал: что ты скажешь моему отцу? — Пусть вся страна варит пиво.

Тут спросил его отец: зачем готовить пиво? — Тут сказала его мать: я иду повидать народ, ибо я была великой женщиной. Я была отвергнута, ибо я не имела дитя. — И было приготовлено пиво, а люди смеялись, говоря: она посылает за пивом. Что она будет делать, раз была же она отвергнутой, лишенной власти? Пиво было сварено, собрались люди; внутрь загона для скота вошло войско; оно держало щиты, оно все пришло. — Его отец осмотрелся, сказал он: — я посмотрю, что будет делать эта женщина.

И вышел Нхлату. Глаза людей были ослеплены сиянием его тела. — Они удивились и сказали: мы никогда не видели подобного человека, с телом не похожим на людское. И он сел. Его отец дивился.

Было устроено празднество. Били в щиты для Нхлату, который был велик, как все вожди. Нтомбинде дали хвост леопарда; его матери дали хвост дикой кошки;³⁴ было устроено празднество и был Нхлату восстановлен обратно во власти вождя. И вот конец сказки.³⁵

Горные голуби

Случилось вначале, при начале начал, явились горные голуби к одному дому и нашли женщину сидящей снаружи; они вошли и разбросали золу в ее доме. Она заплакала. Она была женой, но она не родила. — Сказала она: они пришли смеяться надо мной, они видят, что у меня нет ребенка разбрасывать золу. — Явились шесть голубей; сказал один: «вукуту». — Спросил другой: почему ты говоришь «вукуту»? — Повторил первый: «вукуту». — Спросил другой: почему ты говоришь «вукуту»? Они проделали это перед той женщиной. — Затем первый сказал: возьми рог, пошевеливайся. Опять сказал другой: «вукуту». Сказал первый: возьми рог, пошевеливайся, возьми сгусток крови положи в горшок, замажь его и отставь его

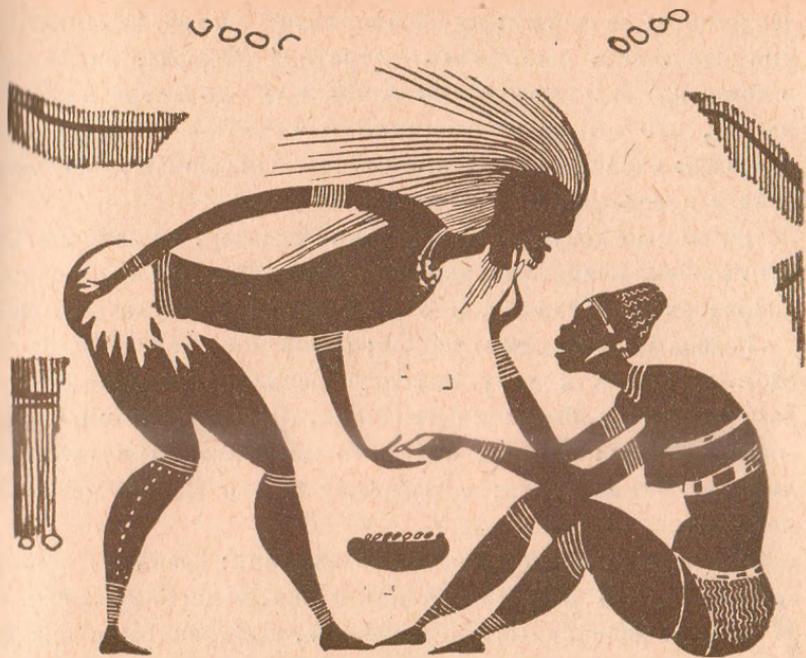
на восемь месяцев. Когда пройдут девять месяцев, — сказал он, — открой его через девять месяцев.

И она открыла, она нашла дитя; сгусток крови внутри горшка имел дитя. — Сказал горный голубь: вынь же его теперь, положи его в мешок, дай же ему пищу. — Пришел другой голубь и сказал: заверни его в его покрывало, положи его в глубину дома; прячь его, чтобы об нем не знали другие женщины, давай ему помногу, чтобы он тотчас вырос. И он тотчас вырос.

К вечеру пришел ее муж. Жена зажгла большой огонь. Муж не знал об этом дитя, дитя лишь сгустка крови. И взяла женщина дитя из глубины дома, она вышла с ним, села и положила его перед ним; она взяла пищу дитя, положила ее перед ним и сказала: ешь же, дитя, вот твоя пища. — Удивился ее муж, заговорил он и сказал: откуда ты взяла это дитя? чье это дитя? — Сказала женщина: оно мое, моего сгустка крови, горных голубей, которые поведали мне мудрое: они сказали, они велели мне надрезать себя, сделать вырезку, взять мне сгусток крови и положить его в горшок, чтобы он стал ребенком.

Тогда возрадовался муж, возблагодарил ее и сказал: я веселюсь, я радуюсь сегодня. Ты имеешь свое дитя. Очень хорошо. Верно тогда он так сказал. Так выросло дитя из сгустка крови.

Ситунгусобенхле³⁶

Если об Ситунгусобенхле, то были девушки. Одна имела своей сестрой девушку из великого дома. Когда они шли толпой своих девушек собирать бенхле, они шли парывая, оставляя ее по пути. Они достигли того рубежа, откуда они должны были возвращаться. И сказала ее сестра из великого дома, сказала она, что не любима она своим отцом; он любит дитя из малого дома. Они повернули обратно. Они шли, собирали, но та, которая была любима своим отцом, отстала, она позабыла. Когда они были на возвышенности, она вспомнила про свои бенхле.

Каждую девушку она напрасно просила: помогите мне, проводите меня за моей бенхле. — Они все отказались и ее

девушки, и ее сестры: их отговорила ее сестра. И вернулась она одна. Она шла, шла и встретила людоеда, сидевшего в доме, где были ее бенхле. Когда она его встретила, она нашла, что он искал личинки и ел их. — Он позвал ее и сказал: входи, помоги мне искать. Она вошла, она находила и передавала ему личинки, а он ел.

Остальные девушки придя домой сказали: та девочка Ситунгусобенхле достигла зрелости. Был зарезан вол; все племя собралось на заклание, ибо дочь вождя достигла зрелости.

Людоед положил ее в мешок; и она последовала за людоедом, он пошел к дому Ситунгусобенхле. Они повстречали двух ее братьев, бывших с телятами, других с быками, евших мясо. — Сказал людоед: отрежьте мне мяса. Они отрезали людоеду. — Сказал он: я расскажу вам о мешке великого человека.

Они дали ему, он поел. — Сказали они: ударь по мешку, ты сказал, что расскажешь нам о нем. И он ударил его. — И сказала девочка Ситунгусобенхле, которая была внутри мешка, сказала она: что я скажу? Я была брошена детьми моего отца, они отказались проводить меня собратью мою бенхле. Услышали мальчики ее братья, узнали по голосу; сказали они: проводите его к нашему отцу, чтобы он мог поесть хорошего мяса дома у нашего отца. И они проводили его до дома Ситунгусобенхле.

И он пришел к ее людям. Мать Ситунгусобенхле отрезала людоеду мяса; он поел. Сказали они: ударь по мешку великого человека. — И людоед ударил по нему. — Сказало дитя: что я скажу? Я была брошена детьми моего отца. — Сказала ее мать: пусть поведают вождю ее отцу. — Отец явился и сказал: пусть он ударит мешок: услышал он, говорила она: что я скажу? Я была брошена детьми моего отца.

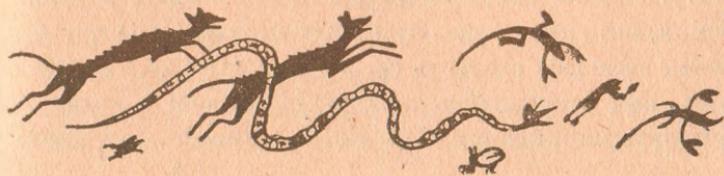
И сказал ее отец: дайте ему тыкву, пусть он наберет воду. Он продырявил кувшин копьём. И пошел людоед набрать воду. Он замешкался набирая воду, тыква текла. Они набрали и скорпионов, и змей, и собак и положили их в мешок; дитя, девушка Ситунгусобенхле была вытащена ее отцом. Все звери, все которые кусаются, были положены

в мешок людоеда. — Пришел людоед и сказал: зачем вы дали мне дырявую тыкву? Сказал вождь, он его повредил, сказал он: его дала великая женщина. Как это она не нашла тебе не поврежденной тыквы, крепкой?

И спросил людоед: мой мешок там же? — Ответили они: он на том же месте, куда ты его положил. И поднял его людоед; он был одарен мясом и пошел домой, пошел домой в свое селение. Он пришел и положил снаружи свой мешок и приказал: пусть разведут огонь, пусть приготовят горшок.

Горшок закипал. Он послал свое дитя, он наказал принести мешок. Дитя было укушено, оно бросило его. Он снова послал другое; оно пошло и, когда оно схватило его, то и оно было укушено; оно бросило его. Звери, которые были внутри мешка, кусали детей людоеда. — Наказал он своим детям: вы не являйтесь сюда в дом. — Он приказал принести его великой женщине. Она была укушена. — Сказала она: они правы, говорили дети, что твой мешок кусается. — И сказал людоед: закройте меня внутри, заткните и маленькие дырки. И они закрыли, они вышли. Он взял мешок сам. Они все время его кусали. Он высвободил его, он потряс его. Выскочили все звери, положенные внутрь. Он диорал. Он орал внутри, он был стеснен, он никуда не мог выйти. Спустя некоторое время они открыли, он был кончен и оставались одни кости. Он выбрался, побежал, направился к глине, достигнув, он упал на голову. Пчелы вошли в его кости, он был уже деревом!

Дома вождь позвал Ситунгусобенхле, он приказал ей выйти. Но девушки отказали. Он явился к хижине, где производилась церемония. Он нашел, что другую девушку убрали ветвями, и говорили, что это Ситунгусобенхле. Он позвал их всех и все до одной вышли. Он достал бревно, схватил косарь и изрубил всех девушек.

Ситунгусобенхле и Жубатенте³⁷

Говорят, что была девушка, которая достигла зрелости, Ситунгусобенхле было имя ее. Случилось, что люди всего селения пошли копать далеко от их селения, и девушки тоже пошли собирать цапа;³⁸ Ситунгусобенхле осталась одна. Случилось, что явились Жубатенте, Жубатенте явились, схватили Ситунгусобенхле и отправились с ней, паря в высоте; они понеслись к месту, где были ее матери,³⁹ где они копали, они свесили ее над ее матерью. — Ситунгусобенхле закричала, увидев свою мать, и сказала: мать моя, мать моя, я удаляюсь с Жубатенте. Они свесили ее. Ее мать пыталась схватить ее, но они этим только мучили ее мать, они отправились с Ситунгусобенхле; и мать следовала неотступно, идя и рыдая. Когда стемнело, они достигли

дерева, взобрались наверх и остались там наверху. Ее мать легла у подножья дерева. Посреди ночи Жубатенте взяли Ситунгусобенхле, они отправились с ней, они пошли к себе.

Утром ее мать не видела больше на верху дерева Жубатенте. Она пошла обратно и вернулась назад. Жубатенте прибыли к своему дому с Ситунгусобенхле. — Сказали Жубатенте: пусть она будет великой женщиной. — И она сделалась великой женщиной. Она родила дитя. Ее мужем был Жубатенте. Она еще родила одного; она еще родила одного: всего троих.

Случилось, что была созвана партия охотников; она пошла далеко охотиться; с ней вместе пошел муж Ситунгусобенхле и ее дети; все люди пошли охотиться. Ситунгусобенхле осталась дома со старухой; они обе оставались дома. — Она придумала уловку со своими детьми, она сказала: притворитесь больными.

Партия охотников вышла утром. — Когда они выходили из дому, вскричал старший ее мальчик падая ниц, вскричал он, — ой, я ушибся. — Сказал его отец: возвращайся, иди домой. Партия пошла дальше. — Вскричал другой мальчик, следующий за старшим, вскричал он: ой, у меня болит живот. — Сказал его отец: возвращайся к себе. Партия пошла дальше. — Вскричал младший, пропала моя голова. — Сказал его отец: возвращайся к себе. Они делали умышленно, обманывая своего отца, думая этим путем убежать. Все они трое собрались с матерью дома.

Их мать связала свое добро, взяла своих детей и пошла с ними. Как только старуха заметила, что нет Ситунгусобенхле, что она ушла, она закричала, говоря, — йи йи, йи, она забила тревогу, великая женщина убежала с детьми вождя. — Один из охотников услышал и сказал: Тихе! Кто это там кричит? Похоже, что он кричит: — великая женщина убежала вместе с детьми вождя. — Они схватили его и сказали; он накликает беду на детей вождя. Они убили его. — Снова закричала старуха, сказала она: — йи, йи, йи, великая женщина убежала с детьми вождя. — Снова сказал другой: хоть вы убили того, — там человек, который кри-

чит. Похоже, что он кричит: великая женщина убежала с детьми вождя. — Они схватили и этого, они убили его, говоря; он накликает беду на детей вождя. — Снова она закричала, она говорила: йи, йи, йи, великая женщина убежала с детьми вождя. — Снова услышал другой, сказал он: нет, хоть вы убили людей, там человек, который кричит, он кричит: великая женщина убежала с детьми вождя. — Они и его поймали, они убили и его; сказали они: он накликает беду на детей вождя, что они могут убежать. — Снова в четвертый раз закричала старуха: йи, йи, йи, великая женщина убежала с детьми вождя. — И опять четвертый сказал: тише, послушаем. Хоть вы их убили, там человек, который кричит. Похоже что он кричит: великая женщина убежала с детьми вождя. Оставьте меня, не убивайте и меня. Возвратимся домой, узнаем дома, нет ли там человека, который кричит? Приказал вождь оставить этого человека. Они отправились и пошли домой. Они прибыли домой. — Сказала старуха: великая женщина убежала с детьми вождя. — Сказал человек: что я говорил вам? Я сказал вам, я говорил, там человек, который кричит.

Собрались все люди вождя Жубатенте. Приказал вождь, чтобы они следовали за Ситунгусобенхле. Они пошли, многочисленная армия во много тысяч, и с ней вождь Жубатенте.

Ситунгусобенхле достигла моря; сказала она: — море, море, море, расступись! я Ситунгусобенхле. Море расступилось. Она переправилась со своими детьми и села на другой стороне. Войско Жубатенте достигло моря и увидело Ситунгусобенхле, сидящей на другой стороне моря. Войско пришло и удивилось видя ее на другой стороне моря.

Ситунгусобенхле сплела очень длинную веревку, бросила ее на другую сторону и сказала она: идите, я вас переправлю. Она только насмеялась над ними, насмеялась над ними. Она подобрала острый камень. — Сказала Ситунгусобенхле: хватайтесь помногу за веревку. — Они схватились помногу за веревку. Ситунгусобенхле потянула веревку. Когда они были на середине, она перерезала веревку и они

пропали в море. — Воскликнула она: ой! пропали люди вождя; притворяясь, перерезав нарочно. Она снова сказала другим: хватайтесь опять за веревку. — Они схватились помпогу за веревку. Она потянула их. Когда они были на середине моря, она опять перерезала веревку. — Воскликнула она: ой! пропали люди вождя. Снова она бросила веревку, говоря, что она выскользнула у нее. — Сказала она: хватайтесь снова, помпогу. Они схватились за веревку. Когда они были опять посреди моря, она перерезала веревку и они пропали в водах моря. Наконец их оставалось немного на другой стороне, их было мало теперь. — Сказал один из оставшихся: наконец кончаются люди вождя. И они вернулись обратно.

И пошла Ситунгусобенхле, прибыла она в страну своих. Она пришла, а людей не было там; они были съедены Кукумадеву. Она увидела гору, которая была там впервые и сказала: что это за гора? — Она пошла, она приблизилась к тому месту, где было их селение: она нашла большую питуку Кукумадеву, которого она вначале приняла за гору.

Она приблизилась вплотную к нему, пробралась под него, держа нож и рассекла снизу его живот. — Первым вышел петух: прокричал он: кукудуку! Наконец я вижу свет! ибо давно я его не видал. За петухом вышел человек. — Сказал он: хау! наконец я вижу свет! — За ним вышел бык; сказал он: ууум! наконец я вижу свет! — За ним вышла собака; сказала она: хау, хау, хау! наконец я вижу свет! — За ней вышла коза; сказала она: ме, ме! наконец я вижу свет! За ней вышла овца; сказала она: бе, бе! наконец я вижу свет! — За ней вышли все вещи. Все возвратились, все отстроились, все опять были счастливы, все стало, как это было прежде. И это был конец.

Хлазасе

Когда-то девушки шли купаться, они шли с двумя дочерьми вождя: младшей, очень любимой своим отцом; старшей, которую он не любил. Старшая была Хлалусе; младшая Хлазасе.⁴⁰ И пришли они к заводи. Резвились они.

Когда они собрались выйти, они увидели Кукумадеву. Он взял их передники. — Девушки вышли и сказали: Кукумадеву, дай наши передники. Он им дал. Опять вышли из воды другие, говоря также, сказали они: Кукумадеву, дай нам наши передники. Так закончили все девушки.

Дочь вождя отказалась просить Кукумадеву, чтобы он дал ей ее передник, Хлазасе, дочь вождя. Старшей дал Кукумадеву. Младшей он не дал, ибо она была горда. —

Другие девушки упрасивали ее, они говорили: попроси же, дочь вождя, Кукумадеву. Но она не соглашалась просить. — Сказали другие девушки, теперь мы тебя оставим. И они ее оставили.

Когда она увидела, что она брошена другими девушками, она схватила Кукумадеву, думая, отнять свой передник. Она сражалась с Кукумадеву. Кукумадеву потащил девушку и погрузился с ней в заводь. Опять сражалась с ними в заводи девушка. Девушка не могла одолеть, не мог одолеть и Кукумадеву. И тогда он остался в заводи, ибо он устал. И девушка осталась, ибо и она устала. Там спал Кукумадеву и девушка.

Утром Кукумадеву пошел, желая позвать других Кукумадеву, ибо он не одолел, девушка была сильная. Явился один зверь и сказал девушке, сказал он: уходи, ибо Кукумадеву пошел звать других Кукумадеву. И взяла та девушка свой передник, вышла из воды; и отправилась она, пошла она домой.

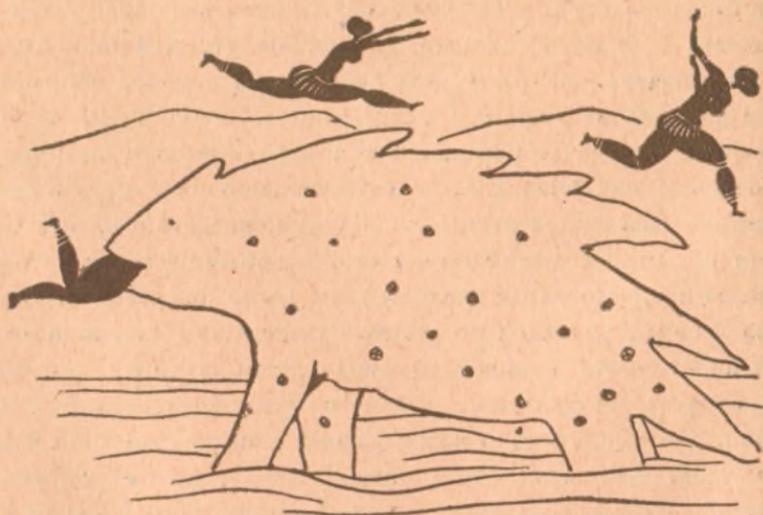
Она достигла дома и говорили девушки: она достигла зрелости. Вошла она к своим в хижину. Заплакала ее мать и спросила. Куда идешь ты? раз девушки говорят, ты достигла зрелости. — Ответила она: они меня бросили у Кукумадеву. — Ее мать поведала ее отцу, говоря, дитя наше было у Кукумадеву. Ее отец взял свое копье, наточил его, преградил путь девушкам и сказал: подайте мне дитя, чтобы я мог его видеть. Они засмеяли его. — Сказали они: твоя любовь к ней очевидна, ибо ты хочешь ее видеть в зрелости. — Сказал ее отец: довольно, приказываю я, подайте мне ее, чтобы я мог ее видеть. — Девушки отказались и сказали: она достигла зрелости; мы ее не покажем. Рассердился ее отец, вошел он в хижину: девушки схватили его; он перетряхнул цыновки и увидел, что его дитя там нет. И схватил он девушек, вышел с ними наружу и всех их убил. Он убил и дочь вождя, свою Хлалузе, он убил всех девушек. — Спросили тогда люди: вождь, почему ты убил детей? — Сказал он: они убили Хлазасе. Они бросили ее у Кукумадеву. И показал он Хлазасе. И дивились все люди, ибо, придя, девушки говорили, — она достигла зрелости.

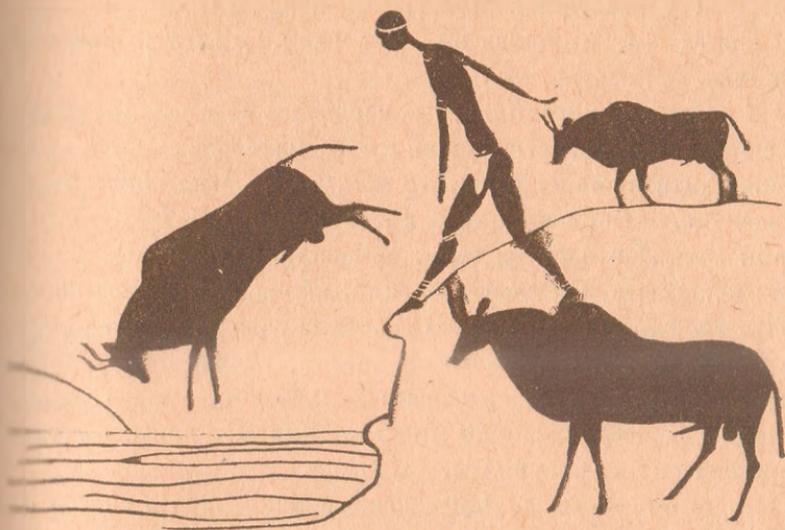
И отец Хлазасе созвал племя и сказал: пусть будет найден Кукумадеву. И отправились с дочерью вождя. Она им и показала заводь. Рассердился Кукумадеву и вышел; они его убили.

И вышли все девушки всей страны; ибо Кукумадеву приходил и сидел в заводи, где находились девушки, он ел девушек живьем. И возвратились с ними, пришли с ними домой. Отцы девушек услышали разговор: — наши дети освобождены. Они пришли со скотом, чтобы взять своих детей. Дали они быков Сикулуми. И ушли со своими дочерьми.

Правила дочь вождя Хлазасе, правила она с малыми девицами. Ее отец зарезал быков, чтобы порадовать свое дитя, ибо она была съедена Кукумадеву. Отцы девушек очень благодарили его, который вытащил их детей из Кукумадеву, ибо он его убил.

Говорят, что Кукумадеву не имел шерсти, он был длинным и большим зверем. Тех девушек он глотал, он их не ел.

Лангаласенхла и Лангаласензантси

Говорят вначале, был рожден Лангаласенхла, был рожден Лангаласензантси.⁴¹ Вот. — Сказал Лангаласензантси: я разыщу моих детей, я соберу десять быков. Он надел дрянное одеяние, лишь с передник; и отправился, разыскивая детей у Лангаласенхла. Он достиг полноводной реки и бросил одного быка; река разделилась и он перешел. И пошел он. Достиг он другой полноводной реки и опять бросил он одного быка; река разделилась и он перешел. И пошел он. Достиг он другой полноводной реки и бросил он одного быка — третьего; река разделилась и пошел он. Он достиг другой полноводной реки и бросил одного быка; она разделилась и пошел он. Он достиг пятой реки; он нашел ее полноводной и бросил другого

быка; река разделилась и он пошел, он перешел. Наконец он был у десятой, и пошел он переходя десятую реку. И пошел он, и пошел он, идя один, десять быков кончились.

И достиг он источника, где черпалась вода селения Лангаласенхла. Он встретил очень много маленьких детей. — Он узнал дитя и спросил; чье это дитя? — Ответили они: Лангаласенхла. — Спросил он: как зовут его мать? — Ответили они: дочь Лангаласензантси. — Воскликнул он: А! — Сказал он: поди сюда. Он взял тростник, ибо все дети пошли собирать тростник. — Он сломал тростник того дитя, его дочери, и сказал он: иди же к твоей матери, скажи ей, чтоб она пришла сломать тебе; скажи: — мать моя, мой тростник сломался; пойди, сломай мне тростник. И пошла его мать, пришла она к тростникам.

Когда она пришла, Лангаласензантси вышел и сказал он: поди сюда, дитя мое. — Великая женщина изумилась, закричала она и сказала: отец мой, откуда пришел ты? раз Лангаласенхла сказал, да не вижу я тебя глазами; я убью тебя, ибо он живет с твоими детьми, что же ты будешь делать? — Ответил Лангаласензантси, сказал он: ты скажешь, я приютила у себя чужестранца, которого зовут Бомби.⁴² Не говори, что я Лангаласензантси. Спрячь меня от Лангаласенхла. Говори, я лишь чужой. — Спросила она: зачем ты пришел сюда, раз ты под угрозой, тебе приказали не приходить сюда? — Спросила она: что ты будешь есть? ведь раз у вас едят один хлеб, тут же питаются одним пивом — пищей мужей. — Сказал он: ты мне намелешь для каши; ты меня поместишь в дом твоей старухи. Я не буду появляться, чтобы меня не увидел Лангаласенхла. Я появлюсь, когда отдохну. Я отдохну и тогда соберу всех детей нашего племени. Я заберу их всех с тобою. Я собираюсь убить твоего мужа.

На третий день утром Лангаласензантси вышел из дому. — Вышел Лангаласенхла, заговорил и спросил он: откуда явился этот? Как его зовут? Не похож ли он на Лангаласензантси? — Ответил Лангаласензантси: я самый. Я заберу

всех моих детей нашего племени. Они были захвачены в плен войском Лангаласенхла. — Сказал Лангаласенхла: ох! ты не забереешь этих детей: они мои. Ты никогда их не будешь осязать.

Он позвал мальчика и сказал: созови мое войско, чтобы оно посмотрело. Тут есть дело. Явилось его войско. — Приказал он: убейте Лангаласензантси. Я отказываюсь отдать детей. Все они метнули в него копьями. Копья не достигли его, они лишь вонзились в землю. Он собрал их все и вручил им их. Они снова метнули. Они не долетели до него. Он же стоял прямо. Снова их копья не долетели. — Сказал он: теперь уж я вас победил. Подавайте же всех детей. Лангаласенхла согласился. — Сказал он: верно, ты нас победил. Он собрал их и сказал: передайте ему детей его племени. И собрались они все. — Сказал он: вот они дети твоего племени. Иди же. И он пошел.

Спустя некоторое время Лангаласенхла заставил все свое войско преследовать. — Приказал он: отправляйтесь же. Все в порядке. Прикончите его на склоне горы за одно с его детьми и возвращайтесь, люди мои. — И войско отправилось. Оно пошло, оно не настигло, хоть оно следовало, оно не настигло.

Под конец Лангаласензантси с детьми достиг реки с красными водами, которая была очень велика; они нашли ее очень полноводной. Лангаласензантси поднял свой жезл вождя; он поднял его; река стала и они все перешли. И они сели, сняли свою пошу, возрадовались, ели, они варили и варили еду.

Достигло войско берега реки. Оно закричало и спросило: где вы перешли? — Ответили они: мы перешли вот здесь. Переходите и убейте нас. — Они сказали подумав: ну нет! Вы не здесь перешли. Скажите нам? Лангаласензантси взял свой жезл; он поднял его; река стала. — Сказал он: переходите же тотчас. — Они все вошли. Река была широка. Когда они все вошли в реку, он опустил свой жезл; река покрыла их всех.

Они радовались, дети Лангаласензантси прыгали, они очень радовались. — Спросил он: видите ли вы? Кончились

они, которые шли нас убивать. — Сказал он: берите же ношу, отправляйтесь к своим. И взяли они ношу и пошли они.

В дороге Лангаласензантси умер. И так они пошли одни. Выступил его брат, который был там, с детьми, он отправился с ними. Явилась смерть, она убила стариков; остались молодые, они остались с одним мужчиной. И так они шли, наконец они достигли своей страны. Возникло страшное горе. Говорилось: где твой старший брат? — Отвечал он: он умер в дороге. — Говорилось: где он умер? — Отвечал он: я сам не видел, где он умер. Ни одного ни другого из наших братьев я не вижу больше, я их не похоронил; они умерли, и я не видел их. Мы плохо шли, мы шли среди врагов. Я не знаю, были ли они убиты врагами.

И они поселились; и они отстроились; и они возрадовались; в конце концов они снова размножились.

Это предание — старая повесть среди нас. Она называется преданием, ибо те, которые ее рассказывали, очень давно ушли; неизвестно откуда оно явилось. Но говорится это древнее предание, до прихода белых в эту страну.

Бабузе

Жил был вождь, имя его было Бабузе; и хотел он итти к девушке. — Его отец воспретил ему; сказал он: не ходи к той девушке, ибо кто идет, тот не возвращается. — Но вождь Бабузе сказал: я хочу итти туда. — Тогда его отец согласился, дал ему много скота; сказал он, ну, иди же. Он дал ему людей, чтобы они шли с ним.

И пошел он; он собрал всех людей и пошел. — Сказал ему его отец: дитя мое, не иди той дорогой, которая идет в гору; иди дорогой, которая спускается. И пошел Бабузе. Но случилось, что у раздела двух дорог, оставил Бабузе ту дорогу, о которой говорил его отец, говорил ему итти по той; он пошел другой дорогой, о которой говорил его отец, говорил ему не итти по той.

Случилось дальше, встретился Бабузе с множеством зверей; они увидели его, когда он появился, и закричали ему, когда он был далеко, они сказали: Бабузе, Бабузе, сын вождя! — И сказал Бабузе: мой отец говорил мне, приказывая, чтобы я не шел этой дорогой; он говорил плохая дорога, с гиенами. Так говоря о гиенах, он дал им много скота. — Они снова вернулись и сказали: Бабузе, сын вождя! — Он снова дал им скот, пищу гиен. И вот скоро скот пришел к концу. Они опять попросили и сказали: Бабузе, сын вождя! Он тотчас отдал людей. — Они вернулись и повторили снова, сказали они: Бабузе, сын вождя! Теперь прикончил он для них людей. Опять попросили гиены. Теперь он не знал что делать, ибо люди все кончились. Теперь он шел один.

Гиены вернулись и попросили снова, сказали они: Бабузе, сын вождя! Он побегал и встретил впереди полевую мышь. — Сказала полевая мышь: обдери меня и держи в руке мою шкуру. Он ободрал ее тотчас, ибо тут были гиены, которые собирались есть, которые были близко. Взял он шкуру и она тотчас подняла его ввысь, когда явились гиены, желая его съесть; подняла она его далеко в облака, гиены же бродили по земле. Гиены вернулись обратно.

И шкура повлекла его в облака; она положила его на краю селения, там где была девушка, которую он любил. И вошел он в дом, идя теперь по тверди. Шел он со шкурой, привязанной к своему жезлу. — И дома люди открыли празднество, сильно радуясь, говоря: пришел жених дочери вождя.

Были ему зарезаны быки. И он остался. В конце года, в который он ушел, он еще оставался там. Когда окончился год, отец девушки созвал большую свадебную партию, чтобы она справила свадьбу его дочери. Пошло множество людей.

Сказал Бабузе: дай мне также много скота, ибо там, по пути, гиены; ибо сам я был со множеством людей, которые были мне даны моим отцом, в пути они были съедены

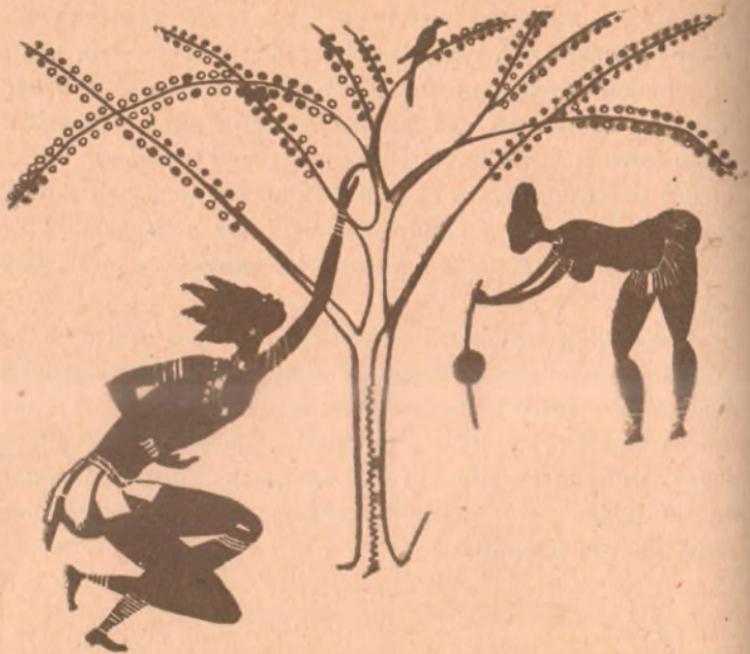
гиенами. И он дал ему много скота. И пошел он с девушкой, скотом и людьми.

И он пришел туда, где гиены отстали от него; он нашел мясо полевой мыши, он положил шкурку на мясо полевой мыши; и зарезал он для полевой мыши вола, оставил он все его мясо и было оно съедено полевой мышью.

Встретил он гиен; они опять попросили, сказали Бабузе, сын вождя! Он им больше ничего не дал. Брат девушки заколол одну гиену, которая была их вождем, и все гиены сошли.

И теперь шли они благополучно. Явились они к своему дому и был плач, ибо увидели, что вождь возвращается, тогда думали, что он умрет. И он явился в свой дом; было зарезано множество скота для свадебной партии и вождя, их сына. Они поженились и она сделалась великой женщиной. Ее братья не возвращались домой. Вся свадебная партия поселилась там.

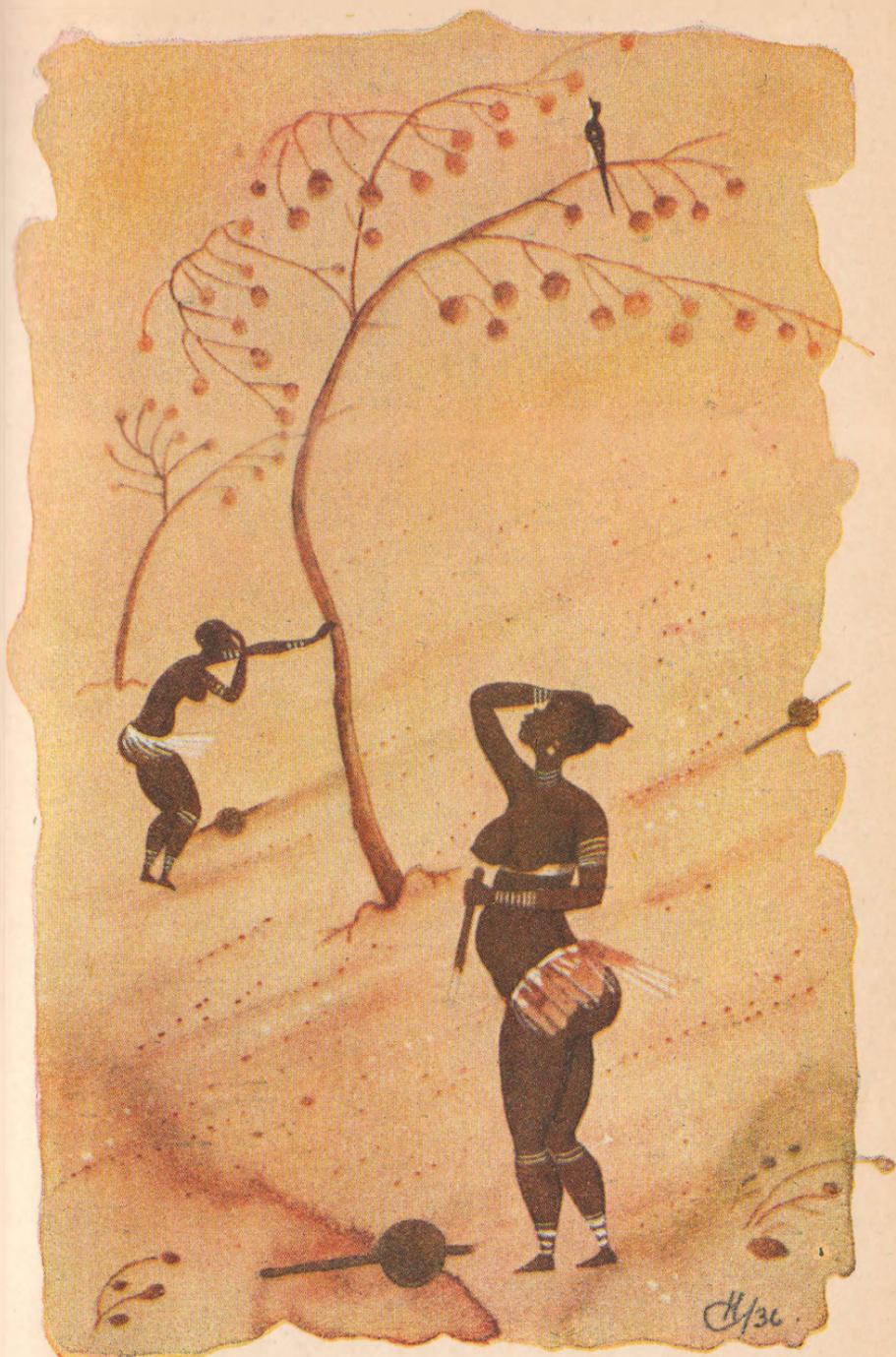

Человек и птица

Рассказывают те, кто знают предания, что был большой голод, и больше того, не было скота. Случилось, женщина пошла копать в сад, случилось — явилась птица, имя которой вемве.⁴³ Женщина покопала и пошла обратно домой. Утром она опять пошла копать.

Случилось, что взрыхленной земли, которую она копала вчера, она не видела; она явилась и земля была подобна траве. — Сказала она: где же взрыхленная земля, которую я копала вчера? — говоря наедине. Она стала снова копать. Когда она копала, явилась птица, села на вершине дерева перед ней и сказала: чийо, чийо, чийо! Это земля моего отца, я запрещаю, с ней что-либо делать. Ты делала против

моя. Комочки, скатайтесь! Семечки, развейтесь! Рукоятка, сломайся! Мотыжка, исчезни!

Женщина пошла опять копать; она пришла и взрыхленной земли, которая была вскопана вчера, она не увидела: ибо комочки скатались; и семена развеялись; и рукоятка сломалась; и мотыга исчезла. Она снова стала копать. — Явилась птица, сказала она; чийо, чийо, чийо! Это земля моего отца, и запрещаю с ней что-либо делать. Ты делала против меня. Комочки, сожмитесь! Семечки, развейтесь! Рукоятка, сломайся! Мотыжка, исчезни! И случилось, как она говорила. Комки сжались; и семя развеялось; и рукоятка сломалась; и мотыга исчезла.

Опять женщина пошла домой, она пошла рассказать своему мужу; сказала она ему: там птица, когда я копаю, она является и говорит мне: это земля моего отца, я запрещаю с ней что-либо делать. Ты делала против меня. Комочки, сожмитесь! Семена, развейтесь! Рукоятка, сломайся! Мотыжка, исчезни! И делается как она говорит.

Утром женщина вышла первая, она пошла копать, придумав такой способ: когда я буду копать, ты приди, муж, посмотреть, что будет говорить птица. Муж последовал и сел вблизи жены, он спрятался. Когда женщина копала, снова явилась птица, она опять заговорила так же. Муж услышал ее, поднялся с земли, встал и увидел говорящую птицу: он бросился к ней и погнался за ней, птица улетела, муж побежал за ней. Птица пересекла горный хребет, муж тоже пересек горный хребет; так он гнался за ней; наконец, птица была утомлена; он схватил ее. — Сказала птица: отпусти меня, я сделаю тебе кислое молоко. — Муж сказал: делай же, я посмотрю. Она сделала, она выжала кислое молоко, она произнесла «кхла». Муж глотнул. Опять сказал он: сделай же творог. — Произнесла она: пухлу, пухлу, пухлу. Муж поел, он наелся, ибо долго он голодал; он возрадовался и сказал он, что нашел корову. Он отправился с ней, явился к себе домой и положил ее в горшок, замазал ее навозом, чтобы его дети и жена не могли ее

видеть, чтобы она была достоянием его одного; ибо он добыл ее один.

Случилось, женщина пошла копать и муж пошел; они оба опять вернулись; муж явился когда стемнело; они все легли спать, но сам он не заснул: он пошел к горшку и открыл его. Он добрался, птица сидела наверху: он схватил ее рукой и вылил кислое молоко в свою посудину; он снова поместил ее в горшок и замазал его. Он съел кислое молоко один, а дети с матерью спали.

Утром муж отправился, он пошел нарезать прутья, его жена пошла копать; дети остались одни. Но один ребенок видел своего отца как он один ел кислое молоко, он рассказал утром другим детям, сказал он: я видел моего отца, он там что-то ел ночью, когда вы все спали, он открыл горшок; я видел его наливающим кислое молоко; и я молчал, я думал, когда он отправится куда-нибудь далеко, мы останемся и съедим кислое молоко, ибо нас объели. Они остались и пошли открывать горшок; они нашли птицу сидящей поверх кислого молока; они ее схватили и ели, ели, ели, ели пока не наелись. Потом они закрыли. — Спросил их отец: дети мои, где вы наелись, так здорово объелись? — Сказали они обманывая его: мы ничем не объелись.

Когда стемнело, муж проделал опять то же самое, когда все опять спали. Но одно дитя рассказало другим уловку, чтобы они не уснули и смотрели, что их отец будет делать. И тут, когда они все легли, муж проделал то же самое; он открыл и ел, и ел; потом он закрыл. Но дети увидели его, что он съедает их пищу. — Сказали они: придет утро, если он выйдет, мы посмотрим.

Утром муж вышел. Они пошли открыть горшок; они пришли, птица сидела наверху; они ее сняли и ели, ели. Птица выскользнула у того, который держал ее, она полетела, чирикающая и уселась в двери. — Один мальчик, имя которого Демазане сказал: Демане, вот же птица моего отца уходит! — Ответил Демане: ладно дитя моего отца, я сейчас ем. Птица выбралась из двери чирикающая; она уселась на открытом месте. Опять сказал Демазане: Демане, вот же птица моего отца

уходит! — Ответил Демане: ладно, дитя моего отца, я сейчас ем. Птица вспорхнула с открытого места, чирикавая; она уселась на ограде. Опять Демазане заговорил о том же. Наконец птица улетела, пошла она и удалась. Так кончилось.

Возвратился отец. Когда стемнело, он думал что достанет свою еду, но он больше не видел птицы, больше не было столько кислого молока. — Он удивился, он позвал своих детей и спросил; что тут случилось с горшком? — Ответили дети: мы не знаем. — Один сказал: Да нет! Они тебя обманывают, отец мой. Они дали твоей птице уйти; она удалась, а кислое молоко — мы его съели. Он их сильно побил ставя им в вину свое кислое молоко, думая, что теперь он умрет от голода. И таков конец.

Цомбецанцини⁴⁴

Был один вождь в той стране, он порождает детей, которые были воронами; он не порождает человеческого дитя; во всех домах он породил воронов. Но его великая женщина, она не имела дитя, говорилось она бесплодная; она прожила много времени не родив. — Все женщины смеялись над ней, даже те, которые родили воронов, говоря: мы сами верно рожаем одних воронов, но ты то сама не родила ничего. Зачем ты думаешь создан человек? — Она кричала, говоря; но разве это я сама себя сделала? ибо и вы рожаете, раз было сказано «рожайте».

Наконец она отправилась копать; во время копания, когда поле было почти закончено, явились два голубя; они нашли ее одну, сидящей на земле, плачущей. — Сказал один

голубь другому: «вукуту». — Сказал другой: что ты говоришь «вукуту», а не спрашиваешь почему она плачет? — Ответила она: я плачу потому что я не родила. Другие жены волды рожают воронов, но я не родила ничего. — Сказал один голубь: «вукуту». — Сказал другой: что ты говоришь «вукуту», а не спрашиваешь, что она нам даст, если мы ее оставим родить? — Ответила она: я вам дам все, что есть у меня. — Сказал один: «вукуту». — Сказал другой: что ты говоришь «вукуту», а не спрашиваешь, какую еду она даст нам тогда? — Ответила она: я вам дам мои зерна бэлэ.⁴⁵ — Сказал один: «вукуту». — Сказал другой: что ты говоришь «вукуту», раз мы не едим зерна бэлэ? — Ответила она: я вам дам думби. — Сказал один: «вукуту». — Сказал другой: что ты говоришь «вукуту», а не говоришь, что мы не любим думби. Она назвала всю еду, которая была у нее. Они отвергли ее. — Наконец она сказала: вот вся пища, которая есть у меня. — Сказал один: «вукуту», у тебя есть зерна бэлэ; но сами мы любим семена клещевины. — Ответила она: о, у меня есть семена клещевины, мои владыки. — Сказал один: «вукуту». — Сказал другой: что ты говоришь «вукуту», а не велишь идти тотчас домой принести семена клещевины?

Женщина тотчас вскочила и побежала домой; она пришла, взяла семена клещевины, они были в старом горшке и высыпала их в корзину; она понесла их; она пошла с ними на поле. — Она пришла и сказал один голубь: «вукуту». — Сказал другой: что ты говоришь «вукуту», а не велишь высыпать на землю? — Она высыпала семена клещевины на землю. Голуби поклевали их все.

Когда они прикончили, сказал один: «вукуту». — Сказал другой, что ты говоришь «вукуту», а не спрашиваешь ее, пришла ли она с рогом и ножом? — Она ответила: нет. — Сказал один: «вукуту». Сказал другой: что ты говоришь «вукуту», а не велишь ей отправиться достать рог и нож? Она побежала, пришла домой, взяла рог и нож и тотчас вернулась. Она пришла и сказал один: «вукуту». — Сказал другой: что ты говоришь «вукуту», а не велишь ей повернуться задом? — Она повернулась задом. — Сказал один:

«вукуту». — Сказал другой: — что ты говоришь «вукуту», а не поскоблишь ее по поясице? Он ее поскоблил. И когда он кончил скоблить, он взял рог, и собрал туда сгустки крови. — Сказал один: «вукуту». — Сказал другой: что ты говоришь «вукуту», а не велишь прийдя домой найти большую посудину, поместить внутрь сгустки крови, пока не умрут две луны и тогда открыть посудину? — Женщина возвратилась, пришла и так и сделала. — Она провела две луны. Когда появилась третья луна, она нашла двух детей. Она вынула их из той посуды. Она опять положила их в другой горшок. Она провела три луны, не заглядывая туда. Когда она заглянула в четвертую луну, она нашла их большими, смеющимися; она очень обрадовалась.

Она вышла копать. Она пришла на возвышенность и сидела на земле, пока не зашло солнце, говоря: удивительно, как мои дети будут живы? Ибо надо мной смеются другие женщины, а ведь они не рожают людей, они рожают воронов. В полдень она вернулась, она пришла домой. Вечером, когда она шла спать, она закрыла вход дверью и циновкой, говоря: когда кто-либо из людей будет проходить мимо двери, он ничего не увидит. Она села. Когда она увидела, что люди не бродят по селению, она встала, она взяла ребят, положила их на циновку для сна, она взяла молоко и дала им; один, который был мальчик, выпил его, девочка отвергла. Когда она долго побыла с ними, она положила их обратно на их место и заснула.

Что касается их роста, они оба быстро росли; наконец, они ползали на четвереньках никем не увиденные; наконец они ходили, их мать скрывала их от людей. Они жили, не выходя наружу, их мать воспретила, говоря, что если они выйдут наружу они будут увиденны воронами и убиты, ибо она преследовалась ими и в доме. Ибо случилось когда утром она встала и пошла черпнуть воды и отправилась копать, то когда она в полдень вернулась, она нашла воду разлитой по всему дому, угли выброшенными из очага и весь дом белым. Она подумала: это мне сделано, ибо я не родила и этих воронов, ибо если бы я родила со мною не сде-

или бы подобного; ибо я давно так страдаю и муж, который со мной живет, не обращается со мной как с человеком, потому что я не родила.

И росли оба дитя, пока не сделались большими. Наконец, девочка сделалась девушкой; и мальчик сделался юношей. — Сказала их мать: вот вы теперь оба большие, дети мои, но не имейте имен, — сказала она девочке: ты, твое имя Цом-боддичини. — Сказал мальчик: мне не давай имя, ибо мое имя мужчины мне даст мой отец, когда я вырасту; я не хочу быть названным именем сейчас. Его мать согласилась.

Случилось в полдень, когда их матери не было там, сказала девочка: отправимся зачерпнуть воды, раз вороны расплескали воду нашей матери. — Сказал мальчик: разве наша мать не запретила нам выходить наружу? — Сказала девочка: кем мы будем увидены, раз все люди пошли копать? — И мальчик согласился. — Девочка взяла горшок для воды, она пошла к реке, они пошли оба. А этот мальчик с виду был белый; а девушка страшно сияла. И отправились они, пришли к реке и зачерпнули воды. Когда горшок был наполнен, сказала она мальчику: помоги мне поднять. Когда он хотел ей помочь поднять, они увидели многочисленный отряд людей, идущих к реке. — Люди пришли и сказали напоите нас. Он зачерпнул воду ковшем и дал переднему. Другой тоже заговорил и сказал он: напоите меня. Он зачерпнул и напоил его. Все они говорили, пока, наконец, он их напоил.

Спросили они: из какого вы селения? — Ответили они: мы из этого, наверху. — Спросили они: есть ли там кто-нибудь? — Ответили они: нет, там нет никого. — Спросили они: из какого вы дома? — Ответили они: мы из этого, последнего к выходу. — Спросили они: который принадлежит великой женщине? — Они ответили: великая женщина наша собственная мать; но так как она не родила, ее дом был сдвинут, он был поставлен у выхода. — Спросили дети: а вы какого племени? — Сказали они: мы явились отсюда, мы идем, мы ищем очень красивую девушку, ибо наш вождь собирается жениться. — Спросили дети: что он женится

впервые? — Они подтвердили. — Спросили дети: какого вы рода? — Ответили они: мы из Хуэбу. — Спросила девушка: ваш вождь из Хуэбу? — Ответили они: нет, просто человек; мы одни Хуэбу. Мы не многочисленны; мы лишь один отряд. И отправились Хуэбу.

И мальчик помог ей поднять горшок для воды, они пошли в гору, пришли домой и сели. — После полудня пришла их мать, явившись с копанья; спросила она: кто набрал воды? — Ответили они: мы сами набрали. — Сказала она: разве я не запретила вам выходить наружу? Но кем вам было приказано: идите наберите воду? — Ответил мальчик: сам я отвергал, но Цомбецандини сказала: пойдем наберем воды. — Спросила их мать: вас никто не видел? — Ответили они: нас видели Хуэбу, которых был большой отряд. Они спросили: чьи вы? мы ответили: мы из этого селения. И они замолкли. Они прожили много дней. Но о них не знал ни один человек; они были известны лишь Хуэбу.

Однажды после полудня пришло много скота со множеством людей. — Все люди селения сказали: вот войско; где захватило оно столько скота? Они увидели много людей, идущих к дому; люди оставили часть скота снаружи селения; с другим скотом вошли в селение. Они пришли и загнали скот в загон, они поднялись в верхнюю часть селения, они пришли, встали и обратились за девушкой к ее отцу. И молчали все люди селения, молчали от удивления, думая: где тот человек, который может притти избрать воронов? Раз тут в селении нет дочерей человека. Но те обращались как если бы они знали девушку. Наконец женщины сказали: вы пришли выбирать девушку среди наших? Будет рада женщина, чью дочь вы пришли выбрать с таким количеством скота.

И все женщины вышли из домов, встали снаружи, некоторые побежали к выходу говоря: эй, эй! довольна ли женщина, которая не родила, ведь к кому эти сваты? издеваясь над той, которая не имела ребенка, ибо они не знали, что она-то имеет настоящую девушку; ведь сами они рожали лишь воронов. В гневе вышли мужчины с отцом воронов, ругая женщин, говоря: прочь, прочь! из-за каких ваших

дочерей поднимаете вы шум, раз вы родили лишь воронов? Где человек, который захватит столько своего скота, выкупив воронов? — Сказали мужчины: быстро идите по домам, прекратите этот шум.

Владыка селения подошел к сватам говоря: сам не имею дочери. Я породил одних лишь воронов. Возьмите ваш скот, возвращайтесь домой, идите к своим. — Сказали они: мы просим тебя, мы говорим, не отвергай; ибо мы знаем, что тут в доме есть девушка человеческая. — Владыка селения клялся, клялся говоря: нет тут в доме девушки. — Наконец сваты посмотрели друг на друга, желая спросить у Хуэбу, которые приходили первыми; спросили они: верно вы видели тут в доме девушку? — Ответили Хуэбу: мы видели ее тут в доме: мы можем показать дом, в который она вошла. — Спросили они: в какой? — Ответили они: в этот, который был перенесен на конец. — Сказали они: мы сами, вождь, верно знаем твою дочь, мы можем показать дом, в котором она. — Сказал вождь, говоря в гневе, сказал он: верно эти люди очень мудры! Раз я сам отец детей вам говорю, и говорю, нет тут в доме девушки человеческой. Но вы ведете со мной спор, вы хотите надо мною посмеяться, ибо я не породил человека. Владетельница того дома, на который вы показываете, не родила даже воронов. — Сказала женщина того дома, когда услышала речь мужа, как он так говорил, она вышла из дому, говоря: вот сваты дочери вождя! Войдите в дом, пусть вам зарежут быков мои зятя. Ибо хоть сама я не родила, но вы сами видели, что я родила.

Ее муж сошел с места и подошел к дому; он пришел и сказал: я думал, что ты не имеешь ребенка. Но раз ты вышла и подняла шум, ты, значит, имеешь дитя? — Ответила она: если я не родила дитя, откуда могла я его взять? — Сказал он: я спрашиваю, дитя мое, расскажи мне, зачем ты подняла шум? — Ответила она: я зашумела из-за моих детей, которые не имеют отношения к мужчине, а только ко мне. — Спросил муж: где они? — Приказала она: выходите чтобы вас видели. Мальчик и девочка вышли. Когда их отец увидел их, он упал на мальчика, он схватил его, крича, восклицая:

хау! хау! Однако женщины имеют большую выдержку? Как это ты скрывала детей, пока они так не выросли не будучи известными никому? — Спросил он: откуда ты взяла этих детей? — Ответила она: они были мне даны голубями; они поскоблили мне поясницу. Выступил сгусток крови, он был положен в посудину, наконец они стали людьми, я их кормила; я не хотела вам говорить, ибо вороны могли их убить.

И согласился их отец, сказал он: который из скота будет зарезан, раз им не должна быть зарезана ни одна коза; будет лучше, чтобы им был зарезан молодой бычок. И их мать согласилась. Она вышла из дому, она подошла к сватам, смеясь, радуясь, говоря: выйдите, чтобы я указала вам вашего быка. Жених вышел один; она ему указала молодого бычка. Он был зарезан и съеден.

На следующий день сказал их отец: будет лучше если для дитя будет зарезан и другой вместе с тем быком, когда она будет плясать своим сватам. Ее мать согласилась. Был зарезан бык. — Их отец вышел и сказал: будет лучше если все обряды этого дитя будут закончены, я хочу чтобы ее сваты отправились с ней обратно к себе, ибо вороны могут ее убить. Были выполнены все ее обряды и зарезаны козы, ибо в день ее зрелости для нее они не были зарезаны, ибо ее никто не знал. Она сплясала сватам, были зарезаны быки и было съедено мясо. — Сказал ее отец: отложите одну ногу, дети мои, чтобы идя вы, вместе с твоей женой, ели в пути. Ответили сваты: хорошо, отец наш, мы сами хотим отравиться утром. Они согласились по-хорошему.

Сказала ее мать сватам: когда вы будете идти и увидите зеленого зверя на пути — он появится на возвышенности — вы его не гоните; с этим и отпустите его, тогда пройдет хорошо сватовство моего дитя.

На утро они отправились. Но для жениха и его невесты были выбраны два больших быка, и они были посажены на обоих, воины шли впереди всех, а за ними шли многочисленные девушки, созданные с селения их отца, они шли с ними позади. Наконец они пришли к возвышенности и увидели того зверя, к которому их мать запретила подхо-

диль, сказала она, чтобы они не убивали его. Все войны побегали, погнались за зверем. — Сказала невеста: воспрети им, чтобы они не гнались за зверем. Разве моя мать вам не говорила, сказала она, не гонитесь за зверем? — Ответил жених: о, к чему ты говоришь? Пусть они за ним гонятся; не беда. Долго оставались там невеста с женихом девушки и ее подружки. — Наконец жених сказал: о, мы устали стоять на солнце, дай я пойду сейчас, чтобы их возвратить и идти. Сейчас полдень. И он пошел.

Они оставались и провели долгое время, не видя жениха; наконец невеста сказала другим девушкам: я устала стоять, и жажду воды. — Когда она это говорила, к ним подошла ящерица и сказала: я знаю вас, прекрасные дочери вождя. Они ответили. — Сказала ящерица: сойди чтобы я посмотрела пойдет ли мне твой передник? — Ответила она: я не хочу слезать. — Сказала ящерица: хау! слезай же, ты сейчас влезешь обратно. Наконец невеста слезла. — Ящерица схватила передник, подпоясалась и сказала: мне очень идет! — Сказала она: дай вот это твое покрывало, чтобы я посмотрела, пойдет ли оно мне? — Она отвергла и сказала: я боюсь солнца, сестрица. — Сказала она: подай мне, я отдам тебе его тотчас. Она дала его. — Она надела покрывало и сказала: дай я влезу на твоего вола, чтобы я посмотрела, пойдет ли мне это? — Сказала она: влезай, но тотчас слезай обратно. И ящерица влезла и сказала она: ха, ха! очень идет! — Сказала она: слезай же. — Сказала она: не хочу, я не слезу. — Сказала она: слезай, чтобы я влезла. — Ответила ящерица: ты мне позволила влезть; не слезу.

И поднялись все девушки с невестой; они обернулись в птичек. Сама невеста сделалась зябликом. Они направились в лес и поселились там, будучи птицами.

Явились дружки со шкурой зверя, которого они освеживали. Они шли впереди. Когда они были далеко от девушек, сказал жених: хау! хау! люди! видите ли вы невесту, на что она похожа, какая она сделалась маленькая и темная? Что с ней случилось? Где девушки? — Сказали они: о, вождь, может быть девушкам досаждало сидеть на солнце, и нако-

нец они ушли к своим домой; мы видим, что сделалось с невестой от солнца, ибо она не привыкла сидеть на солнце. — Сказал он: если так, это видно из-за солнца; мое тело ослабело, видно это не моя невеста. — Они подошли к ней и спросили: где девушки? — Невеста заговорила будто ее язык был связан, говоря неразборчиво, отвечая: они пошли обратно домой.

И они пошли, воины идя впереди, и жених с ними, он шел со своими воинами впереди, невеста оставалась позади, идя одна с быком. Когда они были вдалеке от того места, они увидели много птиц, сидевших перед ними на траве, они говорили: Какака, сын вождя идет со зверенышем! Говорили они: прочь, он вертится с ящерицей! — Сказал он: хау! люди! слышите ли вы этих птиц досаждающих, что они говорят? И слышали ли вы когда-нибудь говорящих птиц? — Ответили они: о, вождь, так делают птицы кустарников, они говорят. И он замолк. Они шли.

Опять впереди перед ними двигались птицы, говорили они: Какака, Какака, сын вождя идет со зверем! Прочь, он вертится с ящерицей! Но это очень задело сердце Какака. Когда они подходили к дому, птицы вернулись обратно, они остались в лесу, люди вошли домой, они все шли впереди, оставив одну невесту позади.

В загоне для скота сидело много мужчин с вождем, отцом Какака. Вошла невеста, идя одна; она пришла в верхнюю часть селения. Все люди, бывшие в загоне для скота, спросили: кто это пришел с сыном нашего вождя? — Заговорила вождь в гневе, позвал его, сказал он: я здесь, мой мальчик. Какака пошел со страхом, ибо он видел что его отец очень разгневан. — Вождь подошел и спросил: что это пришедшее с тобою? Это та самая девушка, которую Хуэбу называли прекрасной? — Приказал он: поторопись, созови всех притти ко мне; все Хуэбу будут убиты, ибо они выдумали небылицу, говоря, что видели прекрасную девушку. — Сказал Какака: Нет, вождь, отец мой, и я видел девушку; она была очень красивой; Хуэбу верно сказали, ибо и я видел ее, что она очень красива. — Сказал его отец: но что же с ней

тогда? — Ответил он: я не знаю. Нам было сказано у них дома, чтобы идя мы не убивали зверя. Но мы его убили; когда мы явились, вернулись после убийства зверя, мы нашли девушку такой. И их девушек не было там. Мы шли и я сам видел, что это не та самая девушка, с которой я отправился из дому. И отец умолк. Они прожили несколько денечков. Но Какака запретил называть ее своей невестой, говоря, что он не женится. И вот пришло ему время жениться на прекрасной девушке. — Но все люди удивлялись на эту девушку, говоря: не похожа эта на человека.

Но была здесь дома, в этом селении, старуха, она была без ног, с одними руками, и сидела она дома, имя ее было Хлесе;⁴⁶ прозвали ее ибо передвигаясь, ковыляла она лишь телом. Когда все ушли копать, явились девушки, обернулись людьми и явились в дом, явились к Хлесе и спросили: ты верно скажешь, что ты тут дома видела девушек? — Ответила Хлесе: о, нет, дети мои, скажу я откуда я могла тут видеть людей, раз я лишь Хлесе? — Они вышли; они взяли все горшки селения и пошли набрать воду. Они пришли к ней, натолкли чуала всему селению, налили и согрели воду; они набрали воды, обмазали полы в домах селения; пошли, набрали, принесли дров и разложили их по всему селению. Они пошли к Хлесе и спросили: Хлесе, ты скажешь, кем это все тут сделано? — Ответила она: я скажу это сделано мною, самою. — И они пошли, они пошли на равнину; придя они снова обернулись птицами.

После полудня явились люди, сказали все женщины дома: хау! кто это тут дома обмазал полы? принес воды? набрал дров? и намолоч чуала? нагрел воду? — Все пошли к Хлесе, позвали и спросили: кем все это сделано? — Ответила она: мною. Я волочилась и волочилась, я пошла набрала воды; я волочилась, я волочилась, я набрала дров; я волочилась и волочилась, я пошла натолкла; я волочилась и волочилась, я нагрела. — Сказали они: хау! это все было сделано тобою Хлесе? — Ответила она: эхе. — Они смеялись, веселились, говоря: Хлесе нам помогла приготовить пиво всему селению. Они легли спать.

Утром они ушли копать. Все девушки явились, посадили дрова. — Сказала Хлесе: йе, йе, йе! вот невестка моего отца. Хорошо что подружки приходят домой. Они разложили дрова всему селению; они смололи натолченное чуала; они сварили всему селению; они пошли и набрали воды; они смололи солод, чтобы сделать лумисо;⁴⁷ они смешали их. Они пошли к Хлесе и сказали они: счастливо оставаться, наша бабушка. — Ответила она: хорошо, подружки моей матери. И они пошли. После полудня все женщины явились домой и снова пошли к Хлесе, спрашивая: кто смолол? кто сварил? — Ответила Хлесе: я волочилась, я волочилась, я пошла набрать дров; я волочилась, я волочилась, я натолкла; я волочилась, я сварила; я волочилась, я пошла набрать воды; я волочилась, я волочилась, я смолола солод; я волочилась, я смешала; я волочилась, я пришла сюда в дома, я села. — Они смеялись, говоря: теперь мы получили старуху, которая будет работать на нас. Они сели, они легли.

На утро явились девушки, когда не было всех людей; но Хлесе сидела снаружи. Они пошли к ней и сказали: ты хорошая, Хлесе, ибо ты не рассказала никому. — Они вошли в дома, они смололи солод, они замешали тесто, они очистили пиво, которое они поставили бродить накануне, они положили закваску в тесто, которое они замешали, чтобы заставить его быстро бродить. Они собрали в большие круглые глиняные горшки то пиво, что было ими очищено; они взяли один горшок, они пошли с пивом, которое было в горшке, к Хлесе. — Придя они выпили, они дали Хлесе, которая смеялась, радовалась, говоря: я никогда не скажу, а вы делайте что хотите. Они снова удалились на равнину, обернувшись птицами. После полудня явились все женщины и увидели, что все тесто замешано. Сказали они: о, Хлесе скрывает от нас, когда мы ее спрашиваем, говорим: кем это сделано? Промолчим же. Это предвестник того, что произойдет, случится тут дома.

Но когда стемнело, Какака пошел к Хлесе, он упрасивал ее, он упрасивал ее, говоря: хау! бабушка, расскажи мне,

кем это сделано? — Хлесе отвечала: мною, дитя моего дитя. — Сказал он: хау! бабушка, ты не могла этого сделать. Расскажи мне, кем это сделано? — Сказала она: в полдень, когда все вы до одного уходите, является много девушек; а там среди них прекраснейшая девушка; тело ее сияет; и это они тут дома сделали пиво. — Сказал Какака: Ой! бабушка. Они не говорили, что придут завтра? Ответила Хлесе: О, они придут. — Сказал Какака: и я приду завтра, чтобы увидеть этих девушек. Сказал он: но ты не говори им бабушка. — Ответила она: да, нет; я им не расскажу. И они легли.

На утро все люди ушли копать. Явились девушки; они вошли в дома; они очистили пиво во всем селении. Когда они кончили очищать, они разлили его по всем горшкам всего селения; они взяли очень большой круглый глиняный горшок, налили пиво в него, собрали его горшком со всего селения. Они наполнили этот круглый глиняный горшок. Они вышли с ним и пошли к Хлесе; они пришли и поставили его; взяли коровий навоз, обмазали полы всего селения; они вычистили все селение, набрали дров и разложили во дворы всего селения; они вошли в дом, где была Хлесе; взяли горшки и пили пиво.

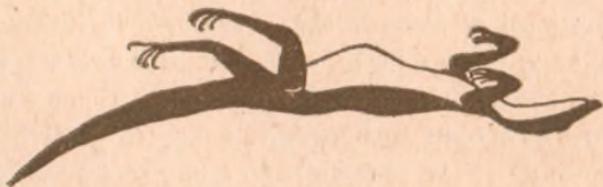
Когда они выпили много пива, вошел Какака; они увидели его, поднялись и направились к выходу, думая выйти, и так убежать, чтобы не быть виденными. Он загородил выход, спрашивая: хау! дитя моего отца Цомбецандини; что я тебе сделал такое, что ты меня так боишься? — Цомбецандини рассмеялась, говоря: эх, эх! отстань Какака! Разве не ты взял меня из селения моего отца; пришел и оставил меня на возвышенности; отправился с ящерицей? — Ответил он: я видел, что это не ты. Но раз я больше не видел, я не знал, что ты сделала? — И они остались, Какака радовался и радовался говоря: я говорил, я скоро умру, если не увижу тебя.

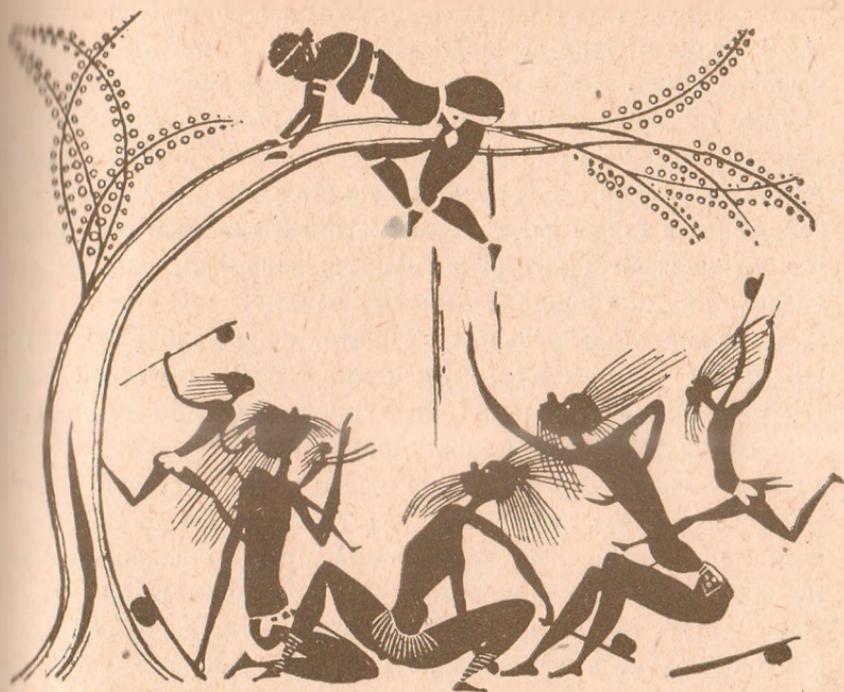
После полудня явились люди. Отправился Какака, пошел он к своему отцу, улыбаясь от радости, говоря: вот сегодня, отец мой, явилась девушка, которую я потерял на возвышенности. Заговорил его отец, смеясь от радости, спрашивая: где она? — Ответил он: вот она здесь в доме.

Сказал его отец: скажи всем людям дома, прикажи пускай подымутся мужчины, чтобы тотчас выкопать яму тут в загоне для скота; прикажи женщинам во всех горшках вскипятить воду. И он приказал им. Когда было все сделано, как было приказано, выйти всем женщинам и скакать над той ямой, вырытой среди загона для скота; в яму было налито молоко; была позвана невеста; говорилось: и ты иди в загон для скота; все люди, женщины идут скакать у ямы. Это так делалось, ибо говорилось, что если ящерица видит молоко, она бросается чтобы его съесть. И пошли в загон для скота. — Сказала невеста: я боюсь идти в загон для скота селения. — Сказали люди: иди, нет беды. И она пошла; она вошла в загон для скота. Другие женщины скакали и ей приказали скакать. И вот, когда она собралась скакать, она увидела молоко, хвост у нее высвободился, она бросилась внутрь ямы, увидя молоко. Тогда все люди поднялись, побежали, взяли воду, которая кипела в горшках, пришли с ней и вылили ее в яму. Ящерица умерла.

Всем людям рассказали, говоря: сегодня явилась невеста. Обрадовались люди; были посланы люди, им было приказано обойти все племя, рассказать людям, приказать, собраться на пляски — вождь взят в женихи. На утро собрались мужчины и юноши и девушки и женщины; были исполнены пляски, и невеста со своими подружками плясала; было зарезано много скота, ели его много дней.

Приказал вождь: пусть нарежут прутья для дома Какака. Были для него нарезаны прутья, был он тотчас построен; это был очень большой дом; была узаконена невеста, говорилось, что она великая женщина. Девушки нарвали травы, они устлали весь дом невесты, и отправились они, вернулись к своим. Она осталась и правила сама со своим мужем.

Девушка и людоеды

Случилось, отправились людоеды, пошли они охотиться; они пошли далеко. Встретили они мальчиков, пасших скот, и овец и коз. Был туман, они забрали жирного барана и пошли с ним. Мальчики не видели их. Людоеды пошли с ним к своему дому, они пришли в свой дом.

Там была девушка, которую они захватили раньше в одном селении. Она имела братьев. — Когда людоеды уходили, они запретили ей, говоря: не жарь мясо нашего барана. Ибо они боялись других людоедов, что те придут, почуяв запах мяса, захватят девушку, когда не будет ее обладателей. Они пошли далеко.

Случилось в полдень, девушка была голодна, она зажарила мясо и съела его. Другие людоеды почуяли запах мяса

и сказали: Ум, ум! Откуда идет этот вкусный запах? Они зафыркали, почуяв вкусный запах. Они явились туда, где была девушка.

Там, где она находилась, была большая скала; имя той скалы было — скала Тунжамбили,⁴⁸ ибо внутри было жилище; еще, говорят, та скала открывалась по слову владельца; она закрывалась также владельцем, который говорил: откройся, она открывалась; который говорил: закройся, она закрывалась. Ибо она повиновалась ему одному.

Когда владелец пребывал на охоте, девушка была внутри. Он закрыл ее там внутри, как свою добычу. Он запретил ей, он сказал, чтобы она не жарила мясо, ибо он боится других людоедов. Когда она проголодалась, она зажарила мясо и съела. — Когда другие людоеды почуяли его запах, они сказали: ум, ум! Откуда идет этот вкусный запах? — Они понюхали в том направлении, откуда шел запах, они пошли туда и пришли к скале, имя той было Тунжамбили. — Один из них сказал: скала Тунжамбили, откройся для меня, дай мне войти. Находившаяся внутри девушка узнала, что это другие людоеды, не ее собственник, и сказала: прочь! пусть уберется длинноволосый людоед. Это не тот владелец места.

Он убрался, пошел и прижег свой голос мотыгой. — Он снова возвратился к скале Тунжамбили; он явился и заговорил маленьким голосом, почти похожим на голос владельца места; сказал он: скала Тунжамбили, откройся для меня, дай мне войти. — Она открылась; он вошел и съел мясо, о котором говорилось. Когда девушка его увидела, она потеряла силы.

Сказал людоед: пойдем, чтобы я тебя не съел. Девушка дрожала от сильного страха. Она дала ему мясо, он ел и наелся. — Сказал он той девушке: оставайся здесь, пока я не возвращусь; я иду охотиться. Он вышел и пошел.

Девушка знала, что он придет ее съесть, и вышла. Она насыпала кукурузы в посудину и пошла. — Явился людоед и сказал: скала Тунжамбили, откройся для меня, дай мне войти. Была тишина; ибо девушка ушла. Он снова повторил,

говори то же самое. Было то же. Людоед узнал, что девушка вышла. Он созвал многих и они последовали за девушкой. Они пришли на тропинку и увидели кукурузу; ибо людоеды любили кукурузу; они стали собирать ее. Но девушка сделала иды, чтобы, когда людоеды будут идти, они нашли кукурузу, и остановились подбирать, чтобы они их видели; ибо девушка знала, что они будут ее преследовать. Людоеды преследовали ее. Они нашли кукурузу и подбирали ее. — Она увидела их по пыли и сказала: вот они самые. Она бросила много кукурузы на землю и пошла, пошла быстро. Они пришли туда, где была рассыпана кукуруза, собирали и задержались; она очень быстро пошла. Снова она увидела, что они поднимают пыль; она снова сделала так же; она бросила кукурузу и быстро пошла. Она увидела, что они были близко; она снова бросила остатки из посуды и пошла.

Людоеды устали и сели наземь. Она шла и тоже была утомлена. Увидела она очень высокое дерево, великана. Подошла она к нему, влезла на него и села на птичьем месте. Поднявшись, людоеды пошли; она была очень далеко. Они пришли к дереву, снова устав, они сели под ним отдыхая, говори, что они будут опять ее преследовать, когда они отдохнут.

Случилось, девушка пустила мочу, она опорожнилась на них сверху; послышалось: кцо, кцо! — Испугавшись, людоеды сказали: что это там? Они взглянули вверх и увидели девушку сидящей на птичьем месте. Обрадовавшись, они рубили дерево топорами, ибо они имели топоры: они рубили его, одни находились с одной стороны дерева, другие находились с другой стороны. Когда дерево должно было упасть, оно опять закачалось из стороны в сторону и затихло, и укоренилось в земле, оно стало так, как было перед этим. Снова они рубили, одни с одной стороны, другие с другой, некоторые с двух сторон. Они рубили его; когда дерево должно было упасть, оно сделало опять так же и снова укоренилось в земле, оно снова стало так, как было перед этим. Опять они снова рубили; когда оно должно было упасть,

оно снова укоренилось в земле, оно снова стало так, как было перед этим.

Брат девушки во сне увидел ночью девочку, свою сестру, она съедалась людоедами в одном месте, которое он знал. Утром он вышел со своими очень большими собаками и пошел охотиться в то место, которое он видел во сне. Когда он охотился, он увидел толпу людоедов у подножии дерева, они рубили дерево. — Он пошел туда со своими большими собаками; он пришел туда и спросил: что вы тут рубите, приятели мои? — Ответили они: иди, помоги нам рубить, брат наш. Вот тут наша дичь, она наверху. Он посмотрел наверх и увидел, что это его сестра.⁴⁹

Говорят и брат ее залез наверх; он увидел очень прекрасную страну. Они нашли там очень красивый дом; тот дом был зеленый, пол его был вытерт и страна та наверху была очень прекрасна, они ходили по ней все время, осматривая ее, ибо они не видели ее раньше. Но землю они видели очень далеко, не будучи в силах спуститься туда, ибо они боялись людоедов, думая, они видели их ходящими по земле в поисках пищи.

Они пошли в страну, лежавшую перед ними. Они нашли и поймали скотину, большого вола; они погнали его, они пошли с ним вдвоем к дому; они пришли и зарезали того вола, они содрали шкуру и разостлали ее на солнце; пока она не высохла, они разожгли в доме огонь. Людоеды почуяли запах мяса, вкусно пахнущего, они посмотрели туда-сюда, они посмотрели наверх и увидели дом. — Сказал мальчик: этот людоед похож на того, который гнался за нами на земле.

Сказала его сестра: подыдем его сюда к нам, раз ты имеешь копьё, он побоится нас есть; ибо людоеды боятся копьё. — Спросил ее брат: чем мы его подыдем? — Сказала его сестра: я как и ты не знаю. — Сказал ее брат: разрежем шкуру, пока она еще сырая, подыдем его веревкой из шкуры. Он вышел из дому с копьём, он разрежал шкуру, пока ее стало очень много, пока шкура не прикончилась.

Он взял веревку, сбросил большую часть вниз и сказал людоеду: хватай эту веревку, влезай по ней. — Сказал людоед: ах! мать моя! Я упаду, если полезу по веревке, ибо она маленькая; она порвется. — Сказали они: да нет; она не порвется; мы знаем, что она крепкая. Влезай же. Людоед схватил веревку и полез. — Но когда он был на середине расстояния до верху, они оба заговорили, сказал мальчик: отпустим его, он упадет вниз. — Сказала девушка: подыдем его, чтобы он пришел сюда к нам, мы его помучаем, ибо и нас они мучили. — Сказал он: мы снова его подыдем. — Согласилась его сестра. Ее брат отпустил людоеда, он упал вниз и вскричал: ой! отец мой! я умираю! Вы сказали, что будете меня держать веревкой; вы же меня отпустили, и разбил зад, я упал на него. — Сказал ее брат: да нет, людоед, мы выпустили тебя не нарочно; веревка выскочила, теперь мы бросили очень прочную веревку: хватай ее крепко.

И верно, людоед схватил веревку; он влез, они помогли ему подняться к ним наверх, повели его в хижину и вошли; они сели и зажарили мясо, три куска. — Сказал ее брат: мясо зажарено, будем теперь есть. — И они взяли мясо и ели его. Людоед смотрел на них и пускал слюни. — Сказал ее брат: брось пускать слюну. Я проткну тебя, раз ты пускаешь слюну. И они сидели, и кончали мясо.

Когда стемнело, они легли. Людоед лежал у очага, мясо было положено вблизи выхода, сами они лежали в верхней части. Ночью людоед встал, подкрался, пошел и взял желудок быка, он схватил его пригоршню. Сестра проснувшись сказала своему брату: вставай, вставай! Тут кто-то забрал мясо. — Спросил ее брат: кто забрал мясо? — Ответила его сестра: оно захвачено людоедом. И брат ее сразу проснулся, говоря: положи, положи желудок моего вола, кто тебе его дал? — Ответил людоед: нет, правда, владыка: я думал, что он не твой, я думал ты его выбросишь. — Сказал ее брат: положи тотчас. Я могу тебя пронзить. И людоед подожил желудок. Они заснули.

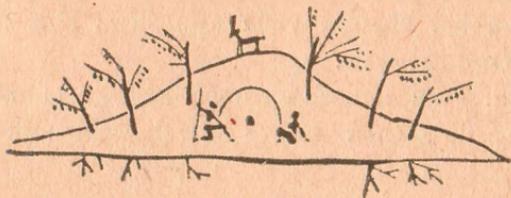
Рассвело. Они провели много дней, едя мясо. Людоеду они ничего не давали. Кости они бросали вниз; они сторо-

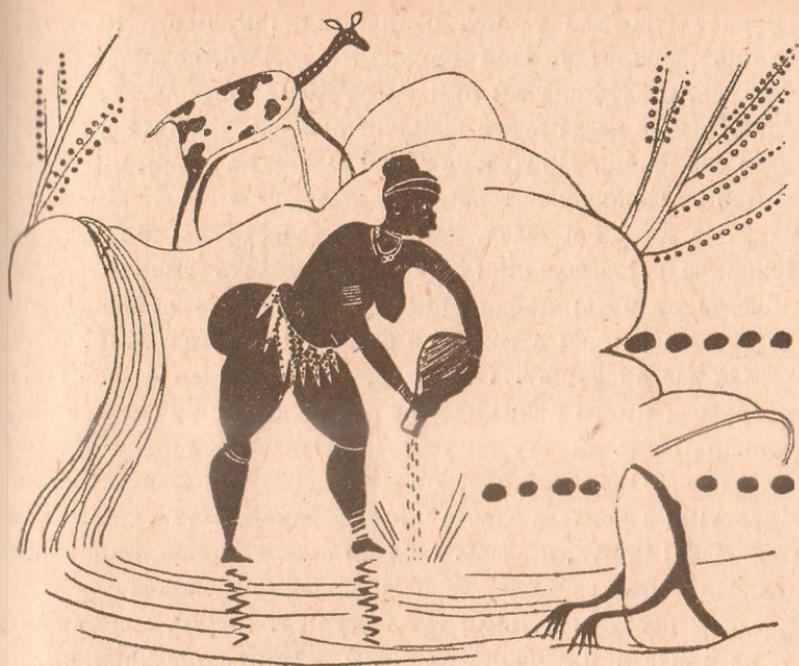
жили людоеда, чтобы он не поднял чего-либо снизу. И оставался людоед умирающим от голода. Случилось, ночью он умер. Они спали, не видя его. Утром они встали и увидели, что он умер. Они выбросили его вниз.

Сказала его сестра: пойдем поищем нашу сестру, раз наша мать говорила, есть другая наша сестра, замужняя. Поищем ее, пока ее не достанем, проживем с ней, раз умерли наш отец и наша мать и мы остались вдвоем. — Спросил ее брат: если мы спустимся — ай! мы не увидим людоедов? — Ответила его сестра: раз мы жили здесь так долго, ты думаешь людоеды еще там? — Сказал ее брат: пойдем же спустимся и пойдем ее искать.

Они взяли веревку, которая оставалась, которой они поднимали людоеда; они опустили ее в воду и она сделалась мягкой. Днем они нашли большое бревно, вкопали его в землю, оно ушло очень глубоко и привязали веревку к тому бревну; они спускались по веревке пока не достигли земли. И они оставили веревку свисать с бревна. Они пошли и прошли по костям того людоеда, который умер. Они прошли дальше, пошли и искали свою сестру; они шли, пока не умерла луна, не увидев сестры. Когда вышла другая луна, они нашли ее. Они пришли и увидели свою сестру, но не знали, каким именем ее зовут. — Она сама их увидела и позвала их по именам, сказала она: это, кажется, наши дети. — Они ответили. — Спросила она: откуда вы идете? Ответили они: долго мы были отделены от нашего отца и нашей матери. Но нас мучили людоеды. Мы пришли из прекрасной страны наверху, там мы жили, не мучимы ничем. Мы подняли одного людоеда, мы мучали его, мы не давали ему пищи, он умер, мы его выбросили; и мы спустились найти тебя. Мы радуемся найдя тебя.

Жили они втроем прекрасно на том месте.

Гунгкукубантуана⁵⁰

Была когда-то давно одна старуха; жила она со своей дочерью; была она тещей. Ее зять дал ей кислое молоко и сказал, чтобы она съела его; ибо нищи не было много, был голод. Она отвергла кислое молоко. Он дал ей корову, говоря чтобы она ее ела; она отвергла, она сказала, что не может есть молоко своего зятя.

Во время мотыженья она была очень голодна; она возвращалась в полдень, приходила, открывала дом своего зятя, паливала кислое молоко и ела его. — И когда зашло солнце, сказал ее зять: возвращайся, — говоря своей жене, — пойди свари зерно, чтобы мы смешали его с кислым молоком, ибо тыква полна. Придя, она сварила зерно и замесала кашу;

придя, муж взял тыкву, он нашел тыкву пустой, там была лишь сыворотка. Они кричали с детьми, которые изголодались, и зять сказал: они умрут, дети моих детей, ибо пор съел тыкву из-за этого большого голода. Старуха поступала так все время. Но муж со своей женой не знали, что молоко было съедено их матерью.

Муж лежал и ждал, он поймал их мать; но их мать закричала, сказала она: я начала это делать лишь сегодня. — Сказал ее зять: пойди, принеси мне воды оттуда, где не кричит лягушка; я тогда не расскажу о тебе людям.

Он дал ей тыкву. Она шла, шла, она шла долгое время, переходя много рек, которых она не знала; она спрашивала, говоря: есть ли тут лягушка? — Отвечала лягушка: крруе, я здесь. Она перешла; она пошла и пришла к другому месту; она увидела заводь и пошла зачерпнуть воды; сказала лягушка: крруе, я здесь. Она вылила и пошла делая также, лягушки были во всех заводях. — Она пришла к другой заводи и сказала: есть ли тут лягушка? — Лягушка молчала. Она присела и зачерпнула воды. — Когда она наполнялась, ибо посудина была большая, сказала лягушка: крруе, я здесь. — Снова старуха вылила воду, с криком, говори: несчастье мне! ведь я лишь взяла себе кислое молоко, пищу моего зятя. Она прошла дальше.

Она пришла к очень большой заводи; она увидела много тропинок, которые шли к заводи; она испугалась. — Старуха пришла к заводи, присела и спросила: есть ли тут лягушка? — Было тихо. Она опять спросила. Было тихо. Она набрала воды в посудину, посудина наполнилась. Когда та наполнилась, она пила много, пока не прикончила посудину: она снова черпала, пока та не наполнилась; она пила, пока уже не могла прикончить посудину, у нее заболел живот, ибо она не могла приостановиться, ибо ведь было так приятно пить.

Но когда она захотела встать и пойти, она не могла встать, она поволочила посудину, пошла в тень и села там, ибо не могла больше идти. — Наконец наступил полдень; явился била⁵¹ и спросил: кто сидит в тени владыки? — Отве-

тила она: я, отец мой. Я собиралась отправиться, но занемогла. — Сказал била: ты скоро увидишь Гунгкукубантуана. Она пошла, попила из заводи, пошла и села в тени. Еще пришел пунзи.⁵² — Спросил он: кто сидит в тени владыки? — Ответила она: я, отец мой. Я собиралась отправиться, но занемогла. — Сказал пунзи: ты скоро увидишь Гунгкукубантуана. — Пришел леопард, спросил он: кто сидит в тени владыки? — Ответила она: я отец мой. Я собиралась отправиться, но занемогла. — Сказал леопард: ты скоро увидишь Гунгкукубантуана. Все приходили, говоря то же. И наконец в закату пришло очень много и много; все звери говорили то же.

Случилось, когда солнце заходило, она услышала великий шум, слышалось: гунгку, гунгку. Она испугалась дрожа. Наконец появилось великос, выше всех зверей, виденных ею. Когда оно появилось, сказали звери, как один, сказали они: вот же Гунгкукубантуана. Явившись, сказала она, будучи вдалеке, спросила она: кто это, кто это сидящий в тени, принадлежащей Гунгкукубантуана? Тогда старуха потеряла силу говорить; было так, как будто смерть явилась к ней. Опять спросила Гунгкукубантуана. — Ответила старуха, сказала она: это я, владыка. Я собиралась отправиться, но занемогла. — Сказала она: ты скоро увидишь Гунгкукубантуана.

Гунгкукубантуана пошла к заводи; она пришла, она встала на колени и пила из заводи; хотя заводь была очень большой, она пила, пока не появилась грязь на дне заводи. Она вернулась и села на землю. Кроме того, были там ула,⁵³ которые были военачальниками Гунгкукубантуана: были там и гиены. — Сказала Гунгку: пусть она будет съедена. Гиены согласились. — Но ула сказали: она будет съедена, когда будет жирной, о владыка. — Снова сказала она: пусть она будет съедена. — Сказали ула: стемнело; она будет съедена утром, о владыка.

Было темно; они спали, и все звери спали. Но некоторые звери медлили спать, ибо они хотели, чтобы старуха была съедена. Случилось, что в полночь наконец все спали. Но

четыре ула сами не спали, они встали, взяли старуху, взвалили ее на себя; они положили ее на трех из них четырех. Четвертый ула нес посудину. Они бежали ночью, они пошли и положили ее на краю ее селения снаружи; они быстро вернулись, говоря, что они придут пока не рассветет. И верно, они быстро явились.

Сказал один ула другому: что же: мы сделаем? Придумаем способ, чтобы не узнали, что это мы помогли ей бежать. Сказали другие: раз звери, которые любят есть людей, — леопард и лев и другие звери и гиены, — сказал другой: обмажем грязью гиен, ибо это они любят есть людей; владыка согласится, он скажет, что они взяли, они пошли и съели вдалеке дичь владыки; ибо если мы обмажем леопарда, он почувствует, ибо он штука очень свирепая, он встанет, разбудит весь народ, владыка скажет, это мы взяли его дичь, пошли и съели ее. Все ула согласились. Они пришли, грязью обмазали лапы гиен и когда ула вычистили себя, они легли на то место, где они лежали.

Утром встали все звери и сказали: где дичь вождя? Вождь убьет ула, это они не хотели, чтобы она была съедена. — Ула тотчас встали, говоря: вождь посмотрит на ноги всего народа. Если они не ходили, они будут чистыми. Но если они ходили, будет видна грязь на их ступнях и лапах. — Вождь согласился, приказал он ула: поторопитесь, тотчас осмотрите лапы с грязью, пусть те будут схвачены, пусть будут приведены те ко мне. Все звери встали и осматривали друг друга; была найдена грязь на гиенах. — Сказали ула: это гиены взяли ее, они пошли, они съели ее, ибо они твари, которые любят поест. Были взяты гиены и приведены к вождю. Вождь подошел, он схватил их и съел трех гиен.

Старуха сидела на краю своего селения, пока не увидела одного из своих людей; он рассказал ее зятю; тот пошел и взял ее с посудиною. Зять сидел и пил ту воду, которая явилась с тещей.

В дни, когда кончилась вода, сказала старуха: раз я пошла и достала воду, и ты пойдя и достань ливер гого.⁵⁴ — Было

ему приготовлено много лепешек, чтобы, идя, он ел их в пути, ибо это было очень далеко. Утром, неся лепешки, он пошел и спал в пути; наконец он пришел при новой луне, он встретил очень много гого, они прыгали на берегу реки, они резвились. Он приблизился и сам, резвясь, идя на руках и ногах. — Сказали старшие: вот наш гого. — Сказали младшие: что это за гого, обросший как человек; с глазками как у человека; с ушками как у человека? — Сказали старшие: гого, как гого, гого как гого. И младшие замолчали. — Но когда они остались одни, они засмеялись и сказали: это не гого, мы сами видим. Наконец они повернули и пошли домой.

Он пришел и увидел, что там была бабушка, состарившаяся. — На утро сказали гого: пойдем, приятель; мы идем охотиться. — Сказал он: я устал; я не пойду сегодня. — И пошли все старшие; младшие сказали: мы не пойдем куда-либо. — Сказали старшие: пусть, когда мы придем, вы соберете дров для варки. — Сказали младшие: мы не хотим оставлять бабушку одну с человеком, который пришел. — И отправились они, пошли охотиться; когда они вернулись, они нашли младших сидящими; рассердились старшие и сказали: мы уже пришли с охоты, а вы не собрали дров. Младшие молчали. Была сварена дичь. Они поели и легли.

На утро сказали они: пойдем, мы идем охотиться. Он пошел с ними. Они поохотились и вернулись после полудня; они нашли и младших являющихся со сбора дров. Они пришли и сварили свою добычу. Сказал тот вновь пришедший гого когда дичь была приготовлена: отложите мне ногу, ибо у меня болит живот. Я не могу сейчас есть мясо. — И они согласились, они отложили ему ногу. Они легли.

На утро они позвали и спросили: как живот, все также болит? — Ответил он: болит. — Сказали они: пойдемте сами, идем охотиться. — И они пошли; он остался с младшими. — Когда старшие пошли, сказал он: пойдите, наберите мне воды из реки, чтобы я мог попить. Они взяли посудину и пошли с ней. Но посудина текла. У нее была дыра внизу. Они пришли к реке, они набрали воды, потекла посудина.

Они очень тихо шли обратно с реки, до самого полдня. Но как только они ушли, гого поднялся, взял копье, пронзил бабушку тех гого, которых не было. Он разрезал грудь и живот, появился ливер, он вытащил его, посмотрел по сторонам, взглянул наверх, увидел огниво, снял его и побежал.

Когда заходило солнце, возвращались младшие гого и когда они были в нижней части селения, они увидели много крови, которая бежала по тропе, засохшей, ибо он пронзил бабушку утром. Они побежали домой, пришли и вошли в дом, но дом был очень длинный и внутри него не было светло. Они пришли и увидели их бабушку умершей. Они вышли и быстро побежали, они кричали, они смотрели в ту сторону, куда их ушли охотиться. Они увидели старших гого: — сказали младшие, они говорили, говорили, говорили, спрашивали они: что это за гого с глазами как у человека? — Спросили старшие: что случилось? — Ответили младшие: он убил предка. Они побежали, они бросили добычу, они держали копья и спрашивали: видели ли, куда ушел тот человек, которого мы принимали за гого? Ответили младшие: мы его не видели; мы пошли зачерпнуть воды; мы нашли бабушку умершей, но его самого не видели.

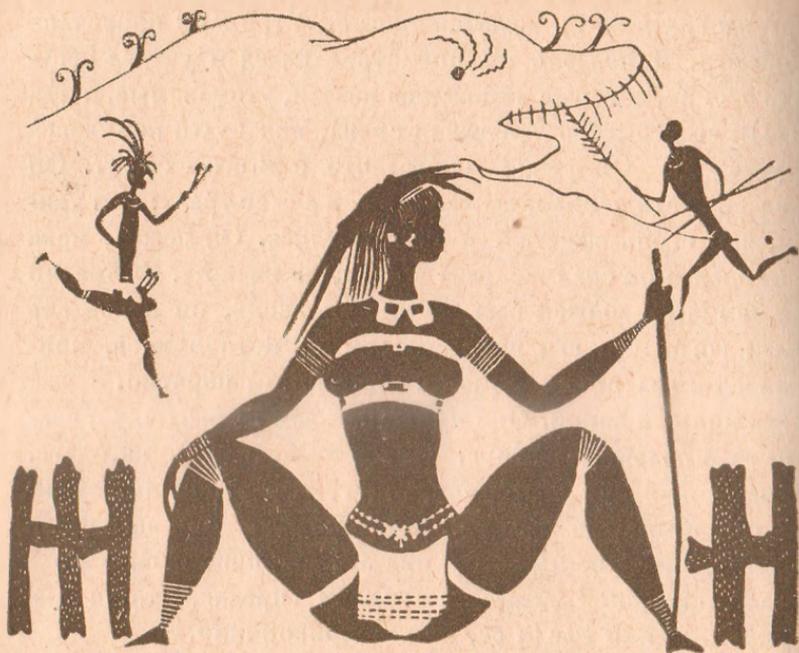
Они следовали по крови, идя там, где капала кровь. Они бежали, когда темнело, они спали снаружи. На утро они вставали и бежали очень быстро. В полдень человек, который нес ливер, посмотрел и увидел много пыли позади себя. Он быстро побежал. Но сами гого были быстрее его, ибо сам он был человеком, а они зверями. В полдень они увидели его. Как с лёту видели они его. Он увидел, что они скоро его настигнут. Он поднялся на очень длинный откос; когда он был на вершине горы, они подошли книзу откоса, он спустился и собрал очень много травы; он взял огниво, сел на землю и начал вращать,⁵⁵ он выжег огонь, зажег старую траву и он окружил ту отвесную гору; гого убежали, ибо они боялись огня. Они возвратились от горы тем же путем; мужчина бежал прямо вперед, пока стемнело, не видя их.

Он спал. Утром он встал и побежал; он пошел и спал в другом селении на возвышенности. Утром он проснулся и побежал. В полдень он посмотрел назад и увидел бегущих гого. Те, которые оставались позади, утомленные, когда увидели его, быстро побежали снова, как будто кончилась их усталость. Он увидел снова, что они его схватят. Он начал вращать огниво, выжег огонь и зажег траву; они увидели, что огонь зажегся, и остановились. Он бежал, пока их не видел; он спал два раза в пути, не видя их. На третий день, когда он должен был достигнуть своих, он в полдень увидел гого, они его преследовали; он поторопился, приблизился к селению и тогда они повернули обратно.

Они пришли домой. Они пришли, взяли их бабушку и сварили ее в большом горшке. Она лежала, варясь на очаге. В течение дня они поддерживали огонь и утром поддерживали они огонь, до полудня. После полудня они вытащили ее, положили ее на дыновку; она лежала, пока остывала. — Сказали старшие младшим: съедим предка, тогда мы не умрем. И они съели ее, они ее прикончили.

Достиг дома зять этой старухи; он пришел и дал ей ливер. Сказала она: ты выполнил дитя мое.

Клаказа-Уакогингкуайо

Был один вождь; он породил дитя; звалось оно именем, звали его Клаказа-Уакогингкуайо.⁵⁶ Было оно названо так, ибо, когда выходило войско, оно брядало оружием, поэтому оно было названо Клаказа; а Уакогингкуайо было оно названо, ибо войско умертвило много людей и, когда они свалились, было оно названо Уакогингкуайо. Еще было порождено другое дитя; звалось оно именем, звали его Балатуси,⁵⁷ ибо оно было похоже на медь.

Когда Клаказа выросла, сказал ее отец: слушай, ты, в день зрелости будет собрано много скота, чтобы тебя возвратить:⁵⁸ ибо скот тебе будет захвачен копьями, пойдут войной на многие далекие племена, явившись, они затмят солнце.

Никонец Клаказа выросла. Находясь с другими вместе на равнине, сказала она им: я достигла зрелости. Обрадовались девушки и побежали, пошли во все селения, они пошли других девушек; они явились, они остались с ней; опять они поднялись и оставили ее, они пошли домой, пошли грабить все селение.⁵⁹

Но селение было великое, несравнимое, ибо дома его не могли быть сосчитаны; ибо человек, если он кричал, из середины загона для скота, то те, которые находились на окраине, не могли слышать что там человек, который кричит из загона для скота; ибо человек, находящийся на перевале, подумал бы, что это много селений, а, по правде, одно селение.

Девушки вернулись к Клаказа. — Односельчане удивились, увидев девушек, идущих грабить; сказали они: дитя вождя достигло зрелости. Ее отец отобрал у себя двадцать быков, чтобы возвратить ее с равнины домой. — Явилась Клаказа и сказала: я ничего не вижу. — Люди возвратились домой; явился ее отец, он отобрал сорок; они пошли с ними к Клаказа; сказала Клаказа: я ничего не вижу. Они возвратились домой. Явился ее отец, он отобрал сотню. — Приказал он: идите с ней. Они пошли, они явились к Клаказа. — Сказала Клаказа: вон он солнечный круг. Они возвратились домой.

Но все люди из селения ее отца бежали со скотом, все, говоря: Клаказа-Уакогингкуайо достигла зрелости. Когда явились те, которые доставляли скот Клаказа, они явились, им было дано две согни; они пошли с ним. — Сказала Клаказа: я еще вижу солнце. Я не возвращусь, пока не закроется солнце, согласно словам моего отца. Они возвратились к вождю. Придя, они заставили сбежаться людей всего племени, беря скот у людей ее отца, и был собран скот ее отца, собран весь в одно место. Сказала Клаказа: я еще вижу солнце. Они пошли обратно домой.

Войско было отправлено в поход; оно пошло захватывать скот у племен; оно вернулось с ним. Скот был дан Клаказа. — Сказала Клаказа: я еще вижу солнце. Снова было

отправлено войско в поход; оно вернулось с многими тысячами. — Сказала Клаказа: я еще вижу солнце.

Опять вышло войско. Воины отправились, они шли, они пришли и увидели скот, пасущийся в очень большой долине. Они не сочли, сколько сотен его было. Но были там и белые и мышастые, и бурые, и черные, и рыжие; у одних рога клонились вниз; у других рога росли, качались в разные стороны; у некоторых рога росли по-одному; они были различных мастей. Но там над той долиной, где был скот, сидел большой зверь; имя его было Силосимапунду.⁶⁰ Он звался так, ибо на нем были горы, отроги маленьких гор; поэтому он звался Силосимапунду. И там были на одной его стороне большие реки; на другой стороне большие леса; на другой стороне ущелья; и на другой стороне возвышенность. — Но среди всех деревьев, бывших на этом звере, было два дерева, которые были на много выше остальных деревьев, имена их обоих были Дони.⁶¹ Это они были военачальниками Силосимапунду.

Сказал Силосимапунду, когда увидел, что войско угоняет скот, спросил он: эти — эти, скот угоняющие, чьи они? — Ответили они: прочь, пусть убирается этот зверь. — Сказал он: эх, эх! идите же с ним.

У него самого видны были один рот и глаза; его лицо была скала. И рот был велик, очень широк, но красен; на одних сторонах его туловища была зима; на других времени созревания колосьев. Но все они были на нем.

И они угнали скот Силосимапунду. Когда они шли с ним домой, было как перед дождем, ибо солнце и небо не были видимы; они были закрыты его пылью. Наконец они спросили: хау! раз небо было чистое, откуда идет этот туман, через который мы не видим его? Снова они увидели, что это происходит от пыли; они подошли к дому. Но они видели мрак, они не видели скот; они доставили его к Клаказа. — Придя, они сказали: вот он, который затемняет солнце. — И снова они пошли домой. Она пришла и гонко была построена, была закончена, и трава постелена. Она пришла, она вошла с девушками и осталась в гонко.

А из всех людей, ходивших с войском, не было ни одного среди них, кто бы не зарезал быка; все из них зарезали своего быка. Но многие быки не были освежаваны из-за их множества. Вороны свежевали себе; и коршуны свежевали себе; и собаки свежевали себе. Пахло одним лишь мясом среди племени. Но быки Силосимапунду не были зарезаны; были зарезаны быки ее отца.

Посчетные годы она оставалась в гонко.⁶² Люди больше ее не знали; она была известна одним девушкам, ибо было запрещено, чтобы люди входили в гонко; те, которые входили в дом, лишь сидели, не видя ее, находившейся внутри гонко. После долгого времени сказали люди: перед тем как выйдет Клаказа, пойдем на пашню вождя. Все люди согласились, ибо они подумали: будет трудно собирать жатву, когда Клаказа выйдет, ибо всем племенем будет вариться пиво. Когда она должна была выйти, все люди встали рано утром; а у них дома, во всем селении было пиво; в одной стороне оно очищалось, в другой стороне оно заквашивалось, в другой бродило. И утром все люди отправились; дома осталась Клаказа со своей сестрой. Но пашня вождя была очень далеко; встав, люди думали, что вернуться рано вечером.

Спустя некоторое время, когда они ушли, Клаказа с сестрой слышали громохание неба; заколебалась земля в доме, где они сидели. — Сказала Клаказа: выйди посмотри, Балатуси, что это там, небо гремит, когда оно такое ясное? Балатуси вышла и увидела у входа в селение лес; она не могла увидеть, где были ворота. — Она вошла в хижину и сказала: ты увидишь, дитя вождя, нечто большое у входа; ограда с одной стороны сломана и лежит на земле.

Пока они говорили, от Дони оторвались два листа и явились туда в дом, где они сидели. — Придя, они сказали: возьми посудину, Балатуси, пойди набери воды в реке. Она взяла посудину и пошла к реке. — Они сели, ожидая Балатуси. И у реки она наполнила посудину, но когда та наполнилась, она не могла сдвинуться с места. — Наконец листья сказали: выйди, Клаказа, пойди найди воду здесь дома. — Ответила она: я достигла зрелости, я не могу выйти из

гонко.⁶³ — Ответили они: мы знаем, что ты достигла зрелости; но мы приказываем, выходи, иди набери воды. Она вышла, пошла набрать воды из другого дома и вернулась с ней. — Сказали листья, приказали они: разжигай огонь. — Ответила она: я не могу разжечь огонь. — Сказали листья: мы знаем, что ты не можешь разжечь огонь; но мы приказываем разжигай. Она разожгла. — Сказали листья: возьми горшок, поставь его на очаг. — Сказала Клаказа: я не могу варить пищу. — Ответили листья: мы знаем, что ты не можешь варить пищу; но мы приказываем, вари. Она взяла горшок и налила воды. — Сказали листья: пойди, возьми горсть зерна из твоей корзины и насыпь его в очаг. Она пошла и взяла горсть зерна и насыпала в очаг. Они сели; зерно было обожжено. — Сказали они: поверни жернов, намели зерна. — Ответила она: я не могу намолоть зерна, я дитя вождя. Смотрите, — показывая им руки, ибо ее ногти были очень длинные. — Лист взял нож и сказал: дай мне сюда руки. — Он обрезал ногти ножом и сказал: мели же. — Сказала Клаказа: я не могу, я дитя вождя. — Сказали листья: мы знаем, что ты не можешь молотить, ибо ты дитя вождя. — Встал один лист, он повернул жернов, взял верхний камень, взял зерно, намолот и сказал: смотри, как нужно молотить. Он оставил и сказал: мели. Она намолотила обожженного зерна великое множество. — Сказали они: возьми твой горшок из-под кислого молока, поставь его сюда. — Она взяла его. — Сказали листья: вымой его. Она вымыла его. — Сказали листья: пойди, выбери большую молочную посудину из твоих молочных сосудов и принеси ее сюда. — Сказала Клаказа: наша молочная посуда велика; я не смогу ее взять одна. Она берется тремя людьми. — Сказали листья: иди, мы пойдем с тобой. Они вышли, пошли, пришли, взяли молочную посудину и возвратились туда же. — Сказали они: освободи ее. Она поднесла посудину, они перелили (кислое молоко) в нее, они перелили его в этот горшок. Они взяли корзину и положили размолотое зерно; они взяли другую корзину и покрыли размолотое зерно. Опять они взяли другую корзину и покрыли кислое молоко, бывшее в горшке. Лист

взял черпак и положил его поверх корзины; он взял горшок с кислым молоком и снес Силосимапунду.

Когда лист явился к Силосимапунду, взял размолотое зерно вместе с корзиной, вместе с корзиной, которая покрывала размолотое зерно; он раскрыл рот, положил в живот обертки корзины с размолотым зерном. Он снова взял кислое молоко, покрытое корзиной, он положил в живот за одно и черпак.

Лист поднялся, вошел в дом и сказал: сними три черпака. — Сказал он: возьми, вот черпак; ешь, будем есть. — Сказала Клаказа: сама я не ем кислое молоко, ибо я достигла зрелости. — Сказали листья: мы знаем, что ты достигла зрелости, но ешь кислое молоко; но мы приказываем: ешь. — Закричала Клаказа-Уакогингуайо, говоря: хау! мать моя! кто будет есть кислое молоко, достигнув зрелости? — Она говорила так, ибо когда это случится, после того как она съест, будет зарезано множество волов, которые будут даны ей ее отцом по хорошему. — Приказали листья: ешь тотчас. Она взяла черпак; они ели, они прикончили.

Листья спустились к дому у выхода. Придя, они вытащили горшки с пивом, другие горшки с кашей, дыновки для сидения и еды; все, что было в доме, они поволокли к выходу. И раз селение было велико, они вытащили вещи всего селения, не оставили ни одной вещи в доме. — Когда они пошли вытаскивать из дома матери Клаказа, сказала Клаказа: оставьте мне плетенку, она в глубине хижины, она замазана навозом; вы увидите, она маленькая. Они пошли и вытащили; они оставили большие пребольшие горшки с очищаемым пивом; и они оставили плетенку. Они спустились к выходу. Все, что было захвачено в том селении, он съел, он прикончил, Силосимапунду. Но он не жевал, он лишь глотал.

Наконец кончились все вещи, захваченные в том селении Силосимапунду же не был удовлетворен. Листья поднялись, пришли и вошли в те дома, где оставили два горшка с пивом; поднялся один лист, он бросился внутрь одного горшка, и другой бросился внутрь другого. И по выходе листьев

из горшков, оба горшка были пусты. Они взяли их и спосади их к выходу из селения, к Силосимапунду. Он взял их оба, положил их в рот и проглотил.

Рот Силосимапунду трясся с силой; сказал он: спускайся же Клаказа-Уакогингкуайо. Клаказа вошла в дом, взяла платенку, вскрыла ее, вытащила свои нательные медяшки, они надела их на тело; вытащила свою медную подушку; вытащила передник с медью; она вытащила медную дыновку; вытащила медную палку; вытащила пояс свой с бусами, подпоясалась и вышла наружу; она стояла, держа передник свой и свою подушку, стоя на дыновке своей и с палкой своей. — Сказал Силосимапунду: повернись же, Клаказа-Уакогингкуайо. Она повернулась. — Сказал он: перевернись же Клаказа-Уакогингкуайо. Она перевернулась. — Сказал Силосимапунду: смейся же Клаказа-Уакогингкуайо. Но Клаказа не хотела смеяться, ибо она печалилась, оставила своего отца и свою мать и свое положение. — Сказал Силосимапунду: спускайся же Клаказа-Уакогингкуайо. Она спустилась к Силосимапунду.

Но при ее спуске случилось, что ее сестрица как бы почувяла это у реки; она быстро встала с посудиною и поднялась к селению. И ее мать как бы почувяла, ибо она оставила всех людей, шедших с ней.

Взобралась Клаказа-Уакогингкуайо (на Силосимапунду). Когда она взобралась, тотчас двинулся Силосимапунду и быстро побежал. Когда он скрывался за горой, сестрица видела что-то скрывающееся, но она не знала, что это такое. Хоть и ее мать видела, когда он скрывался, но и она не знала что это такое.

Как одна явились девушка и ее мать домой. — Ее мать увидела ограду в одном месте сломанною; спросила она: кто тут был? — Сказала Балатуси: я думаю зверь, чей скот был угнан. — Сказала ее мать: куда ты сама ходила? — Ответила Балатуси: я была послана листьями набрать воды посудиною в реке. Придя, я не могла сдвинуться с места. — Воскликнула ее мать: ой! И ты думаешь, что мое дитя тут дома? Что случилось, когда я шла оттуда, что осталось тайной

в то время? Ее мать побежала, вошла в гонко и не нашла живого. Она вышла, вошла в другую хижину и никого не нашла. Она вошла в другую и никого не нашла. — Она быстро побежала, возвратилась обратно к мужчинам и сказала: снесите; дитя мое ушло со зверем, у которого захватили все скот. — Спросили они: ты видела его? — Ответила она: что-то скрывалось за гору, когда я приближалась к дому. И вот моего дитя нет дома.

Они пошли, пришли домой и все вооружились. Они пошли по его следам; они увидели его и пошли к нему, он стоял, он поджидал их. Когда подошли к нему, он засмеялся и сказал: что же вы будете делать; делайте тотчас, чтобы я мог идти; зашло солнце. Они метали копьа, они метали копьа. Одно копье метнули в заводь; другое метнули в скалу; другое упало на луг; другое упало в лес; все копьа были истрачены, не поразив ничего. Копья были истрачены. — Сказал зверь: пойдите, вооружитесь снова. Они вернулись домой и вооружились. Снова они метали копьа; случилось как прежде; они ничто не поразили. — Сказали они: мы побеждены. — Сказал Силосимапунду: счастливо оставаться.

Закричали все люди: пусть она сойдет. И он согласился, она сошла по приказу «сходи же». Они расцеловали ее, плача, и она плакала. Все войны поставили в середину Клаказа. — Но когда зверь увидел, он сказал: однако они хотят уйти с ней. Он повернулся, он ворвался в середину них; было подобно, как если бы подняли Клаказа вверх; он повернулся с ней и отправился с ней.

Двинулись ее мать с ее сестрой, с ее отцом и ее братом, преследуя его. Они шли, там где спал он, и они спали. Утром Силосимапунду встал и они пошли с ним. Ее мать шла рыдая. Но ее отец с ее братом и ее сестрой устали и повернули обратно. Ее мать шла с ним. Они прошли и легли. Силосимапунду сорвал тростник и маис и подал матери Клаказа. Она съела.

Утром Силосимапунду шел, шла мать Клаказа. Наконец она устала и сказала, чтобы он позволил Клаказа сойти, посмотреть на нее. — Сказал он: сойди же Клаказа-Уакогинг-

куайо; сойди, чтобы тебя повидала твоя мать. Она сошла. Они плакали вместе с матерью. Ее мать поцеловала ее говоря: счастливого пути, дитя мое.

Приказал Силосимапунду: влезай, Клаказа. Она влезла. Он отправился с ней, он шел и занес ее далеко, где она не знала, в какой стороне ее родные. Он пришел к заброшенному селению. Там посреди селения был участок, засаженный табаком, на краю участка была прекрасная пещера, обмазанная салом, там страшно сияло внутри нее; там было одеяло и циновка, и тыква с водой.

Приказал Силосимапунду: оставайся же здесь Клаказа-Уакогингкуайо. Я думаю, я разорил сильно твоего отца, ибо, если бы тебя сватали, он бы получил за тебя много скота. Но я его разорил, и вот ты его не будешь видеть, и он тебя не будет видеть. Оставайся же тут. Твой отец меня разорил, угнав множество моего скота; я же разорил его.

И отправился Силосимапунду, ушел он. Она осталась и пребывала тут одна, с двумя тростниками и четырьмя початками кукурузы данными ей Силосимапунду. Она пребывала, пока не заснула там, в пещере. На утро она встала и грелась на солнце. Она взяла тростник, разломала его и выбросила его; она разломала его и выбросила его; она оставила одну лишь сердцевину; она ободрала ее и съела. Она взяла початок кукурузы и поджарила его; она побила, побила и съела средний кусок, она выбросила все остальное заодно с тростником.

В полдень, когда солнце пекло, она увидела нечто идущее вдалеке; ибо это было на возвышенности, там было одно дерево, лишь дерево. Нечто подошло и село под тем деревом. Она опять увидела, что оно приближается скачками. Клаказа вошла в пещеру. Оно вошло на табачный участок; оно шло, срывая табак. Когда оно увидело следы, оно испугалось; оно осмотрелось и снова сорвало табак; оно пошло и положило его за пределами табачного участка. Оно пошло к пещере. Увидела его Клаказа-Уакогингкуайо; она встала и вытянула руку; оно увидело руку, побежало и оставило

табачный участок. Оно пошло и скрылось за горой. Клакази оставалась и пребывала пока не стемнело.

На утро Клакази вышла и оставалась снаружи; опять она увидела двух приближающихся скачками, они подошли и сели в тени. Опять они встали и пошли к табачному участку. Клакази вошла в пещеру. Войдя, они сорвали табак. — Тот, которого она видела накануне, отпрыгнул, испугавшись, и сказал: хау, след ноги, след ноги, откуда он идет? — Сказал другой: где ты видишь? — Ответил он: вот тут. Они пошли и положили табак снаружи. Клакази встала и протянула обе руки. Она увидела, что они Дхлунгундхлебе. Они увидели руки, они побежали и скрылись за горой. — Придя, они рассказали своему вождю, говоря: там что-то есть в пещере вождя. — Спросил вождь Дхлунгундхлебе: на что это похоже? — Ответили они: на двоих.

Были созваны другие Дхлунгундхлебе. На утро были они посланы туда к пещере вождя. — Клакази увидела идущее великое множество, сказала она: сегодня наступил день, когда я буду убита. Они подошли и сели там в тени, там в тени, где они сели, они взяли понюшку табака; во все раз, когда они брали понюшку табака, они садились там в тени. Они встали и вошли на табачный участок, они сорвали табак и положили его снаружи; ибо вождь страны Дхлунгундхлебе приказал, чтобы его пещера все время вычищалась; и он приказывал всем людям, когда они идут вычищать пещеру, сперва нарывать табак, брать табак и класть его снаружи. Были позваны те два Дхлунгундхлебе, были спрошены: где вы видели? — Ответили они: появилось из пещеры. Им приказали: отправляйтесь, идите, загляните через вход; посмотрите, не тут ли? Они пошли, подкрадываясь, боясь, заглянули и не смогли ее разглядеть ибо ее тело сияло. — Они вернулись и сказали: одна она блестит, мы не смогли ее разглядеть. — Сказал вождь Дхлунгундхлебе: спросим один за другим, скажем: человек или зверь это? И заговорили все, спросили они: ты человек или зверь? — Ответила Клакази: я человек. — Сказали они: выходи, мы посмотрим. — Сказала Клакази: я не люблю

выходить, ибо я дитя вождя. Были посланы некоторые Дхлунгундхлебе, было приказано им быстро бежать, схватить скотину, большого вола, и бегом возвратиться с ним. Вол прибыл, был он зарезан. И вышла Клакади Уакогингкуайо, неся покрывало свое и дыновку, и подушку свою и посох, подпоясанная передником с бусами. Она положила на землю у входа покрывало и подушку, она стояла с посохом и стояла она на дыновке. — Сказал вождь Дхлунгундхлебе: повернись. — Клаказа повернулась. — Воскликнули Дхлунгундхлебе: ой! она прекрасное существо! ой ой, о двух ногах! — Снова они сказали: она была бы прекрасна если бы не эти две ноги. Они сказали, чтобы она вошла в дом. Все удалились и вернулись обратно.

Было создано множество Дхлунгундхлебе. На утро пошли они к Клаказа, неся покрывало, которое давало видеть тело человека, будучи надето. Они явились и сели в тени, взяли понюшку табака. Когда увидела Клаказа, сказала она: теперь они идут меня убить. Они пришли на табачный участок, нарвали табака и положили его снаружи. Они подошли к пещере и приказали, чтобы она вышла. Она вышла; ей было передано покрывало, она надела его и глядя на нее, сказали они: ой! создание было бы прекрасно, — но, ой двуногое! Говоря так, ибо она имела две ноги и две руки; ибо они сами похожи — как бык белых людей, разделенный на две половины, сами Дхлунгундхлебе были одной половиной без другой, они не имели другой половины. Дхлунгундхлебе сплясали для Клаказа. Когда они кончили плясать, они взяли ее и пошли с ней домой.

Она увидела селение вождя Дхлунгундхлебе и сказала: ой! это селение; великое, как у моего отца. Ибо оно было очень большим. Она была помещена в дом в верхней части селения; было зарезано множество скота и она ела мясо. Ее называли дитя вождя, ибо вождь Дхлунгундхлебе очень любил ее, он называл ее своим дитя. Клаказа жила в скрытых домах вождя; в нижней части селения были открытые дома вождя.⁶⁵

Наконец Клаказа очень разжирела и не могла ходить. Когда она выходила наружу из скрытых домов, когда она проходила середину пути до открытых домов, она уже уставала и она возвращалась домой. Когда она вставала, на земле оставалась лужа жира. Вождь Дхлунгундхлебе пил лужу жира, исходившую из Клаказа, ибо племя Дхлунгундхлебе ело людей. — Говорили люди: вождь, пусть она будет съедена, и жир вытоплен, ибо жир лишь тратится по земле. Но вождь Дхлунгундхлебе очень любил Клаказа-Уакогингвайо; сказал вождь Дхлунгундхлебе: когда она будет съедена, куда денусь я сам? — Сказали Дхлунгундхлебе: о, вождь, во раз она уродина? Что за смысл в существе, которое не может ходить, которое теряет жир вождя?

Наконец вождь согласился, они к нему приставали три месяца, говоря: пусть будет вытоплен жир вождя. И он согласился. Было созвано множество людей Дхлунгундхлебе, они пошли и набрали много дров; была вырыта большая яма; был разожжен большой огонь; был взят большой черепок и поставлен поверх зажженного очага.

Было очень ясно; не было ни одного облака. Наконец черепок сделался красным. Когда он сделался очень красным была позвана Клаказа; она пошла, отправилась с ними. Когда они были у входа, она посмотрела и увидела великое множество народа; она зацела, приговаривая:

Эй, небо. Эй, майойа, эй.

Эй небо. Не гремит громом.

Гремит, как в дождь. Что делается?

Гремит к дождю и к перемене.

Все Дхлунгундхлебе увидели быстро собирающуюся тучу. Снова Клаказа зацела, приговаривая:

Эй, небо. Эй майойа, эй.

Эй небо. Не гремит громом.

Гремит, как в дождь. Что делается?

Гремит к дождю и к перемене.

Небо покрылось тучами; оно загремело с силой; полил дождь. Он залил черепок; он захватил черепок, бросил его

вверх и он разбился. Небо убило Дхлунгундхлебе, которые шли с Клаказа, оно оставило лишь Клаказа; оно убило и других людей; но многие остались с их вождем.

И снова стало ясно. — Сказали Дхлунгундхлебе: пусть будет тотчас разожжен огонь, чтобы черепок сразу навалился; пусть Клаказа будет взята, поднята, положена на черепок; там она не сможет петь. Черепок был накален до-красна. Они пошли ее взять; они подняли ее. Когда она была у выхода она посмотрела вверх и сказала.

Эй, небо. Эй, майойа, эй.

Эй, небо. Не гремит громом.

Гремит, как в дождь. Что делается?

Гремит к дождю и к перемене.

Снова показались облака. Снова Клаказа сказала:

Эй, небо. Эй, майойа, эй.

Эй, небо. Не гремит громом.

Гремит, как в дождь. Что делается?

Гремит к дождю и к перемене.

Пошел дождь, загромыхало с силой. Небо убило вождем Дхлунгундхлебе с множеством других Дхлунгундхлебе, они умерли. Оставалось лишь немного. — Оставшиеся в меньшинстве боясь, сказали: не будем ее трогать; но будем ее держать без пищи, чтобы она отощала и умерла.

Клаказа радовалась, что они ее держали без пищи. Она жила пока не отощала; но она не отощала, но потеряла множество жира. Она взяла корзину, положила в нее свои одежды, данные ей вождем Дхлунгундхлебе; она отправилась, набив их в корзину; она подняла ее на голову и пошла перегруженная, ибо некоторые одежды были выделаны с медью; по дороге она спала снаружи, ибо боялась Дхлунгундхлебе. Она шла долгое время, не ев ничего, пока не пришла к людскому племени. Она шла и спала среди них; в одном месте, в одном селении ей давали поесть, в другом месте, другом селении ей отказывали. Она шла, пока сильно не отощала.

Стуилось в один день, что достигла она гряды гор, увидев очень большое селение и воскликнула: Ой! Вот это селение; оно напоминает селение Дхлунгундхлебе, откуда я ушла, оно же напоминает селение моего отца. Она спустилась, видя в домах верхней части селения дым огня; она подошла к входу и увидела мужчину, сидящего на земле в тени. Но волосы его были как у людоеда. И она прошла мимо, но сама сравнивала, думая: он похож на моего отца.

Она пошла в верхнюю часть селения, осматривая, селение ли это ее отца. Когда она пришла, ее мать варила пиво. Она села на землю у плетня и сказала: эй! великая женщина! Дай мне твоего сусла. — Ответили они: здравствуй. Ответила она: да, да. Клаказа увидела, что голова ее матери не прибрана. — Спросила она: но что же случилось в этом селении? Что с тем мужчиной у входа? — Ответила ее мать, сказала она: сама ты откуда идешь? — Ответила она: я пришла оттуда. — Воскликнула она: о, так, тут, сестрица, стряслась смерть. Дочь вождя, моя дочь ушла. Это ее отец, которого ты видела у входа. Разве ты не видишь что со мной? — Спросила Клаказа: когда она ушла, то в какую сторону она пошла? — Ответила мать: она пошла со зверем. — Спросила Клаказа: куда он ее взял? — Ответила она: она достигла зрелости; был захвачен его скот, ибо сказал ее отец, что когда она достигнет зрелости, будет взят скот, чтобы вернуть при помощи него ее домой и он затмит солнце. Но ее отец не имел много скота, пошли и взяли скот зверя. — Сказала девушка: о, но однако, почему же вы плачете, раз с вашим дитя случилось из-за вас же? Зачем вы захватили скот зверя? Ведь вы ее убили умышленно. — Ответила эта женщина: ой, бросим это дело! видно это из-за того, что я дала мое сусло. Надо мной смеются из-за моего дитя, которого нет. Где человек, который хотел бы отдать что-либо зверю? Со времени ухода моего дитя из племени ее отца, было ли празднество, была ли жизнь? — Сказала она: вот же я сама, Клаказа-Уакогингуайо; хоть вы меня бросили, я снова вернулась.

Закричала ее мать и прочие сидевшие у двери. Явился ее отец, бегом, спрашивая: что вы кричите? Вскричали она и вот Клаказа пришедшая! — Сказал ее отец: ладно, раз она явилась, что же вы кричите? Ее отец послал людей и приказал: пойдите по всему племени, сзывая людей, говорите, пусть по всей стране будет сварено пиво, явилась Клаказа Уакогингкуайо.

Было сварено пиво по всей стране: собрались люди вместе со скотом, восхваляя, ибо явилась дочь вождя. Был зарезан скот: ее отец с ее матерью устроили празднество: ее отец обрезаю волосы и надел головное кольцо; ее мать обрезаю волосы и надела клубок. Радовалось все племя.

И тогда пронеслось по всем племенам, что явилась дочь вождя, очень прекрасная. Пришел вождь, явился он из другого племени, пришел он сватать Клаказа. Ее отец отверг его, сказал он: она лишь пришла; она была уведена зверем и потому я не хочу, чтобы она ушла; и я хочу жить и радоваться с ней. Приходило множество вождей; но ее отец говорил пришедшим одни и те же слова. Наконец вожди удалились, не женившись на Клаказа.

Но был один вождь далеко живший; он слышал что было тут эта девушка. — Он послал старика; сказал он: пусть он идет. Пошел старик. Явился к входу в селение, обернулся прекрасной лягушкой, она блестела. Лягушка вошла прыжками и уселась на столбе у входа. Клаказа резвилась с другими девушками у входа и они увидели эту лягушку. Сказал Клаказа: выйдите, посмотрите на эту прелесть. — Все люди вышли и, взглянув на нее, сказали: прекрасная лягушка!

Лягушка запрыгала и вышла за ворота. — Когда она вышла, сказала Клаказа: дайте мне мои вещи, положите их все в корзину, пойдете с ними. — Закричали, заговорили: хау, ты лишь пришла, куда же ты опять идешь? — Сказала она: я иду ее преследовать, посмотреть, куда она идет. Ее отец отобрал двадцать людей, нести пищу и ее вещи. Они пошли, преследуя скачущую лягушку, пока не устали.

Клаказа шла с ней одна. Когда они остались наедине, лягушка обернулась человеком. — Когда она обернулась

человеком, Клаказа удивилась и сказала: что случилось с тобой, что ты сделался лягушкой! — Ответил старик: я лишь обернулся лягушкой. — Спросила она: куда ты меня ведешь? — Ответил он: я веду тебя домой к нашему родю. Они шли вместе, пока не дошли до другого племени. Когда они были очень далеко, Клаказа увидела большой лес, через который проходила тропа. Они достигли леса; но старик гот знал, что они близко от дома. — Сказал он: иди быстрее; далеко до места куда мы идем. — Они пошли и пришли к лесу. Он взял ее, прошел тропой и вошел в середину леса. — Воскликнул он: ну! буду ли я захватывать такое существо для другого человека? Он стоял с ней на аргалине. А Клаказа дивилась, видя в лесу прекрасное место, как будто там жили люди. — Сказал старик: пусть придут все звери, которые ходят сами по себе. Клаказа услышала как зашумел весь лес, затрепал; она испугалась. Старик ушел, он пошел по лесу, кричал, подымал свист, говорил: фью, фью! пусть придут все звери, которые ходят сами по себе.

Клаказа застыла и сказала: раскройся, голова моя, чтобы я вложила мои вещи. Раскрылась голова ее и она вложила все свои вещи. Опять голова соединилась, как будто она не раскрывалась. Но она была величины пугающей, ибо, когда человек видел ее, она пугала. Клаказа влезла на дерево и, когда она была наверху, деревья опять соединились; ибо она залезла туда, где деревья были густо соединенными; она раскрыла ветви, влезла и они снова соединились.

Клаказа увидела селение перед тем лесом. Она села наверху дерева. Явились звери и стали искать (добычу); они схватили старика, а он сказал: ай, не ешьте меня; нет той, ради которой я вас звал; я больше не вижу ее. Они рвали его. Он ругал их, говорил: оставьте меня, дети мои; я вам дам завтра. И они ушли. Старик остался и отправился домой.

Клаказа увидела, что он вышел из леса, быстро слезла, побежала и вышла из леса. — Когда старик был вблизи селе-

ния, она увидела его и сказала: подожди меня, чтобы я пошла с тобою: что ты меня оставляешь? Он остановился. Но он удивился, увидев большую голову, ибо голова Клаказа была маленькой. Но старик боялся спрашивать, — что с тобой? — ибо он созвал на него зверей.

И вошли они домой; она остановилась у входа, старик приветствовал своего вождя и сказал: я достал твою жену. Но ее голова не в порядке. Они вошли в дом и сели. — Все люди дивились, говорили они: ой, она прекрасна; но голова как у зверя. — Сказали они: пусть она будет прогнана. — Но там была сестра вождя, она отвергла, говоря: оставьте ее: если она уродлива, что с того?

Но жених не влюбил ее, говоря: раз я впервые женюсь, я вождь, буду я начинать с уroda? — Сказала его сестра: что из этого. Оставь ее, пусть живет, если ты на ней и не женишься. И она осталась, они назвали ее именем Кандакулу.⁶⁶ Собрались на пляски; девушка попросила, сказала она: пойдем, посмотрим на пляски. Но Кандакулу сказала: раз я уродина, я буду осмеяна людьми, когда они меня прогонят, говоря, что я порчу их пляски; ведь если я явлюсь, девушки бросят плясать, убегут, увидев меня. — Сказала она: да нет мы сядем вдалеке, если они будут смеяться. — Спросила Кандакулу: а ты сама не будешь танцовать? — Ответила она: да нет, я не хочу, ибо я хочу сидеть с тобой. Ибо эта девушка очень ее любила, они любили друг друга; и поэтому она не любила ходить плясать, оставлять Кандакулу одну.

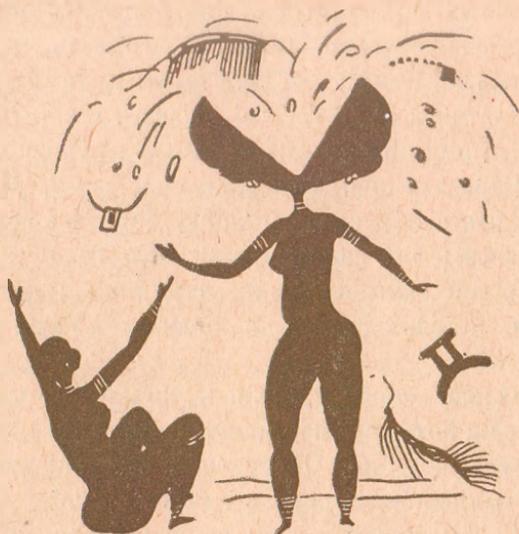
Они разделись; и обе отправились, пошли на пляски. Те, которые их видели, убежали, говоря: вот она уродина, идущая с девушкой. — Спрашивали они: на что похожа? Говорили: ой, голова ее очень страшит. Случилось, когда они явились, что все люди убежали; они были обруганы, им говорили: не ходите сюда. Они ушли, пошли сели на холме, пока не кончились пляски; вернулись и сели дома. — Все племя кричало, дивясь, говорило оно: вы бы посмотрели, на ком женился вождь.

Много дней они провели дома. Случилось в один день, они отправились, пошли купаться. Они выкупались, вышли из воды и стояли на траве, чтобы высушить свои тела и ноги, ибо они терли свои ноги.⁶⁷ — Заговорила девушка и сказала: ой, что случилось с тобой Кандакулу, как это произошло? — Сказала она: это лишь мой вид. — Сказала девушка: ой ты была бы прекрасна, дитя родное Кандакулу; ты попорчена головой. Кандакулу засмеялась и сказала: раскройся, голова моя, чтобы вышли вещи мои. Тотчас раскрылась голова, вышли ее вещи и она положила их на землю. Голова соединилась, сделалась маленькой. Видя это, девушка бросилась к ней, схватила ее, они смеялись невероятно сильно и сказала девушка: может ли это быть, что это ты, которую называли Кандакулу? Они катали друг друга в грязи, смеясь, не будучи в силах встать. Наконец встали и опять выкупались. Когда они стояли, спросила девушка: что же ты сделала? — Ответила она: я вложила мои вещи. И она рассказала все что с ней сделал старик. Дивилась девушка. — Сказала Клаказа: вот как я сделала мою голову большой. Клаказа дала ей один из своих передников; надела свой с бусинами и сказала ей: я Клаказа — Уакогингкуайо, имя мое.

Они вернулись домой; пришли и встали у входа. Вышли люди и сказали: вот девушка, пришедшая выбрать жениха. — Сказали другие: чья она? Смотревшие сказали: мы не знаем откуда она пришла? — Спросили они: она одна? — Ответили: их двое. Но мы думаем, одна сопровождает другую. Все люди вышли, смотрели, говоря, спрашивая: которая из двух пришла выбирать жениха? Ибо они не видели ясно, ибо те склонились, смотря в землю. Девушка селения приподняла ее и сказала: это Кандакулу. Удивились все люди: побежали и сообщили вождю, сказали они: посмотри на Кандакулу, когда ее голова, как ей надлежит быть. Вышел вождь и посмотрел на нее. Был созван скот, было зарезано много мяса. Было создано все племя; говорилось: пусть соберутся люди, чтобы плясать для великой женщины. Дивились все видящие Кандакулу. Было сварено пиво, плясал вождь, он ее

очень любил. — Сказала девушка: ну как теперь, разве вы не говорили, чтобы ее прогнали?

Старик был убит, ибо он делал эти пакости. Под конец она вернулась к своим со скотом, сопровождаемым друзьями. — Они пришли к своим и сказали: Клаказа-Уакогингкуайо явилась. Для дружков зарезали много скота; они сразу уплатили за нее выкуп. Вождь ее очень любил; она сделалась его женой. Она правила прекрасно со своим мужем.

Два брата

Однажды дети одного человека пошли охотиться; между ними была разница в годах. Они нашли старые горшки, множество, составлявшие длинный ряд. Старший испугался горшка, младший перевернул его. Он перевернул их все, под конец вышла старушка.

Сказала она старшему: проводи меня. Он отказался. — Сказала она младшему: проводи меня. Младший согласился. Старший последовал. Они шли, шли, пока не пришли в страну, где было дерево со скотом; они несли топор. — Сказала старуха младшему: руби это дерево. Он порубил, и вышел бык; он порубил, и вышло множество скота; затем вышел баран; затем вышла коза; затем вышел белый вол.

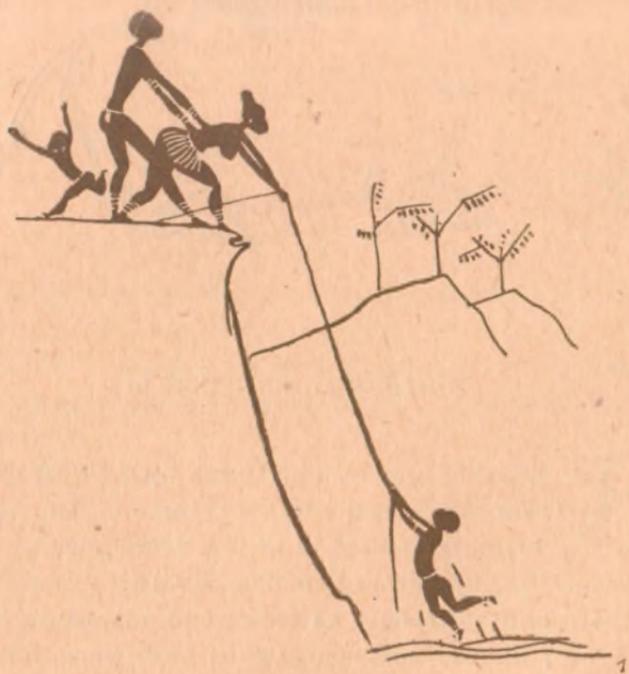
Старушка осталась там. Они пошли оба, погоняя скот, и со своими собаками, с которыми они охотились. И шли они, высохшей страной, без воды. Наконец они поднялись к краю расщелины и сказал старший: обвяжи меня веревкой, чтобы я пошел напиться воды в расщелине, ибо нет спуска к этому месту. И он обвязал его. И спускал его. Наконец он его опустил; тот пил, пил и удовлетворил себя; младший вытащил его. — Сказал младший: и меня обвяжи веревкой, чтобы я мог напиться. И тот обвязал его. Наконец тот опустил его и оставил там. Старший погнал скот. Он пришел домой к своему отцу и своей матери. — Спросил один: где ты оставил его? — Ответил он: он вернулся первым, а я же пошел со старухой, она дала мне скот. И они легли.

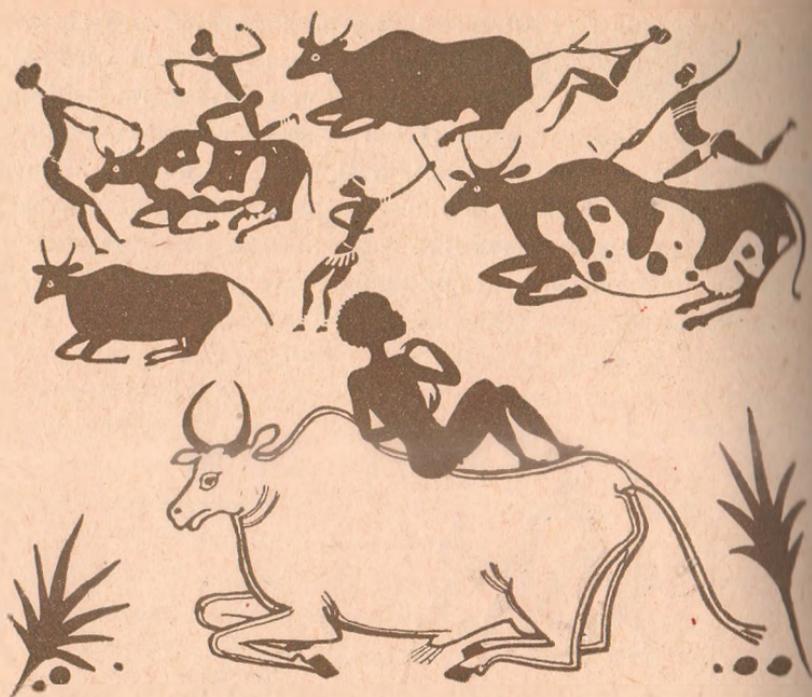
Рано утром явилась птица, сказала она: чийо, чийо, чийо; ваше дитя брошено в воду. — Спросили люди: слышите ли, что говорит эта птица? — Сказали люди: последуем за ней, она кричит как медовая птица, которая зовет людей к ульям. Его мать с его отцом последовали за ней. Так шла она и говорила: чийо, чийо, чийо; ваше дитя брошено в воду. Она пришла и спустилась туда, где они спускались пить воду. Она закричала снизу. Отец заглянул в расщелину и воскликнул: о, кто опустил тебя туда? — Ответил он: я был оставлен моим братом, когда мы пили воду; я его первого спустил и вытащил. Он же меня спустил и оставил. Ибо он отказался перевернуть горшок: и вышла старушка. Она попросила его проводить ее, пойти с ней в страну. Он отверг. И когда он отказался, она попросила итти меня. И я согласился. Она не приказывала потом ему рубить дерево; она приказала рубить мне. И я рубил дерево, вышел скот, и овца, и коза, и белый вол. И она сказала, что скот мой, мне младшему. Вот чем кончилось. И мы погнали скот. Он же оставил меня в воде, он боялся меня убить.

Тогда воскликнул его отец: О! но что же мы будем делать, раз ты там внизу расщелины? — Сказал он: найдите дома веревку, бросьте ее сюда, чтобы я мог обвязаться, я свяжу ее с другой, оставленной при мне. И возвратился отец, а его мать оставалась.

Она бросила ему пищу, взятую на дорогу. Его отец шел, шел, пришел домой, там он не рассказал сыну об этом деле. Он велел другому человеку пойти его вытащить. — И они пошли, бросили ему веревку, он связал ее и сказал: тащите же меня. И они его вытащили. И мать его плакала. Когда он рассказал случившееся в их странствовании, они возвратились и пришли домой.

Когда они явились, старший брат уже убежал; неизвестно куда он ушел.

Бонгопа-Камагадхлепа

Во времена прошедшие вождь брал множество жен. Одна забеременела. Был рожден бык. Приказал вождь: когда вот та родит, пусть посадят дитя на того быка. Имя быка было Бонгопа-Камагадхлепа.⁶⁸ Родилось дитя, было оно посажено на быка; оно сидело на нем; оно лежало там; оно не надевало одежду; подавалась пища туда, к дитя. Когда темнело, закрывались ворота, люди спали в домах, а дитя спало на быке.

Утром говорило дитя:

Бонгопа-Камагадхлепа,
Бонгопа-Камагадхлепа,
Проснись, нужно вставать;
Проснись, нужно вставать.

И Бонгопа вставал. — Говорило дитя:

Бонгопа-Камагадхледа,
Бонгопа-Камагадхледа,
Трогайся, нужно итти;
Трогайся, нужно итти.

Он шел кормиться; скот приходил на пастбище, он кормился. — Говорило дитя:

Бонгопа-Камагадхледа,
Бонгопа-Камагадхледа,
Возвращайся, нужно возвращаться;
Возвращайся, нужно возвращаться.

И он возвращался, скот приходил домой. — Говорило дитя:

Бонгопа-Камагадхледа,
Бонгопа-Камагадхледа,
Входи, нужно входить;
Входи, нужно входить.

И он входил; весь скот входил. Появлялась его пища; дитя ело, там, на своем быке.

Наконец оно выросло, не зная огня, не надевая одежды; лежа там наверху, не ступив на землю; под конец оно сделалось юношей.

Явились воры иноплеменники, чтобы угнать скот. Они открыли ворота и вошли, держа палки. Люди спали и не чуяли. Воры били скот, но он не вставал с земли. Их палки, которые они держали, поломались; в ночи они удалились.

На утро сказал мальчик: вставай Бонгопа-Камагадхледа. — Сказал он: отправляйся, иди кормиться. Бык шел; весь скот шел. — Говорил мальчик, кормитесь; они все кормились. Они вернулись в полдень. Была подана пища, мальчик ел ее там, наверху быка. — Сказал он: идите; они пошли. — Сказал он: кормитесь, они кормились. — Сказал он: возвращайтесь, они возвращались.

Когда стемнело, были закрыты ворота; люди закрылись в домах, они лежали во сне. Явились воры и открыли ворота,

держа палки; они били скот, он не вставал, они поломали палки. В ночи они удалились. — Они разговаривали и говорили они: что это с этим скотом, почему он не встает? Сказали они: нарежем много палок.

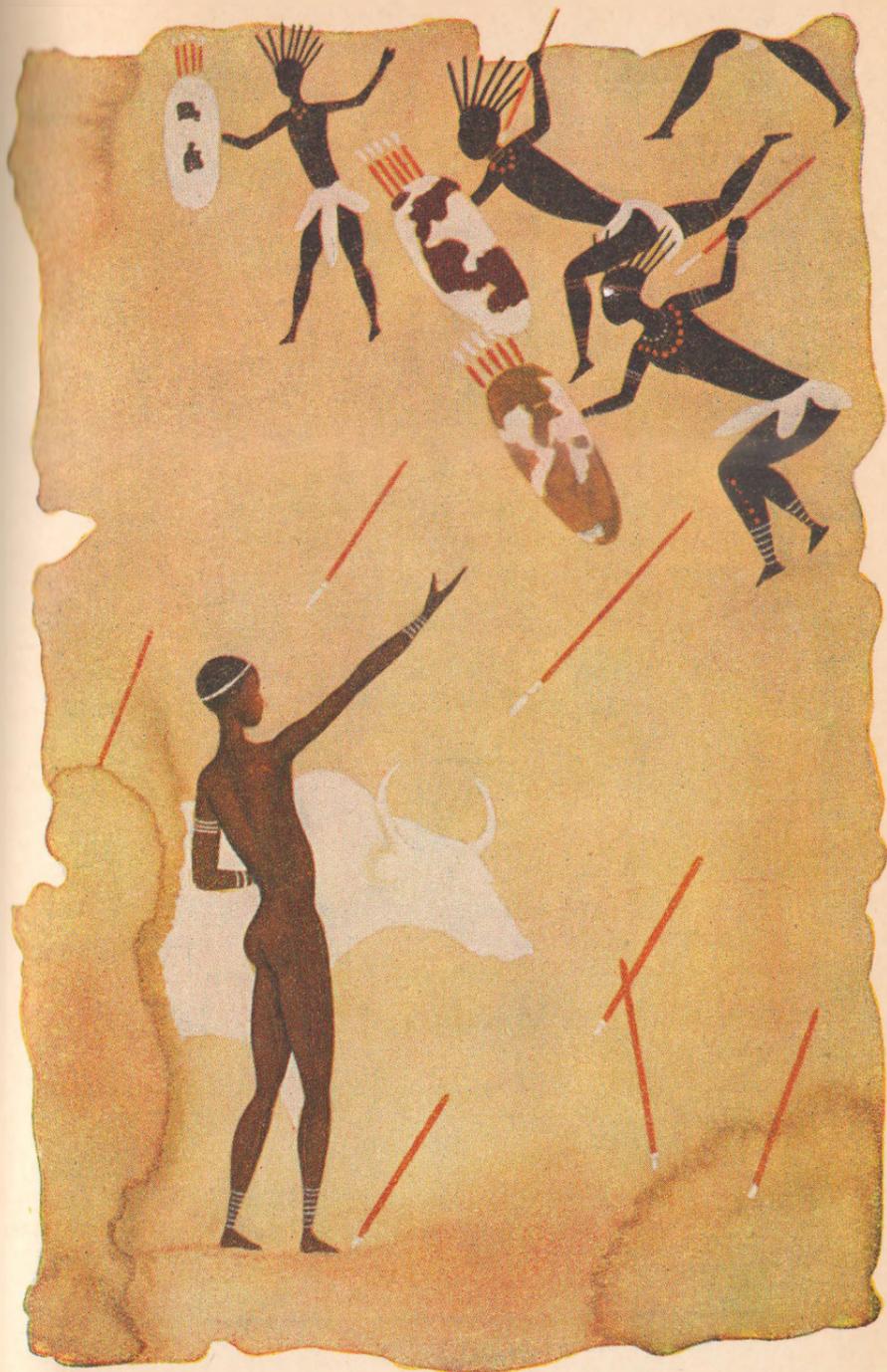
Утром на третий день, они не видели человека на берегу, сказал мальчик, чтобы быки встали, отправились, пошли кормиться. Пошел Бонгопа Камагадхледа. Быки покорились. — Сказал мальчик: возвращайтесь и они вернулись на третий день. Была принесена его пища и он ел там, на быке Бонгопа. — Сказал мальчик: отправляйтесь, идите кормиться; они пошли. — Сказал он: возвращайтесь; они возвратились.

Когда стемнело, в ночь явились воры, они били скот, он не вставал; они поломали палки; не вставал скот. В ночи они удалились. — Они ругались и говорили: нарежем две связки палок, когда сломаются эти, мы возьмем другие. — Сказали они: мы никогда не видели подобного.

Когда стемнело на четвертый день, они пришли с ними и положили на краю селения. Ворота были закрыты, люди спали. Они пришли в ночь, открыли, вошли, били скот, поломали палки и кончилась связка; они вышли и взяли другую связку, вошли с ней в загон для скота они били скот и сломали палки; они удалились.

На утро сказал мальчик, чтобы быки отправлялись, шли кормиться на пятый день. Не говорил мальчик людям, что приходили воры в ночи, чтобы угнать скот, это было его дело. Скот пошел; сказал мальчик: кормитесь, они кормились. — Сказал он: возвращайтесь, они вернулись и пришли домой. Была подана пища, мальчик поел. — Заговорил его отец и сказал он: дитя мое, ты сердит, скот ты избил сильно, до рубцов. — Они видели, что скот опух, будучи избит в ночи ворами, они думали, что он избит им.

Когда стемнело, воры пришли в ночи; они открыли ворота, вошли, били скот, но он не вставал; они сломали палки, у них оставалось по одной. Один из воров увидел мальчика и сказал: вот человек, который не пускает скот. — Приказали они: говори. — Заговорил мальчик и сказал:

Бонгопа-Камагадхледа,
Бонгопа-Камагадхледа,
Проснись, нужно вставать;
Проснись, нужно вставать;
Ты не видишь, что нас убивают
Воры иноплеменники?

Проснулся Бонгопа-Камагадхледа, встал он. Сказало дитя:

Бонгопа-Камагадхледа,
Бонгопа-Камагадхледа,
Трогайся, нужно итти;
Трогайся, нужно итти;
Ты не видишь, что нас убивают
Воры иноплеменники?

Бонгопа шел, быки шли. Вышли телята из домов, они отбивались от привязей, открыли ворота и последовали за своими матерями. Люди спали. Быки остановились в воротах. Сказали воры: говори мальчик. Ты пропал. Сказал он: вы не можете пронзить меня. Сказал он:

Бонгопа-Камагадхледа,
Бонгопа-Камагадхледа,
Трогайся, нужно итти;
Трогайся, нужно итти;
Ты не видишь, что нас убивают
Воры иноплеменники?

Вышел человек из селения, откуда скот был угнан, и сказал: вождь достиг зрелости, он поднял скот в ночь. — Он позвал его отца и сказал: пусть будет сварена пища, вождь, отец Бонгопа, достиг зрелости.⁶⁹ Все племя его отца сварило пищу. Удалилось солнце, оно зашло, стемнело. — Искали, кричали, спрашивали: кем съедено дитя в ночи? Он пошел со скотом с телятами из домов.

На ходу говорил мальчик:

Бонгопа-Камагадхледа,
Бонгопа-Камагадхледа,
Остановись, нужно стоять;
Остановись, нужно стоять;
Ты не видишь, что нас убивают
Воры иноплеменники?

Они остановились. — Сказали воры: говори. Ты пропал. — Сказал он: вы не можете пронзить меня. — Спросили они: что еще? — Ответил он: ничего. — Сказали они: ты радишься так, потому что не пускал скот вождя и заставил нас потерять из-за тебя месяц? — Сказал мальчик:

Бонгопа-Камагадхлепа,
Бонгопа-Камагадхлепа,
Трогайся, нужно итти;
Трогайся, нужно итти;
Ты не видишь, что нас убивают
Воры иноплеменники?

И они пошли.

Был послан один вор; он пришел к вождю и сказал: мы пригнали скот, который очарован, там человек на быке Бонгопа-Камагадхлепа. — Было приказано: возвращайся, приказал он, пусть они поторопятся, придут ко мне. Они быстро шли, они показались на возвышенности. — Сказал он: вот они с мальчиком на белом быке; он обладает чарами, он говорит, встаньте и быки останавливаются. — Сказал вождь: когда он придет с ними, пусть будет зарезан этот бык, при помощи которого он действует. Хотя он не спит на земле, он будет спать. Они пришли на край селения и остановились. — Сказал вождь: идите. — Сказали люди: их не пускает мальчик, они слушаются его слов. — Приказал он: говори же. — Сказал мальчик:

Бонгопа-Камагадхлепа,
Бонгопа-Камагадхлепа,
Трогайся, нужно итти;
Трогайся, нужно итти;
Ты не видишь, что нас убивают
Воры иноплеменники?

И Бонгопа шел, они шли. Сказал мальчик:

Бонгопа-Камагадхлепа,
Бонгопа-Камагадхлепа,
Входи, нужно входить;
Входи, нужно входить;
Ты не видишь, что нас убивают
Воры иноплеменники?

Сказали люди: слезай мальчик. — Ответил он: я не слезаю, я не ступаю по земле, я лежу на быке. С рождения я не знаю земли. — Приказал вождь: слезай. — Ответил мальчик: я не умею. — Приказал вождь: говори, мальчик. — Сказал он:

Бонгопа-Камагадхлепа,
Бонгопа-Камагадхлепа,
Спусти меня, нужно слезать;
Спусти меня, нужно слезать;
Ты не видишь, что нас убивают
Воры иноплеменники?

Он слез на землю. — Сказали люди: отправляйся, иди в дом. — Ответил он: я не могу идти в дом. — Сказали они: отправляйся, иди в дом. — Ответил он: я не пойду. — Спросили они: что с тобой? Они отнесли его в дом умершего мужчины, который разваливался, в нем просвечивались звезды. — Сказали они: входи. Он вошел в дом. Ему подали пищу. — Сказал он: я не умею есть на земле. — Спросили они: что еще? Была убрана пища.

Он сплюнул слюну; слюна закипела и сказала: вождь, ты главный, ты мрачный, гороподобный. Она переполнила лижину. Загремело небо, пошел сильный дождь; все дома размокли и те, которые не размокали. — Кричали люди, говорили они: вождь намок. — Сказал вождь: мальчик уже умер, раз вот что со мной, а я не знал капель. — Сказал он: мальчик, раз он сидел снаружи, раз я вот каков, он уже умер. Очистилось небо. Были посланы люди, было им сказано: пойдите посмотреть на него. — Сказали они: почему это так, что сухо у мальчика? Он мальчик с чарами. Когда он явился, мы уже видели. Пусть будет зарезан его бык, посмотрим, что произойдет с этими чарами, которые мы видели сегодня.

Были созваны все люди, было взято копьё, вошли с ним в загон для скота; был позван мальчик и сказали они: пусть будет зарезан бык. — Ответил он: я умру, если будет умерщвлен этот бык. — Сказали они: что еще? — Было дано копьё одному вору и он метнул копьём в быка, оно вошло

в вора. — Приказали люди: говори, мальчик, чтобы был умер. Сказал он:

Бонгопа-Камагадхлепа,
Бонгопа-Камагадхлепа,
Умирай, нужно умирать;
Умирай, нужно умирать;
Ты не видишь, что нас убивают
Воры иноплеменники?

Копье вошло в Бонгопа. Он упал на земь. Были взяты ножи, чтобы освежевать его. Человек отделил шкуру и порезал себя. — Сказали люди: говори мальчик. Ты пропал. Заговорил мальчик, сказал он:

Бонгопа-Камагадхлепа,
Бонгопа-Камагадхлепа,
Свежуйся, нужно свежеваться;
Свежуйся, нужно свежеваться;
Ты не видишь, что нас убивают
Воры иноплеменники?

Они освежевали его; он кончился.

Сказали мужчины: разожгите большой огонь. — Сказали воры: отложим его жаренье. Омоем же тела, чтобы очиститься от навождения. Этот бык с чарами; все приметы его другие. Под конец, они отрезали кончик хвоста и человек порезал себя. — Сказали они: говори мальчик. Ты пропал. Сказал он:

Бонгопа-Камагадхлепа,
Бонгопа-Камагадхлепа,
Дай отрезать, нужно дать отрезать;
Дай отрезать, нужно дать отрезать;
Ты не видишь, что нас убивают
Воры иноплеменники?

Они взяли горшки для крови и собрали ее в горшки; они разделали его тушу; они подвесили его в загоне для скота; мальчики отрезали куски и отложили себе. — Вождь созвал людей и приказал: пойдите омойтесь и по приходе, съешьте его. Пошли все люди.

Мальчик остался, взял шкуру, расстелил ее, уложил голову; взял ребра и уложил их; взял один бок и уложил его; взял переднюю ногу и уложил ее на свое место; взял заднюю ногу и уложил ее на свое место; он взял ливер и уложил его на свое место; взял легкое и уложил его на свое место; он положил брюхо, собрал жвачку и положил ее в брюхо; взял кончик хвоста и уложил его на свое место; взял кровь и поместил ее на ее место; он завернул все в шкуру и сказал:

Бонгопа-Камагадхлела,
Бонгопа-Камагадхлела,
Проснись, нужно вставать;
Проснись, нужно вставать;
Ты не видишь, что нас убивают
Воры иноплеменники?

Возвратилось дыхание быка, оно вошло в него, он посмотрел. — Сказал мальчик:

Бонгопа-Камагадхлела,
Бонгопа-Камагадхлела,
Вставай, нужно вставать;
Вставай, нужно вставать;
Ты не видишь, что нас убивают
Воры иноплеменники?

И бык встал. — Сказал мальчик:

Бонгопа-Камагадхлела,
Бонгопа-Камагадхлела,
Дай я влезу, нужно влезать;
Дай я влезу, нужно влезать;
Ты не видишь, что нас убивают
Воры иноплеменники?

Мальчик влез на быка. — Сказал он:

Бонгопа-Камагадхлела,
Бонгопа-Камагадхлела,
Трогайся, нужно итти;
Трогайся, нужно итти;
Ты не видишь, что нас убивают
Воры иноплеменники?

Бонгопа пошел. Пошли дома, поля, загоны для скота, все вещи того селения!

Люди подымались от реки и сказал один: люди, посмотрите на диковину. Вся страна идет. — Вождь созвал все племя и приказал: преследуйте мальчика, пусть он будет убит. Мальчик шел быстро; когда он услышал, что они близко, он сказал:

Бонгопа-Камагадхледа,
Бонгопа-Камагадхледа,
Остановись, нужно остановиться;
Остановись, нужно остановиться;
Ты не видишь, что нас убивают
Воры иноплеменники?

Остановился бык. — Они кричали ему, говорили они: стой тут, чтобы мы тебя убили. Долго ты творил кодовство. — Сказали они: слезай, чтобы мы тебя убили. — Он слез на землю. — Сказали они: отойди от быка, чтобы копы не поразили нас. Они метнули в него копы, но те не достигли его и вонзились в землю. Он осмел их, говоря: что это, вы мужчины, вас много, а копы не достигают меня, вонзаются в землю? — Осмел их один из воинов, сказал он: как это вы побеждены мальчиком, вы пронзаете землю, копы не достигают его? Некоторые уступили. — Сказал мальчик: пусть будет и мне дано копы, чтобы я мог пронзить вас. — Они отвергли, сказали они: мы еще не побеждены. Они метнули в него копыями; копы вонзились в землю. Они подобрали их, бросили их в него; копы не пронзили его. — Сказали они: мы побеждены, попробуй же и ты.

Они дали ему множество копий, он отверг их и попросил одно. Они дали ему одно. — Спросил он: метнуть мне в вас? — Они засмеялись. Он сплюнул на землю, плевком зашипел, сказал он: вождь, привет тебе, гороподобному. — Сказал он: метнуть мне в вас? — Они рассмеялись, сказали они: делай, мы посмотрим. Он бросил копы в их вождя и они все умерли.

Он взял древко копья и ударил их вождя; тот встал и они все встали. — Они кричали ему, говорили они: стой тут чтобы мы тебя убили. — Он осмеял их, спросил он: далеко вы были? — Ответили они: мы сейчас пришли. — Сказал он: вы были мертвы. — Они в ответ сказали: не увидишь ты больше света. — Они бросили в него множество копий; копья вонзились в землю. Другие бросили множество копий, они вонзились в землю. Они подобрали их, они бросили их множество; копья вонзились в землю. — Мужчины смеялись над ними, говорили они: дайте нам (копья), дайте нам его убить. Они бросили множество копий, копья вонзились в землю. Мужчины подобрали их.

Сказал вождь: пустите меня, дайте мне его пронзить. Вождь бросил копьё; оно осталось на земле. — Сказал он: я побежден, мальчик. Делай же, мы посмотрим. — Сказал мальчик: дайте мне копьё, чтобы и я поразил. Они дали ему множество копий. — Он отверг, сказал он: я хочу одно. Они ему дали. Он сплюнул слюну на землю; она сказала: вождь, привет тебе, ты мрачный,⁷⁰ ты главный. — Спросил он: ступнуть мне в вас? — Они осмеяли его, сказали они: делай, мы посмотрим. Он бросил копьё, он поразил их вождя. Он умер вместе со всеми людьми.

Мальчик схватил копьё и ударил людей. Люди встали, вождь остался на месте. — Сказали они: мы теперь твои. Мы пойдем с тобой.

Они проходили другую страну. — Люди подняли крик, сказали они: убивайте. Вот человек, он уходит с людьми. Вождь созвал их, приказал он: пусть они будут убиты. — Они подошли к ним и сказали: слезай. — Ответил мальчик: я не ступаю на землю. Воры рассказали им, сказали они: он нас убил. — Ответили они: нас он не одолеет. Они бросили в него копья; копья вонзились в землю. Они подобрали их, они бросили их; копья вонзились в землю. Один из воинов осмеял их, сказал он: пустите нас, дайте нам пронзить. Они бросили копья; копья вонзились в землю. Они собрали их. — Сказал вождь: дайте мне самому, мне его убить. — Сказали люди: мы будем тебя восхвалять, когда ты

убьешь его. — Сказал вождь: я обладаю большой силой. Он бросил и не мог убить.

Сказал вождь: действуй мальчик, я посмотрю. — Сказал он: дайте мне копьё. Он сплюнул слюну, она была на земле, она закипела и сказала: привет тебе, вождь, ты главный. Они дали ему копьё; он отверг; он взял одно и спросил: пронзят ли мне вас? Он бросил в их вождя. Все они умерли. Он взял копьё и ударил их вождя; тот встал и они все встали.

Сказал мальчик: вы снова нападёте на меня? — Сказали они: мы будем опять против тебя. Они бросили копьё, копьё вонзилось в землю. Они подобрали их и бросили их, копьё вонзилось в землю. — Он попросил копьё и сказал: вы побеждены? — Ответили они: да. Они дали ему одно копьё. Он вонзил в вождя и они все умерли. Он взял копьё и ударил одного человека; все встали; вождь оставался, он умер. — Сказали они: мы теперь твои.

Он послал людей и приказал, чтобы они пошли к его отцу и сказали: идет Бонгопа-Камагадхлеа. — Закричал его отец, сказал он: где вы его видели? — Сказали они: он прикончил людей. — Сказали они: он гонит множество скота. Его отец послал людей, приказал он, чтобы они вернулись обратно. — Они пришли и рассказали, сказали они: твой отец отказался поверить. Был отобран скот и к нему прибавлен бык с приметам; мальчик сказал, что его отец узнает о нем по быку из дому.

Его отец созвал племя и сказал: пусть будет смолода пища. — Сказал он: вождь возвращается. — Явились люди и сказали: не может быть. — Сказал он: пойдите, посмотрите на быка из дому. Люди посмотрели на него и сказали: верно. — Сказали они: пусть будет найдена девушка, чтобы, придя, он нашел ее находящейся здесь. Искали девушку, дочь Бунгани, сына Макулуклу.

Люди пошли, взошли на гряду гор и сказали: твой отец сказал, торопись. Люди со скотом быстро пошли. Они взошли на гряду гор около их дома. Они выставили вперед Бонгопа-Камагадхлеа. Они шли быстро и пришли к воро-

тим. Люди вышли и смотрели. Радовался его отец с его матерью. Сказал мальчик:

Бонгопа-Камагадхледа,
Бонгопа-Камагадхледа,
Входи, нужно войти;
Входи, нужно войти.

Скот вошел в загон для скота.

Было построено другое селение. Сказал он: я не люблю девушку, ибо она ходит по земле. Девушка ушла. — Сказал он: я буду находиться наверху пока не умру. И было сказано: тогда оставайся там наверху.

И он пас скот своих. Он творил те чудеса, которые творил сначала.

Дхлубу⁷¹ и лягушка

Однажды вождь женился на дочери другого вождя; он ее очень любил; его жены были обеспокоены из-за его любви к ней. Она забеременела и родила дитя-девочку; ее отец очень ее любил. Она росла; когда она сделалась прекрасной, жены составили заговор, сказали они: раз ее отца нет, пойдемте надерем траву зи.⁷² Они сказали детям: вы не соглашайтесь брать дитя. Ее мать позвала девочку, которая оставалась с ней. Та отказалась взять дитя. Ее мать взяла ее на спину и пошла с ней.

Они драли траву зи, так они шли. Случилось в одной впадине между гор, что они сели на землю, и взяли понюшку табака. Ее мать связала вязанку травы зи и дала ребенку, чтобы он играл с ней. Они поднялись и драли траву зи.

Так они шли. Позабыла мать свое дитя. Так они шли, подирая; они связали, понесли на головах и пришли домой.

Они пришли домой и позвали нянек детей; все они явились. Но ее нянька пришла без дитя. — Мать спросила, скажи она: где мое дитя? — Сказали они: ты шла с ним. Она опечалилась; она закричала, побежала и пошла искать. Не нашла ее и вернулась.

Был большой шум. Жены говорили, спрашивали они: что же будет теперь? Мы разбили сокровище отца. Любимая (жена) безутешна.

Было сообщено ее отцу; было сказано: вождь, дитя твое потерялось, когда мы драли волокно. Ее отец очень опечалился.

На утро старуха большого дома⁷³ из другого племени пошла набрать воды; она услышала дитя, которое играло; она услышала: та, та, та. Она удивилась и подумала: хау! кто это там? Она тихо подошла и нашла сидящее дитя, которое играло. Она пошла домой и оставила его вместе с горшком с водой, вдвоем. Она позвала великую женщину вождя и сказала: поди сюда. Великая женщина вышла из дому. — Сказала старуха: иди, пойдем. Там что-то есть у реки; ты увидишь. Жена вождя пошла с ней. Они пришли. Сказала старуха: вот дитя. — Сказала великая женщина: возьми ее. Сказала она от радости. Старуха взяла её. Они пришли к реке. — Сказала великая женщина: омой ее. Та омыла ее. Великая женщина взяла ее, посадила на спину и пошла домой.

Она кормила ее грудью; ибо сама она родила дитя — мальчика; она вырастила ее. Девушка выросла. Они ходили с ее мальчиком вдвоем. Она росла и сделалась большой девушкой. На нее смотрели как на вождя девушек,⁷⁴ когда справлялось большое торжество. Было зарезано много скота. Все люди радовались.

После этого сказали военачальники мальчику: женись на этой девушке. — Мальчик удивился и сказал: хау! что это такое? Но ведь это моя сестра? Мы вскармливались вместе у нашей матери? — Сказали они: да нет; она была найдена

во впадине между гор. Он отверг и сказал: да нет, это моя сестра. — Утром снова сказали они: лучше тебе ее взять себе в жены. Он отверг, он был очень огорчен.

Случилось, в другое время старуха обратилась к девушке и сказала: ты знаешь? — Сказала та в ответ: что? — Сказала старуха: что на тебе женятся. — Спросила та, сказала кто? — Ответила старуха: юноша из твоего дома. — Сказала она: хау! как же так? Ведь это мой брат? — Сказала старуха: да нет; ты была найдена во впадине между гор, вскормлена великой женщиной. Девушка закричала и огорчилась.

Она взяла горшок для воды, пошла, пришла к реке, села на землю и заплакала. Она зачерпнула воды и пошла домой. Дома она села. Ее мать дала ей пищу; она не пожелала ее, она отвергла. — Ее мать спросила, сказала она: что это? — Сказала она: ничего. Болит моя голова. Стемнело и она пошла спать.

На утро она встала, взяла горшок для воды, пришла к реке; она села на землю и заплакала. Когда она плакала, вышла большая лягушка и спросила: что ты плачешь? — Ответила она: я огорчаюсь. — Спросила лягушка: чем ты огорчена? — Сказала она: говорят, я буду взята моим братом. — Сказала лягушка: иди, собери свои прекрасные вещи, которые ты любишь, и носи их сюда.

Она встала, подняла на голову горшок для воды, пришла домой; взяла другой горшок, схватила свои вещи, уложила их в горшок; медный посох, травяной передник, и пояс с плетенкой из медных бус, и повязку, и медяшки, и свои бусы. Она взяла эти вещи, пошла к реке и выложила их на землю.

Спросила лягушка, сказала она: хочешь ли ты взять меня к своим? — Ответило дитя: конечно. Лягушка схватила вещи, проглотила их, схватила дитя, проглотила его и пошла с ней.

Она шла и встретила с рядом юношей; они увидели лягушку. — Сказал передний: посмотрите же; вот большая пребольшая лягушка. Сказали другие: убьем ее, бросим в нее камнями. — Сказала лягушка:

Я лишь лягушка, да не буду я убита.
Я несу Дхлубу в ее страну.

Они оставили ее. — Сказали они: хау! как это лягушка ридговаривает, она творит диковинное? Оставим ее. И они прошли мимо, они пошли дальше.

И лягушка пошла. Опять она встретилась с рядом мужчин. Сказал передний мужчина: о, взгляните, посмотрите на большую лягушку. — Сказали они: убьем ее. — Сказала лягушка:

Я лишь лягушка, да не буду я убита.
Я несу Дхлубу в ее страну.

Они прошли мимо. Пошла лягушка.

Она встретила мальчиков, пасших скот; они увидели ее, она была увидена мальчиком ее отца. — Сказал мальчик: вау! Дхлубу, дочь вождя! идите сюда, убьем большую лягушку. Богите, нарежьте острых палок, поразим ее ими. — Сказала лягушка:

Я лишь лягушка, да не буду я убита.
Я несу Дхлубу в ее страну.

Он удивился и сказал: о, мужи, не будем ее убивать. Она вызывает печаль. Посторонитесь, пропустите ее. Они посторонились.

Она пошла и встретилась с другими, ее увидел брат девушки; сказал он: о, Дхлубу, дочь вождя! вот большая пребольшая лягушка. Побьем ее камнями, убьем ее. — Сказала лягушка:

Я лишь лягушка, да не буду я убита.
Я несу Дхлубу в ее страну.

Сказал он: о, пропустите ее. Она говорит страшное.

Лягушка прошла мимо и пришла к дому, она вошла в рошу в нижней части селения и выложила девушку вместе с ее вещами. Она привела ее в порядок, очистила девушку донкой,⁷⁵ обликала ее и разукрасила ее.

И пошла девушка. Она взяла свой медный посох, вошла в ворота, она прошла посреди загона для скота; она пошла посреди него; пришла к лазейке, вышла и вошла в дом ее

матери. Пришла ее мать, вошла в хижину и спросила: откуда ты явилась девушка? — Ответила она: я просто брожу. — Сказала ее мать: расскажи мне. — Сказала она: да нет, я просто брожу. — Сказала ее мать: женщины бываю довольны такими детьми. Я же горюю; мое дитя потерялось, я оставила его во впадине между гор: оно умерло там. — Ответило дитя, сказало оно: почему ты его оставила? Ты сделала так потому, что не любила его? — Сказала та: да нет, меня заставили забыть жены вождя; они не позволили, чтобы нянька брала ее. — Ответила она, сказала она: ну нет, нет такой женщины, которая бы забыла свое дитя. — Сказала она: да нет, это произошло потому, что я сама не привыкла ухаживать за дитя; ибо оно оставалось с нянькой. — Сказала девушка: эхе, ты делала так потому, что не любила меня. Мать начала пристально смотреть на нее; она увидела: «это мое дитя».

Когда она увидела ее, она возрадовалась. Она прокричала прозвища дитя. Ее мать схватила свое платье и оделась; она взяла свою повязку и надела ее на голову; она взяла свой передник и надела; она взяла свой посох и вышла, она прыгала от радости, она кричала «халала»; она вошла в загон для скота, резвилась, прыгая от радости. Удивились люди и спросили: что сегодня с Нтомбинде? Что это она так радуется? Ведь со смерти своего перворожденного дитя она не радовалась; но была печальной.

Вышла одна женщина с ее стороны и сказала: дайте я пойду посмотрю, что там в доме? Почему я слышу как великая женщина называет прозвища дитя, которое умерло? И пошла она, вошла в дом и увидела девушку; она вышла, подняла страшный крик и возблагодарила.

Все люди вышли. Они побежали к дому, обгоня друг друга. Они толкали друг друга у входа. Они увидели дитя. Все с ее стороны радовались. — Все другие огорчились, и жены вождя с другой стороны сказали: хау! к чему это? Раз мы думали, что убили это дитя. Оно снова восстало. Мы будем пристыжены за одно с нашими детьми. Кончится господство наших детей.

Отправился гонец, он пошел к ее отцу, пошел, пришел и сказал: вождь, восстало дитя, которое умерло. — Сказал вождь: хау! ты сходишь с ума? Что это за дитя? — Сказал гонец: Дхлубу. — Сказал ее отец: откуда она пришла? — Сказал он: я не знаю, вождь. — Сказал ее отец: если будет не она, я тебя убью. Если это она, беги, поднимай шум во всех местах, чтобы согнали всех больших быков и пришли с ними.

Он отправился и поднял шум. — Говорил он: дочь вождя появилась. Торопитесь с быками. — Люди спрашивали, говорили они: какая дочь вождя? — Говорил он: Дхлубу, дочь вождя, которая умерла.

Они возрадовались; они вооружились щитами; они захватили быков, они погнали их, и дары, чтобы порадовать дочь вождя; ибо она восстала от смерти; они обрели ее, когда уже не чуяли. Они пришли, они зарезали множество быков и по дороге, чтобы ели старики и старухи и больные, которые не имели сил добраться до дому, где была дочь вождя.

Явился ее отец и сказал: выйди, дитя мое, чтобы и посмотрел. Она не отвечала. Он зарезал двадцать быков. Она появилась у входа и встала. Он зарезал третий десяток. Она вышла. — Сказал ее отец: иди, войди в загон для скота, протанцуй для тебя от большой радости, ибо я думал, ты умерла, но ты тут. Она стояла. Опять он зарезал четвертый десяток. И она пошла, вошла она в загон для скота.

Они много плясали для нее. Но другая сторона селения не радовалась, она не плясала с детьми и женами этой стороны. Они кончили плясать.

Отец пошел с ней в дом, он сел с ней и сказал: пусть будет взят молодой жирный бык, будет зарезан и приготовлен для дитя, чтобы мы могли есть радуясь; ибо она была мертвой, она восстала от смерти.

И радовались все люди. Дитя вернулось в свое положение, свое господство. Ее отец правил сильно, он возвратился к обычному, он жил в своем селении, ибо он хотел пребывать там долго, ибо он помнил свое дитя, которое

умерло. Ее мать с детьми из ее дома вместе радовались.

Спросил ее отец, сказал он: как ты пришла сюда? — Сказало дитя: меня принесла лягушка. — Спросил ее отец где она? — Ответило дитя: она там в роще. — Сказал ее отец: пусть будут схвачены быки; пусть спляшут ей, пусть она подымеется и придет к дому. И люди пошли, они потанцовали для нее.

Люди пришли с ней домой. Ввели лягушку в дом, дали ей мясо и она съела. — Спросил вождь, сказал он: что хочешь ты, чем бы я отблагодарил тебя? — Сказала она: я хочу множество черных безрогих быков. Он взял множество скота и людей и сказал: идите, отправляйтесь с ней. И пошли они, пришли они в ее страну.

Лягушка построила большое селение и сделалась великим вождем. Все время они резали на мясо скот; и люди приходили просить мясо. — Спрашивая, они говорили: кто ваш вождь, который выстроил это селение? — Отвечали они: Селеселе.⁷⁶ — Спрашивали они: откуда взяла она такое большое селение? — Отвечали они: она его достала, ибо принесла дочь нашего вождя; вождь дал ей скот и людей. — В ответ спросили они: вы значит люди Селеселе? — Ответили они: конечно. Не отзывайтесь о ней плохо; мы вас убьем, ибо она великий вождь.

Селеселе принимала множество людей. Они бросали своих вождей, ибо видели множество пищи у Селеселе. И правила Селеселе, была она вождем.

Узнал Нкоси-Ясенхла и сказал: есть у Нкоси-Ясензанси⁷⁷ прекрасная девушка, имя ее Дхлубу. — Сказал он своим людям: идите, посмотреть на нее, что за девушка она. — И пошли они, пришли они к Нкоси-Ясензанси, и сказали: вождь, мы посланы Нкоси-Ясенхла, чтобы выбрать среди твоих детей прекрасную девушку.

И созвал вождь детей, они пришли, они явились. Наконец увидели люди Нкоси-Ясенхла единственную девушку среди всех, которая превосходила других красотой. Ибо они помнили, что если вождь послал людей пойти выбрать

прекрасную девушку, то нужно им хорошо смотреть; ибо эти люди были глаза вождя, он верил им; они проделали, чтобы не быть обруганными им, когда придут домой. Если они видели, что она плоха, не подходит девушка быть выбранной для вождя, они ворчали, говоря, зачем вы позорите вождя, выбирая ему плохую вещь? Слава этих людей кончалась; у них отнималось и хорошее положение, ибо они не заслуживали доверия. — И поэтому они выбрали Дхлубу за ее красоту, говоря: она одна подходит, чтобы быть великой женщиной вождя перед всеми этими.

И поэтому оставленные были пристыжены, и их матери были пристыжены, и их братья были пристыжены. Было радостно в доме Дхлубу. Радость началась с Дхлубу, которую выглядели среди множества девушек и на глазах у всех, говорили: вот действительно красавица! — Ее мать сказала в сердце своем: я его прекрасно родила, дитя мое! И ее дети были возвеличены, хотя их мать была уже давно возвеличена вождем, будучи любима. И вот возросло недовольство против дома Дхлубу; оно не прекращалось, ибо вождь другого племени продолжал любить Дхлубу и ее мать опять была очень любима отцом Дхлубу. Были очень пристыжены другие жены вождя красотой Дхлубу, которая была любима вождем другого племени выше всех их детей. Так они были пристыжены.

И посланцы посмотрели и выбрали Дхлубу. Они отправились рассказать вождю. — Они пришли домой и сказали: вождь, мы видели прекрасную девушку, имя ее Дхлубу. — Сказал вождь: эхе, к добру. Нужно чтобы мы отправились, пошли туда и взяли тысячу скота. И они пошли.

Сказал Нкоси-Ясензанси, сидя в тени посреди загона для скота со своими людьми, спросил он: что это там? Там великая пыль, которая соединяется с небом. Они испугались. — Сказал он своим воинам: приготовьтесь, ибо мы не знаем, что это идет. После этого появился скот, он шел с вождем и его людьми. Они пошли их встречать.

Сказал вождь другого племени: я Нкоси-Ясенхла, я пришел к Дхлубу. Они пошли с ним, они шли домой. Они при-

шли, они попросили Дхлубу. Ее отец возрадовался, услышав это.

Были им зарезаны быки. Они говорили с ее отцом. — Сказал Нкоси-Ясенхла: я пришел к тебе Нкоси-Ясензанеи, я хочу взять твою дочь; если ты согласен, будет хорошо. Я пришел с тысячей скота. — Ее отец согласился и сказал: будет хорошо.

Он собрал всех девушек и юношей, младших и старших юношей с обручами;⁷⁸ он отобрал людей для работы на Дхлубу. Он отобрал ее медные украшения для свадьбы и бусы, и пять сотен быков, приказал он: хорошо же отправляйтесь с ней. Вот военачальник, чтобы проводить ее свадьбу.

Они пошли с ним и пришли домой. Когда они появились, был поднят большой шум, явились люди со всех сторон, говорили они: явилась великая женщина Нкоси-Ясенхла. Они радовались.

Легли спать. На утро, когда вышло солнце, сделалось тепло, вышли девушки с юношами и юношами с обручами, они пошли в заросли, они сели там. Когда пришло время плясок, они сплясали; они взяли девушку из рожи; она пошла домой, пошла танцевать.

Они танцевали и закончили. Она взяла медяшки, положила их перед его отцом, приветствовала и сказала: вождь, покровительствуй мне, ибо теперь я в твоей руке, охраняй меня.

Вся свадебная партия села на землю. Они танцевали для них. Они кончили танцевать. На утро девушка зарезала десяток быков: они ели, они радовались.

Сказал военачальник: вождь, мы хотим отправиться, идти домой, ибо работа закончена.

Вождь отобрал пять сотен быков и сказал: это ее матери. Они пошли домой.

Девушки остались. Ее отец сказал, чтобы они не шли домой, оставались с ней, работали на нее; и множество людей, мужчин и женщин, строило ее селение, оставалось там.

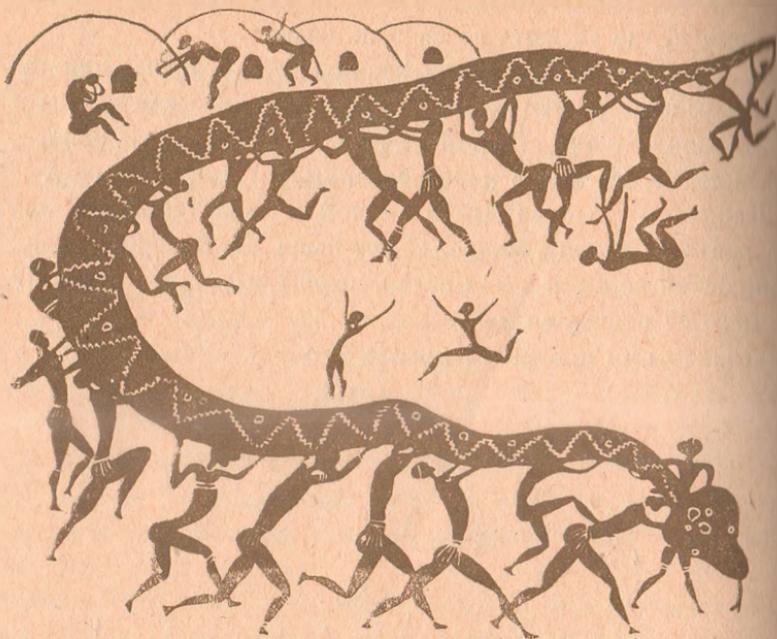
Приказал вождь: нарежьте теперь для селения великой женщины, где ей жить со своими людьми.

И было построено селение, закончено оно. Вождь пришел туда; было зарезано множество скота, чтобы ели воины и закончили селение великой женщины. И вождь отправился, он пошел жить там, в новом селении. Он избрал Дхлубу.

Пришли люди отца Дхлубу домой и сказали: вождь, мы поработали хорошо, много. И вот быки для матери Дхлубу, дошные ей ее сыном. Он велел, чтобы мы приветствовали по нему ее отца и ее мать.

И жили они прекрасно вместе.

Нхлангунхлангу ⁷⁹

Однажды вождь брал жен. — Сказал он: такая-то родит вождя. Они забеременели; окончились месяцы, пришло время рожать и они родили. Всё оставалась беременной беременная вождем. Дети выросли, ходили и были отняты от груди. Жены снова забеременели; окончились месяцы, пришло время рожать и они родили. Дети выросли, были отняты от груди, росли и наконец сделались юношами, а та еще не родила.

Кончилось много лет; под конец она стала сбрасывать кожу, она рожала; собрались жены и сказали: она родила змею. Змея выходила много дней, пока не кончилась в животе и наполнила дом. Они выбежали и остановились у входа. Они позвали людей и сказали: пойдите посмотрите

диговину. Собралось племя: они закричали ей; спросили они: она вышла из живота?— Ответила жена: она вышла. — Приказал вождь: пусть сплетут веревку. — Сказала она: она закончилась.

Заставили войти человека, дали ему кол и сказали, чтобы он развернул змею и добрался до головы. Он развернул змею до головы и добрался до нее; люди бросили ему веревку, он обвязал ее веревкой и вышел с ней. Они повалили дослон против дома и спросили: что за змея?— Ответили они: хлуату.⁸⁰ Была найдена заводь, множество людей потащили змею и бросили ее в воду. Они омыли тела, поднялись и явились домой.

Приказал вождь: нужно убегать. Было приказано: пусть остается ее мать, которая родила это навождение. Они отправились, направились в другую страну. Они отстроились и закончили дома. Дети сильно росли и под конец взяли жен. Были посватаны девушки, которые родились после тех мальчиков. Наконец были посватаны их дети.

Пошла мать змеи; она встретилась с людьми; они спросили, сказали они: куда ты идешь?— Ответила она: я следую за вождем. — Спросили они: какое твое отношение к нему?— Ответила она: он мой муж. — Спросили они: где ты пребывала?— Ответила она: он меня оставил в старом селении. — Спросили они, чем ты его разгневала?— Ответила она: я разгневала его рождением зверя. — Спросили они: какого зверя?— Ответила она: хлуату. Я была им беременна много лет. — Спросили они: куда его положили?— Ответила она: он был брошен в воду. Люди убежали, они сказали, что у меня навождение, ибо я родила зверя.

Она пошла и спросила в селении, сказала она: Нхлангулангу отстроился здесь? Они указали ей реку. Она пошла и пришла туда; она увидела мальчика и сказал он: вот такая-то идет. Она вошла в дом у входа в селение. Она приветствовала хозяйку дома и та спросила ее, сказала она: как у тебя в животе?— ответила она: прохладно.⁸¹ — Сказала та: я спрашиваю, ибо я знаю что в тебе был зверь. —

Ответила она: все уже в порядке. — Спросила она: что думает обо мне вождь? — Ответила женщина: он смеется над этим. Люди говорят: вон она умерла и вождь радуется. Говорят они: он правильно сделал оставив ее в старом селении, хотя бы она и выздоровела. Она опять родила бы другое навождение.

Вышла женщина у которой она остановилась и вошла к вождю; она пришла, а вождь спал. — Она спросила у дитя, сказала она: вождь спит? — Ответил вождь: я прилег. — Сказала женщина: тут пришла мать змеи. — Встал вождь, сел и спросил: откуда она пришла? — Ответила женщина: она говорит, что пришла из старого селения. — Было приказано: пойди, позови ее. — Женщина вышла, позвала ее, пришла с ней и вошла в дом. — Сказал вождь здравствуй. Она ответила. — Спросил он: как в животе? — Ответила она: прохладно.

Она осталась, ей дали еду и она съела ее. — Сказали люди: не продолжай с ней разговаривать, может прибавиться другое навождение. Они построили ей дом; они расположили его у входа. Она жила там. Она ссорилась с другими женами. — Говорили они: ты зазнаешься? из-за того, что ты родила лишь зверя? И она устыдилась. — Говорилось, что ты родишь вождя, который будет править нашими детьми. Ты теперь собака. Не заставляй нас больше говорить: мы породили селение. Ты лишь собака. Что ты не возвращаешься к пруду, где живет твое дитя? — Сказала она: что вы надо мной смеетесь? — Сказали они: мы видим, ты пришла к нам из дерзости. Она замолчала.

— Сказал вождь: оставьте ее. Я думал она родит мне вождя. Она родила навождение. Бросьте смеяться над ней из-за этого. Сама она не делала себя. — Спросили они: к чему она нам? Пускай же молчит, не заговаривает, ведь она будет вождем, ибо она родила змею. — Сказала она: оставьте меня, я не буду повторяться. Я увидела, что вы меня приняли так из-за того, что я родила зверя. Они замолчали.

Змея оставалась в воде. Дитя сбросило кожу змеи; оно высунуло руку вперед, будучи мальчиком; он сбросил кожу

имен. Появилось множество мальчиков, следуя в порядке рождения. Все целиком порождение их матери. — Заговорил Нхлату-йесизоба,⁸² сказал он, Нтомби-птомби,⁸³ мы родные. Они оставались в пруду. — Сказал он: выйдем, выберемся наверх. Они вышли из воды. — Сказал он: направимся домой. Их было десять: пять мальчиков, девочек тоже пять.

Они направились к старому селению. — Сказали они: поищем кости быков. Они нашли десяток костей. — Сказали они: приведем их в порядок, сделаем быков. Они сложили их вместе, они подняли быков. — Сказали они: влезем же на них. Бык Нхлату-йесизоба был Мпенгемпе.⁸⁴ — Заговорил мальчик, сказал он: кричи же, как всегда Мпенгемпе. Мы ищем нашу мать. Она родила и бросила нас; мы ели землю и росли. Мы дети Бундубундуабалуваме.⁸⁵ Они все отправились, влезши на быков. Они миновали селение.

Сказал вождь Нхлату-йесизоба, сказал он: вернемся; не будем проходить мимо селения. Закричал бык. — Сказал вождь: кричи же, как всегда Мпенгемпе. Мы ищем нашу мать. Она родила, она бросила нас; мы ели землю и росли. Мы дети Бундубундуабалуваме. — Сказали люди: проходите дальше.

Они пошли и пришли в селение. Они встретили возвратившийся скот. Его сестра ударила быка. — Сказала она: кричи, как всегда. Мы ищем нашу мать. Она родила, она бросила нас. Мы ели землю и росли. Мы дети Бундубундуабалуваме. — Сказали люди: проходите дальше.

Они пришли в селение Кузангуе.⁸⁶ — Спросили люди: чьи вы? — Ответили они: мы дети Нхлангунхлангу. — Спросили люди: где вы пребывали? — Ответили они: — мы пребывали в воде. Они ударили быка. — Сказали они: кричи же, как всегда, Мпенгемпе. Мы ищем нашу мать. Она родила и бросила нас; мы ели землю и росли. Мы дети Бундубундуабалуваме. — Сказали они: мы ищем нашу мать. Она родила и бросила нас; мы ели землю и росли. — Сказали люди: проходите дальше.

Они пришли в селение, где была рождена их мать; они остановились у входа; ударили быка и сказали: кричи, как

всегда, Мпенгемпе. Мы ищем нашу мать. Она родила и бросила нас; мы ели землю и росли. Мы дети Бундубундуабалувуме. Из дома вышла старуха и сказала: слышите ли вы это? Разве мое дитя не родило зверя, брошенного? Было сказано: ударьте снова. Они ударили и сказали: кричи же как всегда, Мпенгемпе. Мы ищем нашу мать. Она родила и бросила нас; мы ели землю, мы росли. Мы дети Бундубундуабалувуме.

Было сказано им: слезайте на землю. Они отказались. Были остановлены быки, схвачены два быка; спросили, сказали: чьи вы? — Ответили дети: мы дети Нхлангунхлангу. — Было сказано: где вы пребывали? — Ответили они: мать наша родила змею. Было приказано выбросить ее. Наша мать была оставлена в старом селении. Было сказано, что она опять родит другое навождение. Ушли, а она была оставлена. — Спросили, сказали: где ваша мать была рождена девочкой? — Ответил мальчик: у Бундубундуабалувуме. — Выступила их бабушка, сказала она: это о моем дитя, которое родило змею, говорилось: она родит вождя. Она родила зверя. И они бросили ее.

Множество быков было зарезано; собрались люди; говорилось, придите посмотреть на детей, вышедших из змеи. — Говорилось: пусть им покажут дорогу. Им показали дорогу. Они встретились с людьми. — Спросили люди: чьи это дети? — Было сказано: они Нхлангунхлангу. Они пошли мимо. Встретились они с людьми. — Спросили люди: чьи это дети? Они шли со старухой, родившей их мать. — Было спрошено: где они пребывали? — Было отвечено: они пребывали в пруду. Где они находились? было отвечено: они были в змее. — Спросили они: это они и есть, о которых говорил Нхлангунхлангу, что они обернулись зверями? Люди указали им селение Нхлангунхлангу. Они пошли прямо к нему. Они пришли домой. — Было сказано: выйдите, посмотрите на прекрасных детей. Похоже, что они были рождены одним человеком. Они встали у входа. Вышла их мать. — Они ударили быка и сказали: кричи, как всегда, Мпенгемпе. Мы ищем нашу мать. Она родила и бросила

но; мы ели землю и росли. Мы дети Бундубундуабалу-
нуме.

Закричала их мать, сказала она: эти люди меня разди-
рают.— Сказала она: похоже что они говорили обо мне
и поминали прозвище моей матери.— Было сказано: по-
вторите с ним.— Дети ударили быка и сказали: кричи же,
как всегда, Мпенгемпе. Мы ищем нашу мать. Она родила
и бросила нас; мы ели землю и росли. Мы дети Бундубун-
дуабалувуме.

Были собраны люди, был позван вождь, было сказано,
чтобы он пришел посмотреть. Пришел вождь и сел на землю.—
Сказали люди: вождь приказывает, ударьте быка. Бык закри-
чал.— Сказали они: кричи же, как всегда, Мпенгемпе. Мы
ищем нашу мать. Она родила и бросила нас. Мы ели землю
и росли. Мы дети Бундубундуабалувуме.

Была спрошена бабушка, было сказано: раз ты идешь
с этими детьми, то где ты их взяла?— Ответила она: когда
они пришли, то были спрошены, откуда они явились. Они
ответили, что явились из заводи. Было спрошено: были ли
они брошены в заводь? Они ответили: то была змея. Спро-
сили: кто был ваш отец?— Сказали: они Нхлангунхлангу.—
Спросили: видели ли вы, что вы были змеей?— Ответили
они: мы видели.— Спросили: кем вы были рождены?—
Ответили они: мы были рождены такой-то.— Было сказано:
слезайте с быков. Они отказались.

Спросил вождь: вы хорошо знаете, что ваш отец Нхлан-
гунхлангу?— Ответили они: мы хорошо знаем.— Спросили
люди: ваша мать не имеет других детей?— Ответили: не
имеет.— Спросили они: Сколько раз ваша мать рожала?—
Ответили они: рожала один раз и родила змею.— Спросили
они: что за змею?— Ответили они: Нхлату.— Спросили они:
когда она была рождена, куда ее положили?— Ответили
они: она была рождена и брошена в заводь.— Спросили они:
сколько месяцев она была беременна?— Ответили они:
много месяцев.— Спросили они: ваша мать не была ли
беременна вместе с другими?— Ответили они: она была
беременна вместе с другими; под конец они родили, они

обогнали ее. Потом они опять снова забеременели другими и опять ее обогнали. Наконец они родили множество, а наша мать все была беременна. Наконец она сбросила кожу и родила Нхлату. Змея рождалась много дней; она наполнила дом и женщины выбежали наружу. Кричали, спрашивали: жива ли она? — Ответила она: я жива. Было спрошено: змея еще не кончилась? Ответила она: она кончилась. Заставили человека войти в дом, он сказал, чтобы они бросили ему кол, чтобы ему отыскать голову; он развернул змею и сказал: вот я увидел голову. Сказал он: бросьте мне и веревку. Он обвязал ее за шею.

Было спрошено: вы все это слышали? — Ответил Нхлату-йесизоба: я слышал, но я не видел. Было спрошено: как ты слышал? — Ответил он: я слышал разговор. — Спросили они: кто говорил? — Ответил он: говорил Нхлангунхлангу. — Спросили они: куда он приказал бросить змею? — Ответил он: бросить ее в заводь. — Было спрошено: видел ли ты людей, поднимающих змею? — Ответил он: я почувствовал. Спросили они: они подняли ее вверх? — Ответил он: они протащили ее по земле и бросили ее в заводь. — Спросили они: ты видел их? — Ответил он: я почувствовал. — Спросили они: хорошо, но как же ты вышел? — Ответил он: я вылез наверх. — Спросили они: как же ты вылез наверх? — Ответил он: я высунул руку. — Спросили они: и что же ты сделал? — Я сбросил кожу. — Спросили они: как же проделал с кожей? — Ответил он: я ее содрал. — Спросили они: что появилось изнутри? — Ответил он: появился десяток людей. Они вставали, вылезая в порядке рождения. — Было спрошено: сколько людей? — Ответил он: десяток людей. — Было сказано: укажи на следовавшего за тобой? Он указал его. — Было сказано: и ты укажи следующего. Он его указал. — Было сказано: и ты укажи следующего. Он указал его. Так было со всеми ними.

Было сказано: укажи свою мать. Он указал свою мать. — Было спрошено: какой дом твоей матери? — Сказал он: вот этот у входа в селение. — Было спрошено: как это случилось, что дом твоей матери помещен у входа? — Отве-

тил он: это было сделано, чтобы огорчить, ибо она родила змею.

Приказал его отец, чтобы все племя согнало быков. Привели десяток быков. Приказали Нхлату-йесизоба спуститься. Он слез на-земь. Привели десяток быков; были они даны его сестре, которая родилась за ним. Она сошла на землю. Было сказано чтобы другие слезли, были розданы подарки.

Радовалась их мать. — Его отец взял Нхлату-йесизоба за руку и сказал: направимся в верхний дом. Нхлату-йесизоба отказался и сказал: я войду в дом моей матери. — Сказал его отец: дитя мое, что я могу поделать: дом ведь нижней части? — Сказал он: я вижу, что моя мать была угнетаема. — Сказал он: дитя мое, я ведь видел, что она родила зверя. Великая женщина была выгнана из верхней части где она жила, там другая великая женщина. — Сказал вождь: я так сделал, ибо она не рожала, а родила змею. Я говорил, что она та, которая родит вождя. И сказал он: сегодня явился мой вождь; все вы будете подвластны Нхлату-йесизоба.

Нхлату-йесизоба правил сам. Другие были его подчиненные. Его отец взял все, что было у него, он отдал ему. — Сказал он: все до мелочи будет мною отдано ему. — Сказал он: все мои люди будут его, и мое его.

Так кончилось.

Мамба

Был однажды один вождь, который имел много жен. Когда их стало много, он взял двух дочерей другого вождя. Одну девушку он поставил великой женщиной; но другая девушка была в большом горе, ибо и она желала быть великой женщиной. Когда за них была закончена выплата выкупа, они обе сплясали.

Случилось однажды, что все жены того вождя забеременели. Прочие родили, но великая женщина медлила рожать. — Когда стало известно, что она родила, вышла ее сестра, пошла к дому; она пришла и сказала: подайте дитя, чтобы я посмотрела на него. Они дали его. Она взяла его и впилась в него взором. И пока она его держала, дитя умерло. — Спросили все люди: как ты держала дитя? — Ответила она:

да нет. Как только я его взяла оно и умерло. Дивились все люди.

Наконец они снова забеременили и родили. Ее сестра взяла опять другое дитя и оно опять умерло. В конце концов умерло трое детей. Все домашние сказали: они были убиты ее сестрой.

Снова они забеременели. Сказала мать мужа: если бы твоя сестра не держала умерших детей, они не были бы мертвыми. Но раз ты даешь их ей, она их убивает.

Она снова родила, не говоря никому, что она родит. На утро все люди узнали, что она родила. Они пошли посмотреть дитя. — Они пришли и сказали: дай нам посмотреть дитя. — Сказала она: ну нет. Сегодня я не родила дитя; я родила лишь зверя. — Спросили они: какого зверя? — Ответила она: змею-мамба. — Сказали они: покажи его, дай нам посмотреть. Она показала его. Они дивились, ибо видели змею-мамба.

Опять другая сестра родила мальчика. Она радовалась, ибо сама родила человека, а та родила: лишь змею. Оба дитя выросли. — Сказал вождь: эти мои дети, имя одного Мамба, другого Нсимба.⁸⁷ Оба росли. Но Мамба передвигался лишь на животе.

Когда она родила Мамба, тот вырос не умерев; говорили люди: посмотрите же, ведь это дитя не умерло, потому что оно змея. Прочие были убиты матерью Нсимба, желавшей, чтобы правил Нсимба.

Но отец Нсимба сказал: если вы знаете зелье, которым убиты дети, дайте его мне, чтобы я его подержал, я подержал ее самою моими руками, и она сама умрет; ибо вы говорите: она трогала руками детей и они умерли. Я сам вижу, что дети человеческие умирают; но змея не умирает. Сам я тоже не знаю, были ли они убиты?

Случилось, когда они выросли, пришли девушки выбирать жениха. Когда их спросили: кого вы пришли сватать? — ответили они: Нсимба. Другие пришли сватать Мамба. — Но, когда увидели что он змея, они убежали, говоря: мы думали, что он человек.

Его отец был очень опечален, ибо любил Мамба. Но все девушки боялись Мамба, ибо он был змеей. — Сказал его отец: и тебя Нсимба не выберут в женихи, пока не выберут Мамба; ибо он самый главный. Но Нсимба засмеялся, видя что девушки отвергли Мамба. — Спросил Нсимба: ради девушки отвергают Мамба, меня же они любят, то что же будет? — И сказала мать Мамба: твой отец просто смеется, ты Нсимба. Разве есть такой человек, которому запретили бы жениться, из-за того, что он соперничает с уродом?

После этого случилось, что пришли девушки, явившиеся из другой страны, они пришли выбрать жениха; одна сопровождала другую. Были они спрошены, кого они пришли выбирать в женихи. — Ответила девушка: Нсимба. Были они введены в дом. Отец согласился, чтобы был выбран в женихи Нсимба.

Были зарезаны быки, собралось множество народу, ибо брали в женихи дитя вождя. Вечером пришло множество юношей избирать девушек. Когда вошли юноши, вошел и Мамба. И все девушки, крича, убежали в глубь дома. — Сказал вождь: скажите им, чтобы они не смели убежать, ибо это мое дитя. — Сказали люди бывшие в доме: сядьте на землю; не смейте убежать, ибо это дитя вождя. Мамба взял свою дыновку и сел на нее. — Спросили девушки: но как случилось с ним, что он стал змеей? — Сказали люди: его мать теряла детей, под конец она родила его. Они очень дивились.

Выбирались юноши девушками; избрали девушки. И сестра невесты выбрала Мамба. Но Нсимба не хотел, чтобы его, свояченица выбрала Мамба, желая быть выбранным сам. — Люди снова спросили, сказали они: ты кого выбираешь? — Ответила девушка: мною избирается Мамба. И спросили юноши: не Нсимба? — Ответила девушка: нет, Мамба. Спросили юноши: не Нсимба? — Ответила девушка: нет, Мамба. — Сказал Нсимба: никогда не видел подобного, оставьте же ее, ибо хоть она сама выбрала Мамба, она его отвергнет, ибо он змея.

Спросил Нсимба: кто вы такие, как вас зовут? — Ответили девушки: та, которая пришла выбирать жениха, имя ее Нхламву-йобухлалу. Та, которая ее сестра, имя ее Нхламву-йетуси.⁸⁸ Но Нсимбе не очень нравилась Нхламву-йобухлалу, ему нравилась Нхламву-йетуси.

Когда девушки закончили выбирать, удалился Нсимба, пошел он в свой дом для молодых и Мамба пошел в свой дом для молодых. — Сказали юноши: возьмем и отведем невесту в дом для молодых Нсимбы. Пошла Нхламву-йобухлалу. Сказали они Нхламву-йетуси, чтобы она пошла в дом для молодых Мамбы. Она пошла, пришла, вошла и села на лавку. Она увидела Мамба, сидящего на своей циновке, там в доме для молодых Мамбы сидела и сестра Мамбы. — Сказала сестра Мамбы: раз девушки выбрали, а ты сама выбрала змею, согласна ли ты быть его женой? — Засмеялась Нхламву-йетуси, спросила она: говорят он ест людей? — Сказал Мамба: есть ли человек, который выбрал бы змею? — Сказала Нхламву-йетуси: раз ты не ешь людей, почему ты съешь меня?

Та девушка вышла. — Сказал Мамба: встань, закрой дверь. — Спросила Нхламву-йетуси: почему ты сам не закроешь? — Сказал Мамба: у меня нет рук, чтобы закрыть. — Спросила Нхламву-йетуси: кем же ежедневно она закрывается? — Ответил Мамба: закрывает мальчик, спящий со мной. — Спросила Нхламву-йетуси: но где он сегодня? — Ответил Мамба: он ушел из-за тебя, моя любимая. Поднялась Нхламву-йетуси и закрыла дверь.

Сказал Мамба: постели мне циновку. — Спросила Нхламву-йетуси: кто тебе постигает циновку ежедневно? — Ответил Мамба: мой мальчик. Поднялась Нхламву-йетуси и расстелила ему циновку.

Сказал он: возьми тыкву с салом, натри меня; тогда я буду хорошо спать. — Сказала Нхламву-йетуси: я боюсь трогать змею. Рассмеялся Мамба. Они легли.

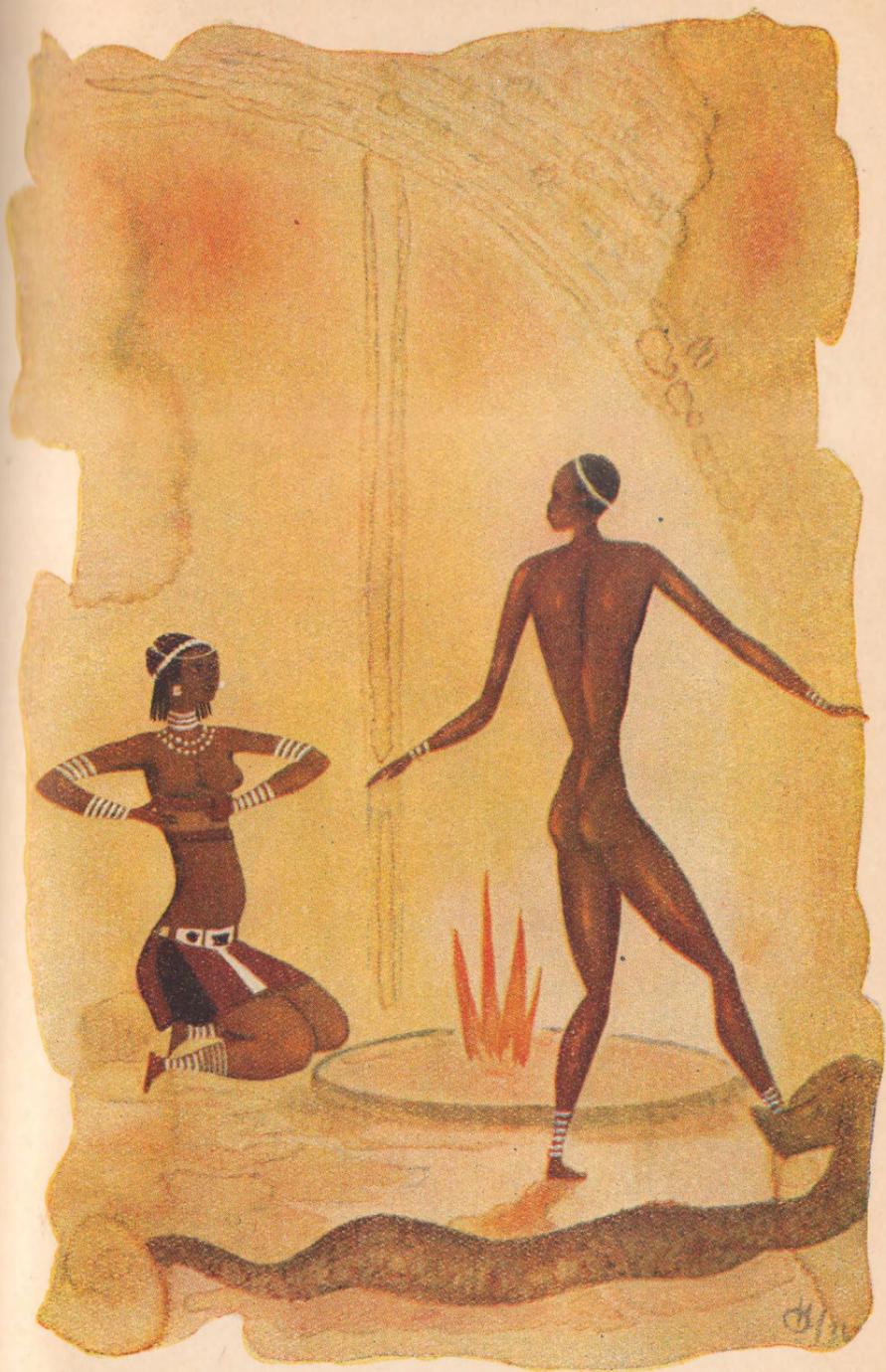
Утром они встали; а все домашние дивились, ибо они думали: нам не приходилось видеть такое смелое дитя, которое бы спало со змеей в доме.

На утро мать Мамбы отобрала очень вкусную еду, приготовила ее и снесла ее девушке, разговаривая сама с собою, говоря: если бы я родила настоящего человека, он бы женился на этом дитя народа.

Когда стемнело, они снова пошли спать; вошла и та девушка; они сели с ней и опять она вышла. — Сказал Мамба: пойди закрой дверь. Нхламву-йетуси встала и пошла закрыть. — Сказал Мамба: вот вчера ты отказалась меня натереть. Разве ты не видишь, что я с трудом передвигаюсь, я ведь передвигаюсь на животе? Мне приятно лежать, если я натерт; тогда мое тело делается мягким и мне приятно лежать. Помогите же мне, натрите меня сегодня. Я не ем человека; ведь мой мальчик натирал меня и я его не съел. Нхламву-йетуси взяла сало и взяла палку. — Сказал Мамба: нет; мое сало не берется на палку; оно просто выливается; оно жидкое. — Сказала Нхламву-йетуси: натрирайся сам; я не хочу тебя натирать. — Сказал Мамба: да нет, и не ем человека. Натрите же меня. Нхламву-йетуси взяла сало, она налила его себе на руки и натерла Мамба. Но когда она его натирала, то почувствовала, что тело змеи очень холодное и испугалась. — Сказал Мамба; да нет, натирай же меня; я не ем человека. Она оставила его, окончив натирать.

Мамба подождал немножко и сказал Нхламву-йетуси: схвати меня тут, помни меня крепко, вытяни меня, ибо тело мое скорчилось. — Но Нхламву-йетуси сказала: я боюсь. — Сказал Мамба: да нет, я ничего тебе не сделаю. Я не ем человека. Схватись за столб, смотри вглубь дома; не смотри на меня и тяни меня с силой; ибо мое передвижение меня беспокоит; поэтому я люблю чтобы, когда я лежу, кто-нибудь тянул бы меня. Нхламву-йетуси схватилась за столб, и потянула с силой. Она почувствовала, что кожа остается в ее руках. Она быстро отбросила ее и отскочила, думая: змея. Но когда она обернула взор, присмотрелась и увидела Мамба очень красивым, тело его блестяло. Она очень обрадовалась и спросила: что с тобою было?

Ответил Мамба: моя мать долго теряла детей, и говорили люди, что дети наши были убиты сестрою моей матери.

И случилось, что еще не родив меня, она пошла к своим, несла своему брату пойти поймать маленькую ядовитую змею и взять ее кожу. Когда я был рожден я был помещен в эту шкуру. И все наши не знали, что я человек; они думали, что верно змея, ибо моя мать не рассказывала, что я человек; и ты не рассказывай никому.

Спросила Нхламву-йетуси: в другие дни снимаешь ты эту шкуру? — Ответил Мамба: эхе, мой мальчик натирает меня салом и снимает с меня. Они легли.

На утро Нхламву-йетуси сказала: теперь я хочу вернуться домой. Были отобраны быки, два десятка. — Сказал Мамба: и я, отец мой, хочу отобрать два десятка, и пойти посватать эту девушку у ее отца. Его отец согласился; Мамба отправился со множеством скота и юношами сватать. Они пошли.

Когда они выходили из дому, Мамба сказал, чтобы взяли его сало; Нхламву-йетуси понесла его. Когда они были на возвышенности, Мамба пошел потихоньку сзади. Сказал он Нхламву-йетуси, чтобы и она шла тише. Все люди шли впереди, а они оба шли сзади. — Сказал Мамба: присядем, натри меня салом,ними кожу, ибо я чувствую себя плохо; трава меня колет, когда я передвигаюсь так на животе. Они сели; она натерла его салом и потянула его; кожа сошла. Мамба встал и пошел. Они пошли позади людей. Наконец, когда они подошли близко к людям, Мамба снова надел кожу.

Все они пришли домой, и вошли. Но люди оттуда убежали, испугавшись змеи. — Сказали они: вот дружки Нхламву-йобухлалу приходят со змеей. — Сказали девушки: не нужно так говорить, это жених Нхламву-йетуси. Дивились люди, говоря: как это она не боится, ведь это змея?

Им зарезали двух быков. Когда прикончили мясо, дружки возвратились к своим. Через некоторое время они послали человека, чтобы он ждал подружек. Были созваны подружки; было сварено пиво; было велено пойти и собрать подружек. Они пришли с ними.

На утро собралось множество народа, но некоторые смеялись, ибо Мамба не умел плясать, говоря: раз он змея,

то как он будет плясать? Вошли подружки и дружки и сияли невесте, девушки и мужчины их племени.

Когда подружки кончили плясать, пошли дружки наряжаться. Мамба вошел в свой дом для молодых, и его мальчик натер его салом, снял с него шкуру. — Сказал он: пойди, позови мою мать, чтобы она принесла мои вещи. Пришла его мать с его вещами. Мамба надел все свое и сказал мальчику: посмотри, вышел ли Нсимба из дому? — Ответил мальчик: эхе, он вышел.

Взял Мамба большую кожу, надел ее и вышел передвигаясь на животе. Когда все люди увидели его, то сказали они: теперь он очень велик, ибо натерт салом. Он пошел в загон для скота и сел на землю. Когда все дружки и подружки выстроились, Мамба извернулся, его мальчик подошел, схватил его за голову и стянул с него кожу. И все люди не могли глядеть на Мамбу из-за его сияния.

Нсимба ушел в свой дом для молодых в страхе, ибо он увидел что Мамба человек; он страшно разгневался. Все люди дивились, видя Мамба человеком. Они схватили его, спрашивая: давно это с тобой сделалось? Его отец запретил, чтобы плясали в этот день. — Сказал он: будут плясать завтра, ибо сегодня я хочу на него смотреть.

Тогда его мать радовалась, ибо ее дитя женилось. Вернулись в дома и сели. На утро плясали; но Нсимба тревожился, видя, что Мамба человек. Все остались, его отец страшно радовался, видя что Мамба человек. Мамба построил свое селение и поселился со множеством людей, которые хотели жить с ними. Когда он сплел себе головной обруч, он женился на многих женщинах. И жил с ними счастливо.

Нтомбияпанси

Был один вождь; он вскопал большое поле. Множество людей во-время ходили вскапывать это поле. А этот вождь имел лишь трех детей; старшего Сильване; другого Сильванеказана; и другого Нтомбияпанси. Но Сильване и Сильванеказана любили друг друга.⁸⁹

Случилось однажды, отправился Сильване, пошел он охотиться; он вернулся, неся леопарда, и сказал: это моя собака; дайте ей кислого молока, смешайте его с проваренным зерном, сделайте кашу; когда она остынет, дайте ей поесть; ибо она умрет, если вы ей дадите горячее. Они сделали, как он говорил.

Под конец он вырос; он сделался большой собакой; но люди очень боялись, ибо это был леопард, говоря: он съест

людей. — Говорили люди: Сильване делается колдуном. Говорили они: зачем он приручил леопарда, назвал его своей собакой?

Но Сильванеказана была огорчена, ибо слышала людей, которые говорили, что дитя из их дома делается колдуном, она подумала, говоря: вот как бы мне убить этого леопарда?

Случилось однажды, отправились все люди, пошли жать на поле вождя. Сам Сильване пошел к девушкам; Сильванеказана осталась одна. Утром она варила молоко пока оно закипело; она взяла вареное зерно и дала его собаке Сильване. Ел леопард, ел, и, когда он прикончил его, то умер, ибо еда была горячая.

В полдень пришел Сильване и увидел, что его собака умерла. — Спросил он: Сильванеказана, кем убита моя собака? — Ответила она: она съела горячее и умерла. — Сказал Сильване: зачем ты убила мою собаку? раз давно уже я говорил: не давайте ей горячее, она умрет.

Взял копые Сильване и сказал Сильванеказана: подними руку, чтобы я тебя поразил. — Сказала Сильванеказана: что я сделала? — Сказал он: ты убила мою собаку. — Ответила Сильванеказана: я ее убила, ибо люди говорили: он делается колдуном? — Сказал Сильване: ну нет! ты ее убила лишь потому, что не любила ее. — Сказал он: поторопись, подними руку, чтобы я тебя поразил. Но Сильванеказана смеялась, думая, что Сильване лишь смеется; но Сильване сильно рассердился, он схватил ее, поднял ей руку и поразил ее пониже подмышки.

Взял Сильване горшок и слил туда кровь Сильванеказана. Потом он ее хорошенько обтер, омыл, уложил ее на циновку; взял ее подушку и положил ее на подушку; прибрал ее голову, посыпал ее душистым порошком, надел ей повязку из бус на голову; надел ей повязки из бус на руки и ноги; натер ее жиром и покрыл ее одеялом. Было похоже, что она лишь спит.

Вышел Сильване, пошел он, поймал свою овцу; вернулся с ней и зарезал ее; он слил ее кровь туда, где была кровь Сильванеказана; он соединил их вместе. Он освеживал овцу,

вырезал легкое, сердце и печень; накрошил вместе с кишками и плевой; он сварил все вместе; когда разгорелся огонь, он положил на низ очага; вымылся и сел.

Когда солнце заходило, пришла Нтомбияпанси. Она пошла в дом своей матери и нашла Сильване сидящим, а Сильванеказана лежащей. — Сказал Сильване: возьми, вот тут кровяник, Нтомбияпанси, ешь. — Спросила Нтомбияпанси: почему спит Сильванеказана? — Ответил Сильване: не знаю. Так спит. — Спросила Нтомбияпанси: о, откуда появился этот кровяник? — Спросил Сильване: ты не видишь эту овцу? — Спросила Нтомбияпанси: почему она была зарезана? — Ответил Сильване: да просто зарезана.

И вышел Сильване, пошел к себе, пошел он посидеть там. Нтомбияпанси взяла кровяник; когда она собиралась поесть, явилась к ней огромная муха, подняла шум и сказала: бу! бу! дай мне, я расскажу тебе. Она отмахнула ее рукой. Когда она собиралась опять поесть, муха тотчас явилась и сказала: бу! бу! дай мне, я расскажу тебе. Когда она воротилась в третий раз, Нтомбияпанси закричала, сказала она: эй, Сильване! Эй Сильване! Вот тут муха, она говорит: бу! бу! чтобы я ей дала, она мне расскажет. — Сказал Сильване: убей ее; она обманывает тебя; не давай ей.

Снова Нтомбияпанси взяла кровяник; муха подняла страшный шум, сказала она: бу! бу! дай мне, я расскажу тебе. Она отмахнула ее рукой. Муха воротилась и опять сказала: бу! бу! дай мне, я расскажу тебе. — Когда муха опять воротилась в третий раз, она дала ей; муха слизнула и сказала: смотри, не ешь этот кровяник, ибо Сильване убил Сильванеказана. — Сказала она: она убита из-за его леопарда. Посмотри Сильванеказана умерла: это ее кровь, и леопард умер.

Тотчас встала Нтомбияпанси; взяла покрывало, которым была покрыта Сильванеказана, и приоткрыла ее: она увидела кровь, которая выходила пониже подмышки. Быстро выбежала Нтомбияпанси и побежала к своим отцам и матерям.⁹⁰ Когда она была в верхней части селения, вышел Сильване из дому и увидел Нтомбияпанси в верхней части селения.

— Позвал Сильване говоря: я тут Нтомбияпанси! куда ты идешь? Нтомбияпанси побежала быстро. Держа копье, преследовал ее Сильване, думая, что когда он ее схватит, то пронзит ее копьем.

Когда Сильване был очень близко, сказала Нтомбияпанси: раздайся земля, дай мне войти, ибо я сегодня умру. Раздалась земля и вошла Нтомбияпанси. Когда Сильване пришел туда, он искал, но не видел Нтомбияпанси там, где она скрылась; сказал Сильване: хау! хау! куда она скрылась, ведь я думал, когда я был там, что она здесь? Он не мог ее больше видеть. Сильване вернулся обратно.

Пошла Нтомбияпанси; когда стемнело, она легла, не выходя на землю. На утро она опять встала и пошла. Когда был самый полдень, она вышла на землю, пошла и встала на отроге горы, закричала она, говоря: будет один плач, печаль этот год; Сильванеказана была убита Сильване; он говорит: она убила Нгоменде⁹¹ вождя. — Сказала старуха, бывшая там на поле вождя: похоже на кричащего издалека, говорящего: Сильванеказана убита Сильване, она убила Нгоменде вождя. — Приказал вождь: схватите старуху, бросьте за межу. Люди схватили старуху, убили ее и бросили ее на межу; ибо они говорили: она накликает несчастье на дитя вождя.

Снова прошла мимо того места Нтомбияпанси, она пришла на другой склон горы и сказала: будет один плач, печаль этот год. Сильванеказана была убита Сильване; он говорит, она убила Нгоменде вождя. — Сказал старик: кто-то кричит издалека; похоже он говорит: будет один плач, печаль этот год. Сильванеказана была убита Сильване; он говорит: она убила Нгоменде вождя. — Приказал вождь: схватите его, бросьте прочь за межу. Люди схватили старика и бросили его на межу.

Тогда опять Нтомбияпанси перешла на другое место, подошла к ним близко и закричала, говоря: будет один плач, печаль этот год. Сильванеказана была убита Сильване; он говорит: она убила Нгоменде вождя. — Когда все люди услышали ее слова, они закричали, побежали к ней и спро-

сили: что ты говоришь? — Ответила она: Сильванеказана была убита Сильване; он говорит: она убила Нгоменде вождя.

Все люди вернулись домой. Они пришли и Сильване побежал; они позвали его и сказали: вернись, ты думаешь, что тут все люди умрут? — Ты не будешь убит. Сильване вернулся и вошел в дом. Они схватили его, связали и сказали: что с ним будет сделано? — Сказал вождь: закройте вход, подожгите хижину, чтобы все мы трое сгорели. Но ты сама, Нтомбияпанси иди к твоей сестре, иди жить там; ибо я сам и твоя мать сгорим вместе с домом; ибо мы не желаем жить, раз Сильванеказана умерла, и мы умрем за одно с ней.

Сказал Сильване: меня, меня вы не жгите с домом; пронзите меня копьем. — Сказал вождь: ну нет, дитя мое; я заставлю тебя познать страшно сильные мучения, ибо ты убил дитя мое.

Спросила Нтомбияпанси: с кем я пойду? — Сказал ее отец: возьми твоего быка, влезь на него и отправляйся. Когда ты будешь там наверху на перевале, ты услышишь страшный шум пожара селения; не смотри назад, лишь иди дальше.

Отправилась она, взобравшись на быка. Когда она была на перевале, услышала она шум огня. — Заплакала она, говоря: верно это большой шум оттого, что горят моя мать и мой отец. Она пошла и пришла к большой реке. — Когда она пришла, появилась ящерица; сказала она: сестрица, Нтомбияпанси, спустись сюда с твоего быка, дай мне влезть, дай мне посмотреть, подойдет ли мне это? — Ответила она: ну нет, я не хочу слезать. — Спросила ящерица: почему? — Но Нтомбияпанси знала вперед, что ящерица появится там; ибо ее мать рассказала ей, сказала она: если бык наступит на камень, выйдет там ящерица. И поэтому она боялась слезать с быка. — Тогда она сказала: отойди, пропусти меня. — Сказала ящерица: хау! одолжи мне, дай мне посмотреть, подойдет ли мне это? — Она слезла. — Сказала ящерица: дай твои вещи мне одеться, дай мне посмотреть,

не подойдут ли они мне? — Она дала ей все вещи. — Ящерица оделась, влезла на вола и сказала: ой, как они мне подходят!

Сказала Нтомбияпанси; слезай же, отдай мои вещи, дай мне влезть. — Сказала ящерица: я не хочу; зачем ты мне одолжила? — Ответила она: — ты сама сказала, чтобы я тебе одолжила. — Сказала ящерица: я не хочу. Сказала ящерица: перепрыгнем здесь по камням и посмотрим, кто будет с мокрыми ногами. — Ящерица перепрыгнула, но Нтомбияпанси шла по воде, ибо она ни на что не влезала.

Когда они перешли на другую сторону, сказала ящерица: это твои ноги мокрые; теперь имя твое Силауезинжа. Я же теперь Нтомбияпанси. Но Нтомбияпанси ничего не ответила, она лишь промолчала. Двигалась ящерица, взобравшись на быка, а позади шла Нтомбияпанси.

Наконец они пришли туда, куда была посватана сестра Нтомбияпанси. Они вошли в селение, поднялись и пошли в верхнюю часть. Ящерица пришла и вошла, с ней вошла Нтомбияпанси. — Сказала ящерица: не смей входить. Подержи моего быка. Нтомбияпанси взяла его; ящерица села.

Спросила сестра Нтомбияпанси; сказала она: кто ты? — Ответила ящерица: я твое дитя. Хау! ты не узнаешь меня? — Сказала она: ну нет; я тебя не узнаю; ибо наше дитя я оставила маленьким; я знаю лишь одно ее имя. А потом ее тело блестело, ибо она была как медь. — Сказала ящерица: я была сильно больна. Имя мое Нтомбияпанси. Конечно с моим телом, которое было как медь. — Закричала ее сестра: хау! и это наше дитя?

Сказала ее сестра: а та, которая у входа, откуда она появилась? — Сказала ящерица: лишь вещь; я достала ее тут у реки, она лишь шла по земле. — Спросила сестра: дай мне тебе еду? — Ответила ящерица: конечно; я проголодалась. Она дала ей кашу. Она поела. — Сказала она: позови того человека, чтобы я ему дала; вот тут есть сыворотка. — Сказала ящерица: дай ей там, у входа. — Сказал ее муж: ну нет, не нужно давать человеку сваружи; введи его в дом,

пусть ест здесь. — Сестра позвала его и спросила: как его имя? — Ответила ящерица: Силауезинжа.⁹² — Сказала сестра: пойдя, поешь Силауезинжа.

Она вошла в дом, ее сестра взяла детский горшок и дала ей в нем сыворотки. Сказала ящерица: нет! нет! не нужно давать ей в детском горшке твоего дитя, налей ей прямо на землю, пусть ест там. — Сказал ее муж: ну нет, не нужно человеку лить на землю, налей ей в руки. Ее сестра зачерпнула ложкой и налила ей. — Но Нтомбияпанси охватила столб своими руками и ее сестра налила ей; когда та кончила наливать, Нтомбияпанси разъединила руки и разлила кислое молоко; заворчала ее сестра, сказала она: как это я налила тебе кислое молоко, а ты его разлила? — Ответила Нтомбияпанси: это случилось, ибо я сложила руки, обхватив столб. Ее сестра дала ей свареного зерна и она поела. Они легли.

Наутро сказала сестра Нтомбияпанси: я беспокоюсь, ибо нет человека, который сторожил бы за меня; птицы тревожат меня на моем поле. — Сказала ящерица: вот же Силауезинжа; пусть она пойдет с теми, которые сторожат, чтобы сторожить для тебя. — Сказала сестра: иди же. Нтомбияпанси пошла вместе с Далана.⁹³

Когда они вышли из селения, Нтомбияпанси остановилась и сказала: ты проходи, Далана. Далана прошла вперед; они пошли и пришли на поля. Далана пошла на поле своих, наверх, а то, которое сторожила Нтомбияпанси, было внизу, сторожки смотрели друг на друга. Птиц было великое множество; они явились, когда пришли девушки. Далана бросила в них и сказала: вот они Силауезинжа. — Сказала Нтомбияпанси: тайи, тайи, птицы, которые едят поле моей сестры, хоть она наверно не моя сестра, раз я Силауезинжа. Я совсем не была Силауезинжа, я была Нтомбияпанси. После ее слов, тотчас исчезли птицы. Они пробыли весь день и птиц не было. И сильно дивилась Далана, видя что нет птиц, а они ей страшно досаждали все дни.

Когда было далеко за полдень, сказала Нтомбияпанси: побросай за меня, Далана, а я пойду купаться. Она пошла

к реке: пришла и вошла на середину заводи, она купалась: когда она вышла, держа свой медный посох, все ее тело сияло медью. — Она ударила по земле, и сказала: выходите все, люди моего отца и скот моего отца, и пища моя. Вышло множество людей, скот и пища ее. Она поела. Вышел ее бык, она влезла на него и сказала она:

На выгоне скота моего отца пели мы э-а-йе;

С белохвостыми быками пели мы э-а-йе.

Присоединились все люди с рощами деревьев и подтянули ее песню. — Когда все это окончилось, Нтомбияпанси слезла со своего быка; она ударила своим посохом по земле и сказала: разделись земля, чтобы вошли вещи и люди моего отца. И верно, земля разделилась, вошли все вещи и люди.

Опять она взяла черной земли, натерла себе ею тело и сделалась такой, какой была. Она поднялась, пошла на поле и вошла в сторожку. — Спросила она: давно были здесь птицы? — Ответила Далана: ау! старейшины! видит ли она, что я была брошена одна со множеством птиц? Пока они разговаривали явилась большая стая птиц. — Сказала Далана: вот они, Силауезинжа. — Сказала Нтомбияпанси: тайи, тайи, вы, птицы, пожирающие поле моей сестры. Хоть она наверно не моя сестра, раз я Силауезинжа; я совершенно не была Силауезинжа; я была Нтомбияпанси. После ее слов тотчас исчезли птицы.

Но Далана очень дивилась этим ее словам и сказала: эй, что ты говоришь, Силауезинжа? — Ответила Нтомбияпанси: ничего я не говорю. — Слезла Далана со своей сторожки, пошла к сторожке Нтомбияпанси и спросила: хау! где ты ела Силауезинжа? — Спросила Нтомбияпанси, почему ты спрашиваешь? — Ответила она: я спрашиваю, ибо я не вижу остатков сахарного тростника, где ты ела. — Ответила Нтомбияпанси: я просто съела.

Солнце зашло, они опять пошли домой. Они пришли, спросил вождь и сказал: были там птицы, Силауезинжа? — Ответила Нтомбияпанси: эхе, было великое множество.

— Сказала ящерица: это с ней всегда. Силауезинжа будет так сидеть на земле, пока поле не будет съедено птицами.

И когда оно кончится, она скажет, что ей досаждали птицы. Они расположились, они легли.

На утро они отправились и пошли сторожить. Когда они были у входа в селение, остановилась Нтомбияпанси и сказала: проходи. — Сказала Далана: хау! что будет с тобою, если ты пройдешь? Ведь все дни я иду впереди. Но Нтомбияпанси боялась итти впереди, ибо роса смыла бы ту черноту, которой она натерла тело, чтобы медь не блестела и люди не узнали ее. Далана прошла вперед. Они пришли на поля и сели. — Сказала Далана: вот они, Силауезинжа. — Сказала Нтомбияпанси: тайи, тайи, вы, птицы, пожирающие поле моей сестры; хоть она наверно не моя сестра; но она была моей сестрой.

Сказала Нтомбияпанси: оставайся, посмотри Далана; я иду купаться. Она пошла. Когда Нтомбияпанси отправилась, Далана последовала за ней и пришла к реке вместе с ней. Нтомбияпанси пришла, вошла в заводь, она вышла, держа свой медный посох, тело ее блестело. Дивилась Далана, видя это. Но Нтомбияпанси не видела Далана, ибо та спряталась. — Нтомбияпанси взяла свой посох, ударила по земле и сказала: разделись земля, дай мне увидеть вещи моего отца, дай выйти всем людям моего отца, и моим вещам и скоту. Вышло все это согласно ее речению. Появилась и еда; она поела. Она взяла свой передник, украшенный бусами; надела его и влезла на своего быка, разодевшись. Сказала она:

На выгоне скота моего отца пели мы э-а-йе;

С белохвостыми быками пели мы э-а-йе.

Присоединились все люди вместе с рощами деревьев, подтянули ее песню. Далана испугалась; она задрожала, ибо было так, как если бы земля сотрясалась.

Когда Нтомбияпанси слезала с быка, Далана вернулась наперед, она первая пришла на поле. — Нтомбияпанси сказала: пусть исчезнет все это в землю. Все исчезло. Она обмазала чернотой свое тело, вернулась и пошла на поле. Она пришла и спросила: давно были здесь птицы, Далана? — Ответила Далана: почему ты долго пребывала на реке? —

Отвѣтила Нтомбияпанси: разве ты не видишь, что я не могу тотчас вымыться, ведь тело мое скверное, очень черное?

Поднялась Далана, пошла к сторожке, где была Нтомбияпанси, и села около нее, осматривая все ее тело; но она не видела на нем блестящего места. Дивилась она, чем это та обмазалась.

Явился на поле вождь и сказал: здравствуй Силауезинжа: птицы здесь? — Отвѣтила она: да вождь, они здесь. Нтомбияпанси спустилась со сторожки, она испугалась, ибо вождь был наверху сторожки. — Спросил вождь: чего ты спустилась Силауезинжа? — Отвѣтила она: да нет, я просто так спустилась, вождь. Вождь спустился и пошел домой. Они вернулись с Нтомбияпанси. Они пришли, поели и легли.

Когда стемнело, Далана пошла к вождю и сказала: вождь, встань рано утром, пойди, побудь в моей сторожке, когда в полдень Силауезинжа пойдет купаться, последуем за ней. Ты увидишь, ее тело блестит. Она выходит со своим медным посохом из середины заводи и ударяет им по земле, говоря: разделись земля, пусть выйдут все вещи моего отца. Выходят и скот, и люди и еда, и все вещи ее для украшения. Она влезет на своего быка, присоединятся, подтянут ее песню люди и скот и роши; все присоединятся к ней. — Спросил вождь: и если я пойду утром, увижу я это? — Отвѣтила Далана: конечно, вождь, ты увидишь ее. Они легли.

Когда утром вождь встал, он пошел к сторожке Далана. Среди бела дня пошла Далана и Нтомбияпанси. Когда они были у входа в селение, сказала Нтомбияпанси: проходи ты, Далана. — Спросила Далана: почему ты сама не идешь впереди? Почему ты боишься идти впереди? — Далана пошла вперед и пошла. — Сказала Нтомбияпанси: хай! как это сегодня нет росы? — Отвѣтила Далана: может быть потому, что прошла антилопа. — Сказала Нтомбияпанси: но почему росы стерто так много?

Они пошли и пришли на поля. Они сели. Явились птицы. — Сказала Далана: вот они, Силауезинжа. Она пугнула их, как все люди; но они не поднялись и очень их

тревожили. — Спросил вождь: почему это птицы так вас тревожили сегодня? — Сказала Далана: в другие дни Силауезинжа пугала их по другому. Но сегодня я не знаю почему она спускает.

И тогда спросила Далана: почему это сегодня ты не идешь купаться? — Ответила она: да нет, я не хочу сегодня. Но Нтомбияпанси почувала, что там на полях человек, видя что нет росы. Наконец солнце зашло. Вождь слез со сторожки и пошел домой. За ним вернулись они с Нтомбияпанси.

Когда они явились домой, сказала Нтомбияпанси: нас тревожат птицы. — Сказала ее сестра: зорко смотри за птицами, Силауезинжа, чтобы они не истребили мое зерно. Они легли.

На утро вождь вышел, пошел другой троей, пришел на поля и спрятался посреди злаков. Когда настал день, пошли они с Даланой, пошли они сторожить. Они подошли к входу в селение и Нтомбияпанси сказала: проходи. — Сказала Далана: ну нет, я не хочу. Пройди сама. Нтомбияпанси прошла. Когда они шли, Нтомбияпанси посмотрела на свои ноги и увидела, что роса начала счищать черноту. Она отказалась идти и сказала: проходи, Далана. Далана прошла вперед. Они пришли на поля. — Спросила Далана: и сегодня ты не пойдешь купаться? — Ответила она: я пойду. Нтомбияпанси спустилась со сторожки и пошла к сторожке Далана; она пришла и села там. — Явились птицы; сказала Далана: пугни их, Силауезинжа. — Сказала Нтомбияпанси: тайи, тайи, вы, птицы, пожирающие поле моей сестры; хоть она наверно не моя сестра; раз я сделалась Силауезинжа; я совсем не была Силауезинжа; я была Нтомбияпанси. Птицы тотчас исчезли. А вождь дивился, видя это.

В полдень сказала Нтомбияпанси: Далана, я сейчас пойду купаться; посторожи за меня птиц на поле. Пошла Нтомбияпанси. Она пришла на реку. Но и вождь пошел с Далана. Они пришли на реку и спрятались в роще. Нтомбияпанси вошла в воду заводи; она вышла с посохом и тело ее блестело, как медь; она ударила им о землю и сказала;

разделись, земля, чтобы вышли вещи моего отца, и люди моего отца, и скот моего отца, и вещи мои. Все они вышли и ее еда. Она поела, надела свой передник, надела свои вещи, влезла на своего быка и сказала:

На выгоне скота моего отца пели мы э-а-йе;

С белохвостыми быками пели мы э-а-йе;

С краснохвостыми быками пели мы э-а-йе.

Присоединились все люди и рожи.

И дивился вождь, видя это. — Сказал он Далане: я сам выйду, чтобы схватить ее, чтобы она опять не могла сокрыться. Далана согласилась. Когда все вещи исчезли, появился вождь. Увидев вождя, Нтомбияпанси очень испугалась. — Сказал вождь: не надо бояться, моя свояченица. Ибо долгое время ты была в тревоге, раз пришла сюда, ты сокрылась.

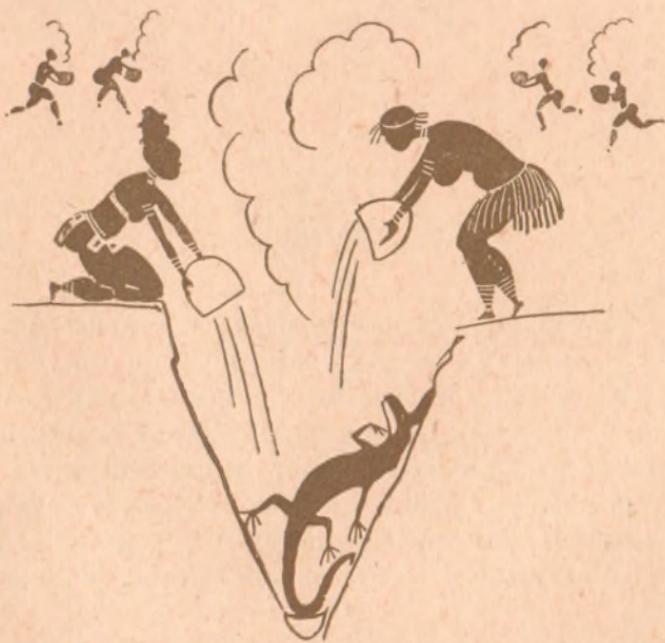
Вождь взял ее и вернулся с ней и Даланой на поле. — Сказал вождь: когда сильно стемнеет, возвращайся с ней, Далана, помести ее в свой дом; я сам приду с ее сестрой, когда вы будете дома. Вождь вернулся, пошел домой. Когда стемнело, они явились с Даланой и вошли в ее дом. Пришел вождь, он позвал ее сестру. Они вошли в хижину и он показал ей Нтомбияпанси. — Закричала ее сестра, говоря: давно я говорила, я спрашивала, как это ее тело не блестит? Они спросили саму Нтомбияпанси, что это такое. Она им рассказала, что это ящерица; она им открыла все, что она сделала с ней.

Сказал вождь; иди Далана, скажи мальчикам, чтобы они утром встали и выкопали в загоне для скота глубокую яму; чтобы женщины вскипятят воду рано утром. Все это Далана сказала им. Они легли.

Рано утром встали мальчики и выкопали глубокую яму; было налито в горшок молоко; на веревке спустили его в яму. — Сказал вождь: идите, скажите всем женщинам, и невесте чтобы шли сюда. Они все были созваны и явились. Было приказано: все прыгайте через яму. Ящерица сказала, что она боится прыгать. — Сказал вождь: ну нет, прыгай и ты. Ящерица отказалась. — Взорвался вождь от гнева,

сказал он: прыгай, прыгай тотчас. Прыгали другие женщины; но когда и ящерица прыгала, ее хвост увидел молоко, он вошел внутрь (ямы), он быстро бросился. — Было приказано женщинам: бегите, возьмите кипящей воды и лейте внутрь. Они взяли и налили воду внутрь ямы. Ящерица обварилась. Люди засыпали ее в яме.

Тогда вождь рассказал людям, сказал он: пойдите, расскажите всему племени, скажите, пусть они придут сюда; меня женят; явилась моя свояченица. Было рассказано всему племени и оно явилось. Вошли подружки. Нтомбия-ананси танцевала со своими. Она жила, радуясь, со своей сестрой. Были зарезаны быки, они ели мясо. Все они жили прекрасно вместе.

Кашана

Случилось, Кашана проснулся, чтобы итти охотиться со своими собаками; он поднял антилопу; собаки погнажи ее; она вошла в нору, и собаки вошли, и он вошел. Он следовал, следовал за ней, пока не пришел к нижним людям, туда, где они живут. Он увидел скот; он пришел к дойке. — Сказал он: однако здесь живут, ибо говорят, что тот скот, который мы режем, говорят, что он переходит в собственность нижних, он опять восстает.

И люди сказали: кем наша собака гонится? — Сказали они, посмотрев: а, вот тут человек. Кашана встретился со своими друзьями. — Сказали они: иди домой! Не оставайся тут. И он вернулся домой.

Прошли дни его дома; когда люди говорили: «куда ушел этот человек? он умер», они увидели его приходящим. И спросили они: откуда являешься ты? — Ответил он: я следовал за дичью, она шла пока не пришла вниз, к нижним людям, она вошла в нору. И я тоже вошел. И вот она пошла туда, где живут. И люди спросили, сказали они: ты говоришь, они как люди? — Ответил он: Да, тот-то и тот-то были там. Я был возвращен ими.

То место, где он спустился к этим людям, зовется Сесийеламангана, в стране хлуби, где жил Бунгане, отец Лангалибалеле, его дед. В Зимбуто, если не говорится Зимбуто, говорят Сенхлонга. Вот имена этого места.

Говорится, если человек умер тут на земле, что пошел он к нижним и они говорят: сначала не подходи к нам; ты еще пахнешь очагом. — Они говорят: оставайся вдалеке от нас пока не остынешь от очага.

Повесть о Нцама-нгаманзи-эгуду⁹⁴

Нцама обработал поле маиса; когда оно начало созревать, забирался дикобраз и часто пожирал его; часто, вставая рано утром, Нцама приходил, оно уже было съедено. Наконец он дождался дня с росой. — В день, когда он увидел большую росу, он встал и сказал: сегодня уж я смогу его хорошо проследить, если он пожрет в поле, ибо там, где он пройдет, роса пропадет; наконец я найду, куда он забирается. И верно, он взял свое оружие, вышел и пришел на поле: дикобраз пожрал; Нцама последовал за ним по следу, след был замечен там, где он прошел, ибо роса была уничтожена. Он шел, шел, пока не пришел к норе, в которую тот влез. И Нцама вошел, не задумываясь, говоря: раз он вошел здесь и у меня нет собаки, что же

и буду делать?— От гнева, что дикобраз уничтожил его нищу, он пошел внутрь, говоря: я пойду пока не настигну его там и убью. Он вошел со своим оружием. Он шел, шел, пока не пришел к луже, он подумал, заводи; он смотрел, пока не увидел, что это лишь лужа. Он пошел по краю и прошел мимо. Был мрак в норе, не было хорошо видно; наконец его глаза привыкли к норе и он видел хорошо. Наконец он прилег, не достигнув места; наутро встав, опять пошел; идя и спя пока не пришел к реке; он перешел ее, он пошел. Он больше не шел, видя следы дикобраза; шел он, ибо нора была той, через которую он вошел; он упорствовал, думая: в конце концов я достигну до конца норы и тогда успокоюсь.

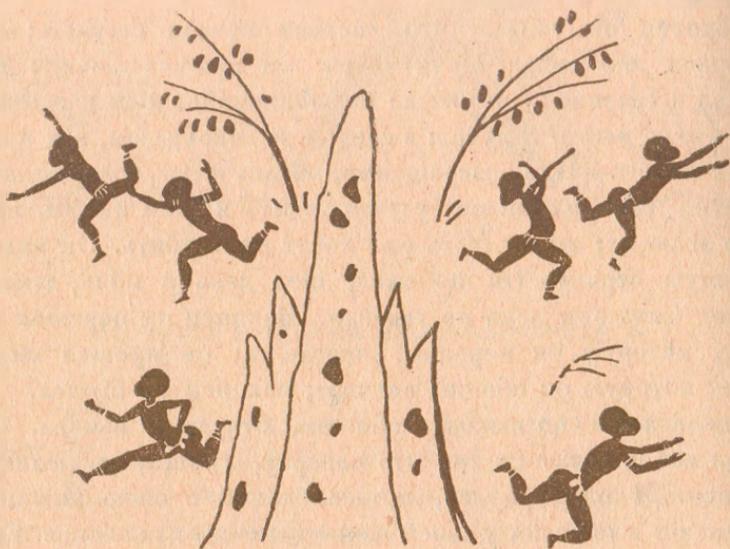
Наконец он увидел, что впереди начало светлеть; он услышал лай собак, крик детей; он прошел дальше; он вышел к селению; он увидел поднимающийся дым и сказал: хау! что за место? Я думал: я следую за дикобразом, а я пришел к жилью.— При возвращении, пятясь назад, возвращаясь обратно, говорил он: не буду подходить к этим людям, ибо я не знаю их; может быть они хотят меня убить. Он видел большую страну. Он побежал, шел день и ночь, думая: может быть они меня не увидели. Наконец он перешел ту реку, которую он перешел, преследуя; он прошел мимо лужи, которую он обошел вначале; наконец он вышел.

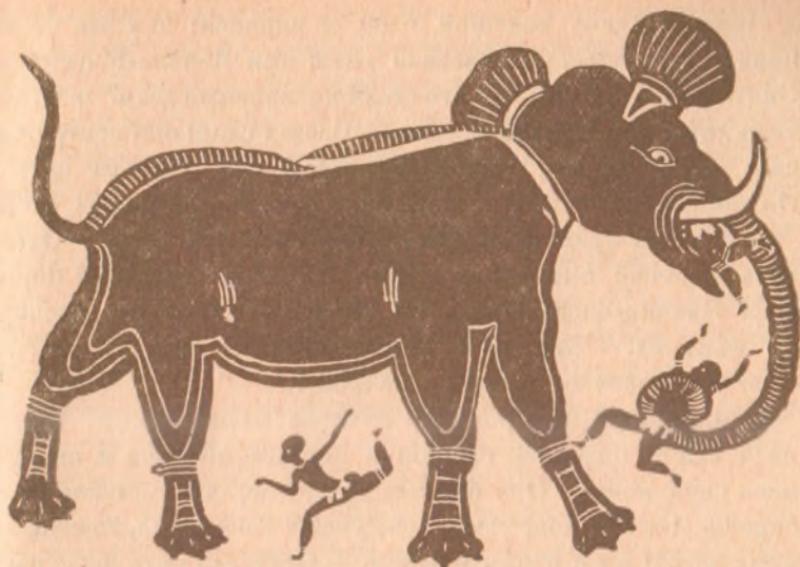
Дивился он по выходе, ибо там, откуда он вышел, он видел все похожее на то, что наверху, горы и расщелины и реки. И он вернулся, пришел домой в свою хижину. Вошел он и спросил у своей жены циновку для спанья. Его жена посмотрела на него, заломила руки и закричала; люди испугались и прибежали спрашивая: что такое? — Отвечала она: вот Нцама пришел! Дивились люди, они опять, снова затянули оплакивание. — Сказала жена: твою циновку и твое покрывало, твой передник и твою подушку и твою посуду, все я похоронила, я думала, ты умер; покрывала и подушки я сожгла.

И он рассказал о случившемся, сказал он: я явился издалека; я явился от нижних людей. Я преследовал дико-

браза; я пришел к поселению; я услышал лай собак, плач детей; я увидел бродящих людей; поднимающийся дым. И вернулся я, боясь, думая, что они меня убьют. Вы видите, вот я пришел.

Этот муж был маленький бородатый; все тело его было покрыто шерстью; уродина; ему не доставало зубов. И я знал его. Я мальчиком видел его. Всегда говорилось: вот человек, пришедший от нижних людей. Мы боялись входить в нору термитов, зная повесть о том, что «он шел пока не пришел к нижним людям».

Нанана-Боселе⁹⁵

Жила однажды женщина с двумя маленькими детьми, очень славными; но было другое дитя, которое жило с ними. И эта женщина говорит построила себе дом у дороги, будучи уверена в себе и своих силах.

И вот однажды она отправилась собирать дрова и оставила детей одних. Пришел павиан и спросил: чьи это столь прекрасные дети? — Ответило дитя: они Нанана-Боселе. — Сказал он: она построила себе дом у дороги, будучи уверена в себе и своих силах.

Еще пришла антилопа и спросила то же самое. — Ответило дитя: они Нанана-Боселе. Все звери приходили и спрашивали то же самое, пока дитя не закричало от страха.

Пришел очень большой слон и спросил: чьи это столь прекрасные дети? — Ответило дитя: они Нанана-Боселе. — Опять спросил слон: чьи это столь прекрасные дети? — Ответило дитя: они Нанана-Боселе. — Сказал слон: она построила себе дом у дороги, будучи уверена в себе и своих силах. Он проглотил обеих, а ту девочку оставил. И пошел слон.

В полдень пришла их мать и спросила: где дети? — Ответила девочка: они взяты слоном с одним клыком. — Спросила Нанана-Боселе: куда он их дел? — Ответила девочка: он съел их. — Спросила Нанана-Боселе: они умерли? — Ответила девочка: да нет, я не знаю.

Они легли. На утро мать смолочила много маиса, насыпала его в большой горшок с кислым молоком и пошла, неся свой нож. — Она пришла туда, где была антилопа; и спросила: мать моя, мать моя, укажи мне слона, съевшего моих детей; он с одним клыком. — Ответила антилопа: иди, пока не придешь туда, где деревья высоки, и там, где камни белы. Она пошла вперед.

Она пришла туда, где был леопард и сказала: мать моя, мать моя, укажи мне слона, съевшего моих детей. — Ответил он: иди, пока не придешь туда, где деревья высоки и там, где камни белы.

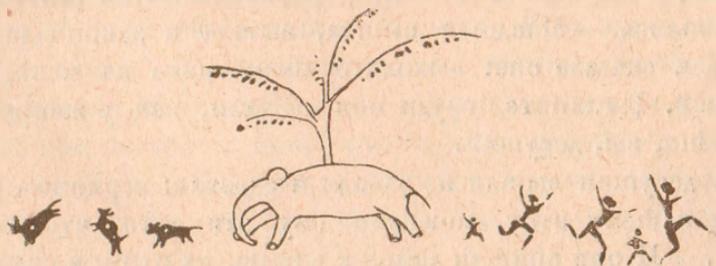
Она шла, обходя всех зверей, и они говорили то же самое. Еще издалека она увидела очень высокие деревья и белые камни у подножия деревьев. Она увидела слона лежащим у подножия деревьев. Она пошла; пришла, остановилась и спросила: мать моя, мать моя, укажи мне слона, съевшего моих детей. — Ответил слон: иди, пока не придешь туда, где деревья высоки и там, где камни белы. — Женщина же стояла и опять спросила, сказала она: мать моя, мать моя, укажи мне слона съевшего моих детей. Опять сказал он ей, чтобы она проходила дальше. — Но женщина, видя, что это тот самый обманывает ее, веля проходить дальше, снова заговорила: мать моя, мать моя, укажи мне слона, съевшего моих детей.

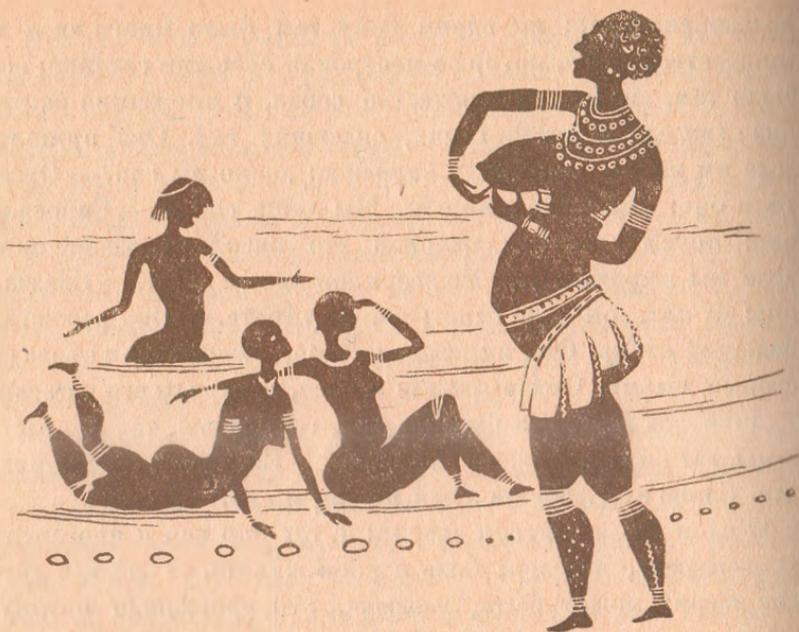
Слон схватил, он проглотил и ее. Она пришла во внутрь его живота и увидела большие леса, большие реки и много

возвышенностей; на одном боку там было много скал и множество людей, которые построили себе там селения; все было там, внутри; и множество собак, и множество скота; она увидела и детей своих, сидевших там. Она пришла, дала им кислого молока и спросила: давно вы ели? — Ответили они: мы ничего не ели. Мы лишь спали. — Спросила она: почему вы не зажарили это мясо? — Сказали они: если мы вырежем у этого зверя, он нас не убьет? — Сказала она: да нет, он сам умрет; вы не умрете. — Она разожгла большой огонь. Она вырезала печень, зажарила ее и съела со своими детьми. Они вырезали и мясо, зажарили его и съели.

Дивились все люди бывшие там, говоря: во, так его едят, а мы тут сидели ничего не евши? — Сказала та женщина: эхе. Слона едят. Все те люди резали и ели.

И слон сказал другим зверям: с тех пор как я проглотил ту женщину, я болен; боль в моем животе. — Сказали другие звери: может быть, владыка, это произошло потому, что стало очень много людей в твоём животе. И вот случилось через долгое время, умер слон. Женщина рассекла его ножом, вырубил ребро топором. — Вышли быки и сказали: му, му, наконец мы видим землю. — Вышли козы и сказали: ме, ме, наконец мы видим землю. — Вышла собака и сказала: наконец я вижу землю. — И люди вышли, смеясь, говоря: наконец мы видим землю. Они одарили ту женщину; одни скотом, другие козами, третьи овцами. Пошла она со своими детьми, очень разбогатевшая. Она пришла домой и радовалась, ибо возвратилась со своими детьми. Она пришла и там была та девочка; девочка обрадовалась, ибо думала, что их мать умерла.

Мудрое дитя вождя

Вождь восточной страны правил большим племенем; у него было множество дочерей, имевших свою заводь. Однажды в полдень девушки вышли, собрались и пошли к заводу, они пошли порезвиться в воде. Младшая отделилась и вошла в заводь. И девушки сняли свои одежды, и все вошли в воду и резвились. Они резвились, и резвились. — Младшая вышла, вышла и закричала над заводью, сказала она: выходите, посмотрите на меня, что со мной. Взгляните, груди мои набухли, как у женщины, как ваши, вы, девушки.

Все девушки вышли из заводи и сказали: вернемся, пойдем к нашему отцу, покажем ему это дитя, что такое с ним. — И они пришли домой к вождю, их отцу, и сказали:

отец наш, посмотри сюда; вот твое дитя. Мы пошли купаться; мы увидели ее выходящей из заводи с такими большими грудями. — Спросил ее отец: где мужчины?

Пришли мужчины и вождь сказал: поразмыслите над этой диковиной, это к несчастью? Поразмыслите, вы старейшины, случилось ли это когда-нибудь? Видели ли вы это когда-нибудь? Чтобы подобное дитя было с такими грудями? Ведь не подходит, чтобы ее груди были такими, у нее, лишь ребенка?

Сказал совет старейшин: да нет, мы никогда не знали подобного. Диковина. Говори ты сам, ты чье дитя. — Сказал вождь: нет! пусть она уходит отсюда из дому. Ибо тот зверь, который находится внутри дитя, я не знаю, что он сделает когда выйдет. Сам я думаю, тут зверь, в животе дитя. Я думаю, пусть она удалится отсюда из дому, хотя бы она умерла, пусть она умрет, но чтобы я ее не видел и появления этого зверя.

И заплакало дитя. И заплакали все девушки, когда она уходила, сказали они: куда же оно пойдет, дитя нашего отца?

И пошла она, вышла из дому: и пошла без крова; из селения своего отца вышла она. Долго ходила она без крова беременная, с таким животом.

Наконец она пришла в другое селение, не принадлежащее ее отцу. Она родила дитя; дитя родила она в другом племени. — Сказала она: я думала, я забеременела зверем; но я забеременела человеком. Когда она родила, явились ближние искавшие ее; они нашли ее и сказали: мы ищем тебя. Твой отец сказал, чтобы мы пошли и нашли место, где ты умерла, по костям. Верно ты здесь? — Ответила она: я родила. Я родила человека, моего мальчика. — Сказала она: вернемся. Я хочу, ибо я родила человека. Я не знаю, как оно вошло в меня. Ибо вы знаете меня, что мне не подходило быть брюхатой. И мои сестры, с которыми я ходила, знают меня, ибо не видели меня говорящей с женщиной. Я верно сказала. И я его приняла, ибо видела, что он человек; я выбросила бы его если бы он был зверем. Я увидела, что он верно человек.

И они пошли обратно к вождю восточной страны и они достигли дома вождя. Вождь возрадовался; созвал он племя, приказал он: все восхваляйте; сказал он: все восхваляйте. Восхваляйте это дитя. Восхваляйте, радуйтесь, ибо это дитя моего дитя, ибо он не от мужчины; ибо она не была замужем; просто мое дитя.

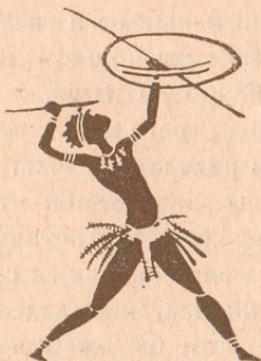
И мальчик рос, он врачевал, он был кудесником, он помогал, он превзошел кудесников. Он был назван мудрое дитя вождя. Он был важнее всех детей вождя по любви.

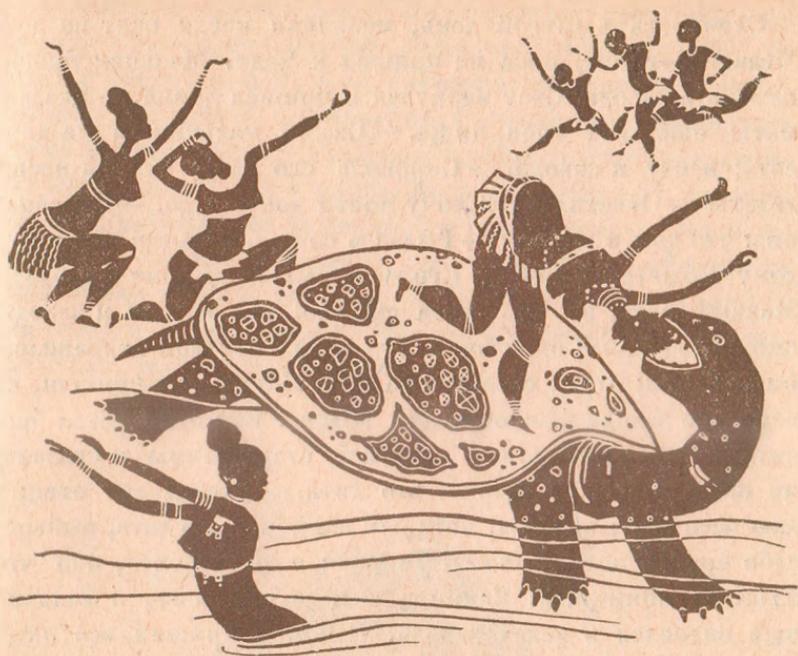
Было полно селение вождя пришедшими лечиться; он превзошел всех кудесников. Людям, которых не могли излечить кудесники, он сильно помогал, всему племени его отца. Он вышел, он пошел по всем племенам, идя и врачую, живя лишь врачую, помогая людям.

И его мать и другие люди, которые шли с ним и его матерью, шли врачую; ему ничего не давалось за это; он говорил: сам я дитя вождя; я просто вам помогаю. Мой отец вождь и у него есть всё. Я вам помогаю так. — Говорили племена: и мы люди твоего отца, ибо ты не ищешь ничего взамен; мы люди твоего отца. Он владыка.

Его признали соплеменники девушки. Так он странствовал. Вот каков конец.

Я получил эту повесть от Мамхлекуа Уакуандхлову; отец ее был Зикиса, во времена, когда правил Зихланхло, его отец Сингела и Чака сын Сензангакона.

Великая черепаха

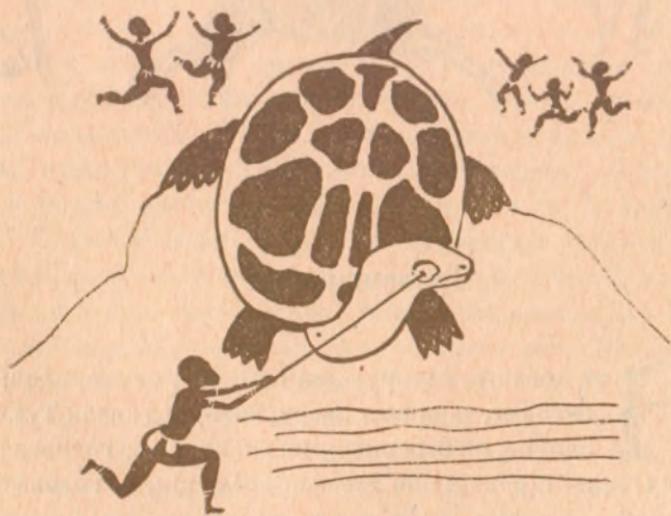
Случилось в голодовку, когда правил Гобинца, брат Бихла, который был убит Динги, наши матери пошли рвать зелень, они пошли с бабушкой, их трое, с бабушкой четвертой. Они пришли к реке Чези. Когда они были на середине, поднялось что-то вроде великой черепахи с воловьей шкурою, она выступила посреди вод; воды выступили из берегов, ибо она вытеснила их. Три перешли, четвертая — бабушка скрылась из-за разлива вод. И черепаха взяла ее, схватила ее за ногу и скрылась в заводи; она еще высовывала бабушку, та еще виднелась, когда ее дети сошлись и плакали над заводью. Потом черепаха скрылась с ней.

Случилось в другой день, мальчики пасли скот на реку Чези. Скот шел, пока не пришел к Чези. Мальчик бросил камень в заводь. Скот вернулся и пришел домой. — Сказала мать: ешь, вот твоя пища. — Сказал мальчик: я не хочу есть; я иду к заводу. — Спросила его мать: что ты идешь делать? — Ответил он: я хочу пойти войти туда. — Спросила она: что там в заводи? — Рыдая в слезах, мальчик вышел из дому и быстро побежал. Его мать вышла из дому и сказала: Мажола, беги; вот это дитя сказало, что пойдет к заводу; смотрите за ним; он плачет. Его отец с отрядом отправился, он побежал; отряд следовал за ним. Когда они пришли, на середине заводи высовывалась голова. Его отец хотел броситься туда в заводь; его схватили старейшины и сказали: не надо, оно уже умерло, это дитя. — Сказал его отец; я даю весь скот; человек, который вытащит мое дитя, выберет себе прекрасного быка. Я умираю; я одеревенел, ибо что делать с моим дитя. Наконец солнце скрылось, а мальчик еще виднелся в водах заводи. Наконец пришли все люди селения. Когда наконец стемнело, они уселись над заводью и плакали там. Наконец мальчик скрылся. — Ночью, когда зажгли огонь, он был еще виден при свете, он говорил: я схвачен за ногу. И он скрылся. — Они возвратились и вернулись домой, разошлись, люди, говоря: он съеден черепахой. Выбрали быка и пошли рассказать Нгоньяма, отцу Бихла.

Случилось, пошли мальчики играть на реку Чези; когда они пришли, сказали они: вот прекрасная скала, построим наши загоны для скота из навоза. Но то была лишь черепаха. И они снова вернулись туда. — Сказал младший мальчик. Эта скала с глазами. — Сказали другие: ну нет, ты врешь. — Сказал он: она с глазами. — Он замолчал, взял свою палку, воткнул в глаз черепахи и сказал: чей это глаз? Вот глаз смотрит. — Сказали они, строя загоны для скота из помета: нет глаза, мальчик. — Маленький мальчик пришел домой и сказал: там скала с глазами. — Спросил его отец, сказал он: что за глаза на скале? — Ответил он: ну да, там глаза.

Случилось в другой день, что черепаха перевернулась с ними; в это время вдалеке переходил один малыш; он пошел с криком домой; дома спросили, сказали: что такое? — Сказал он: другие перевернулись с черепахой; она вошла с ними в заводь. Они все кончились; спасся один, тот, который пошел домой идя и плача. Вышли мужчины и сказали они: иди, покажи нам то место, где была скала. — Они пришли и он сказал: вот место, где была скала. — Спросили мужи: верно то была черепаха? И верно дети были съедены? Они больше их не видели. И они оплакивали их. И рассказывали, рассказывали всем людям.

Туалангценгце ⁹⁶

Вот повесть, которую мы слышали от стариков; они говорят, жил был зверь, которого звали Туалангценгце, он был похож на гиену; но ее головка была вытянутая и широкая; она таскала все вещи, ее голова была корзиной для носки. Если племя голодало, она больше не жила на равнине, а находилась все время вблизи селения. Ухо ее остро на то, где режут быка; ибо по обычаю темнокожих, особенно женщин, если один зарезал, он напоминает всех своих друзей, чтобы дать мяса. Если мясо на дыновках съедено, кончилось, остается мясо дома, женщина обычно делит его, припоминая своих друзей, чтобы и они, если им дадут, вспомнили ее; ибо говорится: корзины обмениваются; поэтому в обычае женщин посылать куски

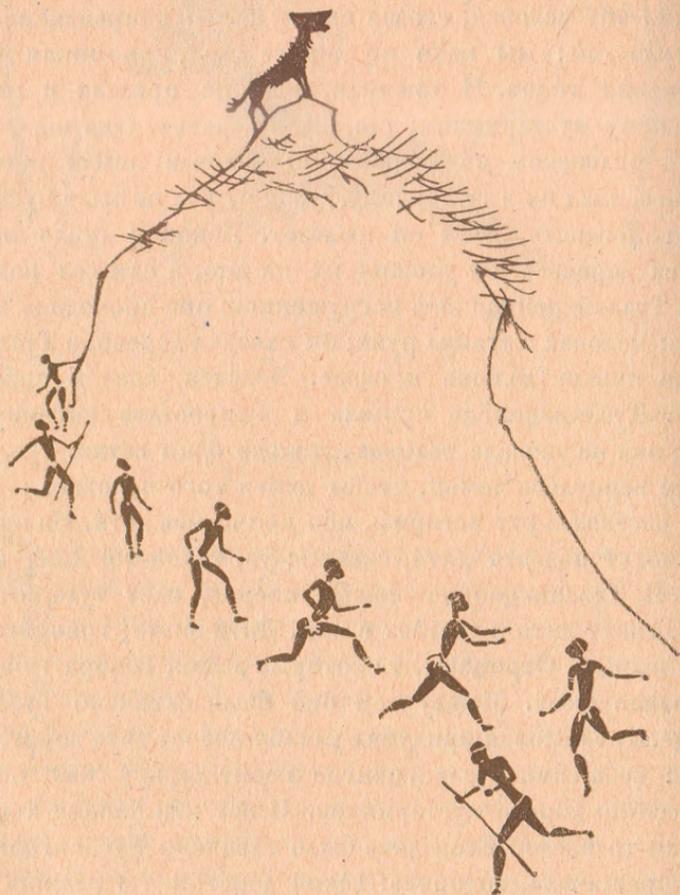
мяса через детей. Туалангценгце находится у домов, со стороны входа, чтобы, когда дитя хочет войти, схватить его там вместе с тем мясом, бросить его на голову; дитя кричит, когда Туалангценгце с ним убегает. Говорят, она не ест человека, она ест один мозг; она идет с ним к скале, бросает его там, разбивает голову, вылизывает мозг, оставляя тело.

И вот она разбудила спавшего человека, схватила его, положила его на голову, вышла с тем человеком и пошла. — Спросил тот человек, сказал он: куда мы направляемся? — Ответила она: мы идем по дороге скал, напоминая место разбивания голов. И они шли, пока не пришли к месту, поросшему кустарником, где были деревья. Она шла, проходя с человеком под деревьями; человек ломал веточки деревьев, клал их в ту корзину, делая чтобы не была чувствительна легкость, если он вылезет. Наконец стало много веточек деревьев, он уложил их на дно, а сам сел наверх. И так Туалангценгце шла нагруженная; она проходила мимо дерева; человек вытянул руки; он схватил дерево, а Туалангценгце пошла дальше к скале. Человек слез и побежал домой. Туалангценгце пришла и выпростала корзину на скале; она не увидела человека, только одни ветки. Туалангценгце вернулась домой, чтобы найти того человека.

Он рассказал эту историю, ибо кончались дети. Из одного дома могут позвать дитя, сказать: уэ, такой-то! Дитя отвечает. И Туалангценгце бежит вперед, идет туда, откуда звали, ловит дитя и убегает с ним. Дитя зовут; говорят: оно давно вышло. Отрицают, те которые звали, говорят: оно не приходило сюда. Между тем оно было схвачено Туалангценгце. Тот человек придумал уловку насчет двух дорог, а не одной: ведь сама Туалангценгце любит дорогу скал, но сам я спасся по дороге кустарников. И вот эти уловки хорошо спасали то племя. Если дитя было схвачено Туалангценгце, она спрашивала, говорила: какой дорогой ты велишь нам идти? — Дитя говорило: о владыка, хороша дорога кустарников, делая так, чтобы положить веточки на место себя, а самому вернуться домой, а Туалангценгце дать итти радуясь,

думать что она насытится мозгом, и дать ей высыпать лишь веточки. В конце концов на скале образовалась куча веточек, люди возвращались домой.

Эта Туалангденгце страшная повесть, давняя повесть. Теперь ею заставляют молчать детей, если они плачут, говоря: тебя утащит Туалангденгце.

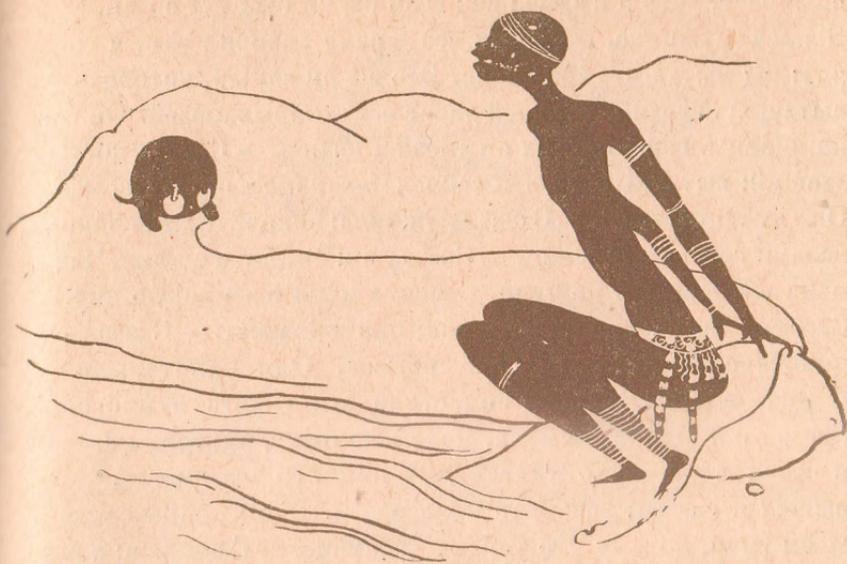

Повесть о Дхлокуени

Когда сделалось темно, явилась гиена, она схватила Дхлокуени, великую женщину большого селения; она потащила ее, пошла с ней; пришла к роше и сказала: Дхлокуени, какой дорогой мы пойдем? — Ответила она: пойдем горной дорогой. И они прибыли с гиеной на место. Женщина зацепилась за дерево над собой. — Дерево увидело ее и сказало: Дхлокуени, ты взойдешь наверх? иди сюда. Снова гиена тащила ее. — Спросила гиена: Дхлокуени, плач по тебе сотрясает землю. Сколь велика ты была, что плач по тебе так велик! — Ответила Дхлокуени: я была велика, я была великой женщиной; я обращалась хорошо со всеми людьми моего селения. — Опять гиена повторила, сказала она: вот твое оплакивание. Сколь велика ты была!

Люди разбиты плачем. Ты была великой, Дхлокуени. Я сама чувствую, что ты была великой. Ты хорошо правила людьми. — Опять повторила гиена: теперь уж кричат дети. — Сказала Дхлокуени: детей я всех очень любила; и их матери были у меня с вещами, я им давала и их матерям и их отцам; я ни на что не зарилась; все вещи я им давала. — Сказала гиена: да, Дхлокуени, и я чувствую, что люди твоего селения в горе. Но я утащила тебя навсегда от людей твоего селения. Опять Дхлокуени зацепилась за дерево и взобралась на него; и шла Дауане⁹⁷ одна; она пришла к реке, бросилась и закричала говоря: ой, Дхлокуени! вот диво куда ты ушла? Я убила себя, я думала, что бросаю Дхлокуени. Но Дхлокуени убежала; она вернулась к своим людям, которые ее оплакивали.

Чакамана

Случилось, мужчина взял червяка и пошел ловить рыбу на реку Тукелу, во времена, когда правил Сензангакона;⁹⁸ он поймал зверя Чакамана; заговорил зверь, сказал он: дитя такого-то, такого-то, такого-то, так он перебрал прозвища его дедушек, пока не насчитал до десяти прозвищ, которых и мужчина не знал. — Сказал зверь: зачем ты сделал мне злое, вытащив меня из заводи, ведь я сам не выхожу из воды? я всегда пребываю в заводи; и боюсь солнца. И встретились глаза зверя с глазами мужчины; и тот убежал, пошел домой и сказал: накройте меня; спрячьте меня; я увидел необычайное; я увидел зверя там, куда я пошел ловить рыбу; его глаза тут на мне; ибо его глаза в одном месте с ноздрями, с ушами и ртом. И он меня

пожирает, хоть я и здесь; как если бы он был тут со мной. — Явился мужчина, сказал: я все время говорил вам, я говорил: вы вытащите Чакамана. Это же он самый, которого он вытащил сегодня, который знает всех старых людей. Он был помещен в горшок, был он уложен на бок. — Сказал пострадавший: вытащите меня, и сейчас Чакамана взирает на меня. Они вытащили его. — Сказал мужчина: покройте меня покрывалами со всего селения. — Сказал он: снимите с меня, Чакамана все смотрит на меня. Снесите меня в зерновую яму. — Сказали люди: яма убьет тебя; она обожжет. — Сказал он: приоткройте ее, чтобы она остыла. Они приоткрыли ее и яма остыла. И они поместили его спустя немного. — Сказал он: вытащите меня, Чакамана опять смотрит на меня и жара тоже меня убивает. И они его вытащили. — Он вышел и сказал: возьмите меня в дом. И он пришел в дом. И он умер, потому что увидел Чакамана. — Сказал он: я разбит страхом, зверь назвал меня моим отцом и дедушкой и прадедушкой; он церебрал всех людей и поколения, которые не были известны мне, и моему отцу, и моему дедушке. И я умираю из-за этого. И он умер, он кончился.

Говорится, что Чакамана был с маленький шар; он ходил на ляжках, ростом он был с дитя, которое еще не ходит.

Случилось после этого происшествия в том же году родился ребенок у Жобе, и сейчас он здесь тот ребенок, рожденный в тот год, названный Сичакамана. Теперь же он имеет внуков и седой.

Тиколоше

Я знаю о нем через людей, пришедших от нгуни; ⁹⁹ ибо среди зулу Тиколоше нет. Но среди нас, зулу, я знаю человека, который говорил, что он видел его собственными глазами; знал не только по рассказу; он говорил, зверь, он лежит в заводи; но находится среди нгуни. Этот брат мой говорил, что это — коротенький зверек, шерстистый. Его можно видеть во время плясок, когда пляшут и он пляшет.

Но особенно, говорят, зверь любит женщин; особенно, говорят, женщины тех местностей живут с ним. Говорят, что все женщины тех местностей имеют своего Тиколоше, маленького мужа, подчиненного их мужу. Если женщина идет собирать дрова, то возвращается с ним, несущим

вязанку. Мужчины там убивают этих зверенышей, называемых Тиколоше. Говорят женщины тех местностей любят Тиколоше больше, чем мужей.

При моем начале, когда я начал хорошо понимать, мне приходилось доить скот Зилинкомо. Зима, его жена, дала мне большую тыкву и сказала: налей молоко, наполни ее. На следующее утро человек не мог подумать, что молоко было налиго; тыква была пуста, молоко было съедено Тиколоше.

Его мальчик Нкаче, сказал, что когда он высасывал молоко у коров, Тиколоше сердился и говорил: я прихожу к коровам, я нахожу их без молока! Тот мальчик, который сосал у них молоко, который был прекрасным человеком, скорректился. Все путы, когда пришли доить коров, были заброшены, а телят Тиколоше выпустил ночью и они высосали все молоко.

О другой женщине. Случилось что шли на пляски. Остальные женщины позвали ее; она ответила: нет. Я еще натираюсь красками. И они пошли. Они шли и шли, а пока они были в пути, муж лежал в ожидании, имея подозрение. И жена вышла, и пришел Гиликакуа,¹⁰⁰ он взял передник, надел его и сказал: я пойду на пляски и буду делать то же, я сын Гиликакуа реки, подражая пляске, как он будет там приди плясать, как делают коса.

И поднялся муж, поверг на землю копьем обоих, его и жену. Он уложил их вместе на дороге; он вытер на копье кровь; и отправился на пляски. Когда люди возвращались, они увидели и сказали: а, так такой-то убил свою жену. Сказали они: так он ее убил, ибо знал, что Гиликакуа жил с его женой.

Случилось, женщина Чакази сказала: меня отвергают. — Спросила другая: почему тебя отвергают? — Ответила она: меня отвергают, дитя наше. — Сказала она: ну нет, не может быть, чтобы тебя отвергли. — Сказала Чакази: скажи,

чем ты можешь помочь мне? — Сказала другая: сделай же вот так. — Она дала ей цветную глину и сало и сказала: я даю тебе, чтобы ты себя умастила, и, когда встанешь, сварила себе пшеницы; и когда она сварится, то найди посудинку, наложи себе и пойдя; когда ты будешь у реки, скажи: уа, Гиликаку-о! И вышел Макуча-зиндуку-зомламбо;¹⁰¹ и женщина сразу закричала: хау! что это за штука. Родные! Она убежала. — И сказал Гиликакуа: ты не можешь звать меня и позвав убежать. Зачем ты меня звала? Женщина бежала, пока не достигла дома. Когда Тиколоше увидел, что она была избита людьми, он вернулся в заводь.

Случилось, муж входил в свой дом и встретился с выходившей маленькой тенью. Он сделал вид, что уходит далеко. Жена же соединилась со своим любовником. Муж вернулся ночью. Он нашел их лежащими вместе. Он умертвил Тиколоше: жену он оставил. — Приказал муж жене: возьми связки травы и замотай его. И они легли. На утро сказал он: бери же и носи. И она взяла, он присоединился, он пошел к ее родичам. — Они пришли к месту сбора, где собрались мужчины ее селения и муж сказал: положи. — Она положила. — Сказал он: развяжи. Она отказалась. Он взял копьё, перерезал веревку и развернул. Родичи посмотрели и сказали: а! Тогда, не говоря, они взяли посох, отобрали весь его скот и отдали ему. И он вернулся с ним.

Била¹⁰² остался без хвоста, ибо поручал
другим

Говорят, била остался без хвоста, ибо поручал другим. Ведь в день, когда распределялись хвосты, небо сделалось пасмурным, и пошли прочие звери взять хвосты там, где они брались; один била отказался идти с ними и поручал всем зверям, которые с хвостами, говорил он: о, родные мои, принесите мне мой хвост; мне трудно выйти из норы, ибо идет дождь.

И прочие звери вернулись с хвостами; он же оставил себя без хвоста из-за нежелания выйти в дождь. Он потерял все хорошее, что дает хвост; ибо хвост помогает от мух, вот почему била нечем обмахивать себя.

Это ожидание била теперь ходкое слово среди темнокожих; они говорят этими словами о била, говорят тем,

которые не беспокоятся, о том, что нравится и другим; говорят другим: такой-то, не знаешь ли что говорится насчет твоих слов: принесите мне; — не знаешь, что никому не приносит другой, если этой вещи хватает лишь на тех, кто там? О! била остался без хвоста, ибо поручал другим. И ты не делай, как била; ты не получишь ничего, поручая другим; иди сам для себя.

Вот какова повесть о била. Он сам не говорил ртом: принесите мне; но появились эти слова только потому, что звери с хвостами, а он сам без хвоста; он остался без хвоста не из-за того, что посылал других, а потому, что била боится неба, если оно пасмурно; он не выходит из норы, пока не выглянет солнце.

Вот какова повесть о била. Она понималась людьми, не желавшими работать в дождливый день, когда идет дождь, и просившими принести других. Говорится в ответ человеку, который просит «принеси мне», говорят ему, отказывая, отказывая словами: «била остался без хвоста, ибо поручал другим. Такой-то, не говори так». И отправляется просивший. Делается это, чтобы, если ему не принесут, чтобы он много не спрашивал, говоря: как это случилось, что мне не принесли, раз я поручал? Ему отвечают этим била.

Гиена и луна

Случилось однажды гиена нашла кость; схватила ее и потащила во рту. И вот луна взошла в прекрасном сиянии, вода застыла, гиена увидела в воде луну и бросила кость; она вцепилась в луну, она думала, что это сало; она погрузилась с головой и ничего не нашла; вода взволновалась; гиена вернулась назад и застыла; вода утихла, она прыгнула, она схватила, она думала, хватая луну, что это мясо, которое видела в воде; она схватила воду; вода вышла, взволновалась, и гиена вернулась назад.

Пришла другая гиена, взяла ту кость и оставила ту гиену одну. Наступило утро и луна исчезла из-за света. Та гиена была побеждена. Она вернулась на другой день, пока

не было вытоптано то место, с которого она ничего не могла поймать.

И поэтому над той гиеной очень смеялись, если видели ее часто бегущей в воду, хватающей воду, выходящей без ничего. И поэтому говорится, если смеются над человеком, говорят: такой-то, ты похож на гиену; та бросила кость, схватила пустоту, увидев луну в воде.

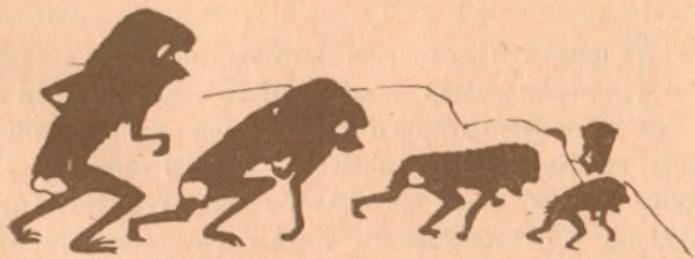
Павианы и леопард

Говорят, павиан встретился в лесу с леопардом; он позвал других павианов, чтобы те отвлекли леопарда, чтобы они могли его убить, когда он не будет на-стороже.

И они подошли к нему и стали искать на нем насекомых. Но сперва леопард был на-стороже, ведь леопард и павианы презирают друг друга, ибо леопард убивает детенышей павианов. И потому павианы боятся в тех местах, где находится леопард; они бродят вместе, бродят во множестве. И поэтому леопард был на-стороже; он видел, что может умереть. Но павианы мягко погладили его; от этого он под конец размяк, освоился, почувствовав, что лапы павианов не жмут; ибо почувствовал, что чешут, он понял, ибо

и леопарды ищут насекомых друг у друга; и поэтому он размяк и лежал терпеливо.

А павианы шарили, они искали вшей, пока не столпились вокруг него, так что он не был виден; одни из них рыли длинную яму, ибо хвост леопарда длинный; они делали это, ибо знали, что: «леопард легче на подъем, чем мы; если мы не прибежем к уловке, он нас убьет». И они закончили ту яму, уложили хвост и насыпали на него много земли, они так засыпали его, сильно почесывая, ища у него вшей, чтобы он не почувствовал беспокойства от засыпки. Когда они кончили засыпать ему хвост, одни павианы сказали другим: пойдите, нарежьте теперь палок. И они нарежали палок и вернулись с ними; хватило всем павианам. И они начали брать свои палки и бросали искать насекомых; они били леопарда; он начал сердиться, он смотрел свирепо; они сильно били его, а он все время валялся, не будучи в состоянии встать, пока они его убили, и он умер. Тогда они его бросили.

Повесть о человеке, который бросил хлеб, стал
потом его искать и не смог его найти

Повесть о человеке, который шел, неся хлеб; он вышел, поев дома, не зная меры, сколько взять хлеба, которого хватило бы ему прикончить; он взял много хлеба, думая что он его прикончит. Но в дороге он ел, пока не был больше в силах. Он был в смятении, что ему сделать с ним. Не удовольствовался мыслью: понесу-ка я его, может быть впереди мне будет голодно, я захочу есть, может быть я встречу с человеком, который голоден. Всего этого не было. Из-за его сытости, затаилась мысль сохранить этот хлеб; не желал больше нести его, ибо был сытый; он видел одно лишь, что давало быстро идти. Он бросил хлеб под откос у дороги и пошел дальше налегке. И прошли дни, в которые он не возвра-

щался этой дорогой. Мыши взяли хлеб, съели его и он кончился.

Случилось, когда страна умирала, она убивалась голодом, когда человек шел этой дорогой, шел вырывая коренья, ибо кончилось зерно; елись коренья, дорога напомнила ему тот хлеб. Он все еще видел его там; год вспомнился как вчерашний день. Тотчас то место напомнило ему, лишь он увидел его, он подумал: вот то место где я бросил мой хлеб. — Он пришел туда; посмотрел туда, где был хлеб, и сказал: он упал там. Он побежал достать хлеб. Но не нашел его. Он начал смотреть его в траве, раз она была густой; он искал перебирая руками, думая, что встретит хлеб, пока не прошло время. — Он встал, подумал и сказал: хау! что же случилось тогда? Ведь я думаю не позабыл место, куда я его бросил. Да нет; нет другого, это то самое. Он нагнулся и искал. Пока он так ищет, он обретает силу, он укрепляется, зная, что: хоть я и проголодался, будет конец; я достану мой хлеб. — Наконец он был сбит с толку, поднялся, вернулся на дорогу и нашел место, где он сперва стоял, и сказал: я прошел все здесь пока не бросил его. — Там, где он бросил хлеб была постройка термитов; он увидел по ней и сказал: э! я думаю, если я был здесь, я думаю! Говоря, он сделал также рукою; рука пошла в том же направлении, куда он бросил хлеб. Он быстро побежал, следуя руке. Он пришел, перебрал руками и не нашел хлеба. Он возвратился туда же и сказал: хау! что с ним сделалось? ведь я его бросил сюда же, меня никто не видел, я был лишь один. Он побежал. Под конец прошло время рытья кореньев, он вернулся, не нарыв кореньев. Он опять потерял силу, ибо не достал тот хлеб.

И ныне этот человек живет у моря. Эту повесть он рассказал, когда страна успокоилась, голод кончился. — Его поступок для всех, которые слушали, был смешным, они спрашивали: такой-то, верно голод делает человека с черными глазами. Видел ли ты сам когда-нибудь, чтобы хлеб, брошенный в один год, был найден на другой и был бы хорошим. — Ответил он: мужи, голод не делает знающим.

Я думал, что ищу правильно, и найду его. Голод уничтожает мудрость. Я сам из-за голода моего поверил, что я действительно найду его; раз я был один, и никого не было. Но вот я подчинился действию голода, пока почти не дошел до смерти.

Повесть о вороне

Случилось, что жилось зулу в довольствии, не ведая что произойдет. Однажды ворона позвала человека из племени зулу, военачальника, имя которого было Нонгалаза, сказала она: уэ, Нонгалаза! — Прислушались люди и сказали: не видно человека, который зовет, остается лишь вон та ворона. — Сказала ворона: вы беспечно живете. Эта луна не умрет, вы будете убиты в стране зулу; если вы не уйдете, вы будете убиты в эту луну. Отправляйтесь, вы все. И верно они не оставались дольше. Мава, дочь Жама, вождь тех людей, поднялась и пришла сюда к белым. Оставшиеся были убиты.

Еще другая повесть о вороне

Случилось, две женщины вышли на поле, явилась ворона, она села на вершину дерева и женщины услышали, как она кричала, говорила: майэ, майэ, дитя моей сестры не родившая. Что она может сделать, раз она даже не родила? Женщины поднялись, побежали и пошли домой. Они пришли и рассказали про этот случай. Люди сказали, что это диковина. Та женщина, которая не рожала, была дочь Сипонго из рода Дхланими здешнего племени куза. После того ее муж был очень болен.

Повесть о собаке, которая сочинила песню

Случилось в то время, когда страна погибала, во время войны Мативане с Пангазита,¹⁰³ мотыги стучали от копания людей, люди посмотрели вверх а мотыги спросили: что вы смотрите? Это мы. — И заговорила собака из Чондо, селения вождя, она села на зад и сказала:

Мадхладхла, ты не печалься
О моем сокровище
Подтяни мою песню, отец мой,
О дитя Кадхлакадхла¹⁰⁴ единственном.

Сказали люди насчет песни собаки: страна погибла.

Эта песня была очень дорогой для девушек, она пелась со слезами.

Люди туа¹⁰⁵

Туа очень короткие ростом люди, меньше всех маленьких людей; они ходят в траве; они спят в термитовых постройках; они ходят в тумане; они живут на возвышенностях, там они живут у скалистых обрывов; они не имеют селения, о котором можно было бы сказать: вот селение людей туа. Их селение там, где они убивают дичь; они съедят ее прикончат, и отправляются дальше. Вот как они живут.

И случалось, если идущий человек, встречаясь замечал туа, то туа спрашивал: где ты меня увидел? Но случалось, что не зная сперва туа, человек говорил правду: я увидел тебя вот тут. И из-за этого туа гневался, думая, что он презираем этим человеком; поражал его стрелой и тот

умирал. Наконец увидели, что они любят быть преувеличенными, они презирают свою малость. — И поэтому когда человек встречался с ними, приветствовал его, говоря: «мы видели тебя!»¹⁰⁶ — Туа спрашивал: где ты меня видел? — Человек отвечал: я тебя увидал, когда еще появился вон там. Ты видишь ту гору; я видел тебя, еще когда был на ней. — И туа радовался, говоря: о, так верно я вырос. Так возникло приветствование их.

Говорят, туа отправляются с того места, где они обитали, если кончается дичь, они влезают на лошадь, начиная с хвоста и кончая шеей, один за другим. Если они не находят дичи, они съедают ее саму.

Боязнь людей туа

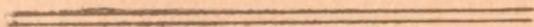
Боятся их люди; они ужасны не величиной их тел и не видом, похожим на мужчин; ай нет, они не выглядят мужественно; они не велики; они маленькие штучки, которые бродят в траве. — И мужчина идет, смотря вперед, думая: если появится человек или дичь, я увижу. Однако туа находится там в траве; мужчина чувствует, что он поражен стрелой; он смотрит и не видит человека, который выстрелил. Это то, что уничтожает силу; ибо человек умрет, не сразившись с мужем, который напал на него. И поэтому ужасна страна людей туа; ибо не видно человека, с которым сражаются. Люди туа это — мухи, которых не видно, откуда они явились; но они досаждают мужчине, они властвуют над ним, они лазают по нему,

пока не прервут сон, не сможет он лежать, успокоить свое сердце; ибо муха мала; рука мужчины велика; чтобы поймать, необходима штука, которую можно осязать. Вот каковы люди туа; сила их подобна мухам, они властвуют ночью и они властвуют благодаря высокой траве, ибо она скрывает их, они невидимы. Вот какова сила людей туа, которой они побеждают людей; скрытность, подстораживание людей; со своей стороны, они видят, будучи сами невидимы.

Их лук, которым они поражают животных и людей, он не сам убивает; он убивает ибо острие стрелы смазано ядом, для того, чтобы она, войдя, вызвала много крови; кровь бежит из всего тела и человек тотчас умирает. Но большая часть их ядов известна охотникам на слонов. Вот такова боязнь людей туа, из-за чего их боятся.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имя героя, по которому названа сказка — Хлаканыяна, может быть переведено, как «маленький хитрец», «ловкач». Сами зулу следующим образом характеризуют данный персонаж:

«Хлаканыяна очень ловкий человек, очень маленький, с ласку. Этот человек всегда презирался теми людьми, которые бывали обмануты, от которых он произошел; ибо они думали, что не могут быть обмануты ребенком; а будут обмануты человеком с них самих. И поэтому не понимая, что он не вырос, придавленный умом и хитростью, и сделался низкорослым, сделался презренным карликом, они всегда презирали его. Но он обманывал человека не ведомый, что он действительно способен обмануть. Его тоже называли Кцаиждана-Богдононо, Махлабиндоаисэми. Это имя Кцаиждана значит маленький красный зверек, с хвостом черным на конце. Но этот зверек на много хитрее прочих, ибо его ум велик. Если ловят дикую кошку, он тотчас приходит к ловушке, хватая мышь, положенную для дикой кошки и вытаскивает ее первый; когда приходит дикая кошка, мышь уже съедена лаской.

Опять она тревожит людей; ибо если она не хочет сойти с тропы, видя идущего человека, она отходит немного с тропы, рычит как дикий зверь и пугает человека; и верно человек обходит то место, думая, что дорога загорожена зверем. Однако это ласка. И если, отойдя и идя дальше, он посмотрит, то увидит, что бежит ласка; человек ослабеет, потеряет силы, говоря: о, меня заставил бросить тропу этот уродыш. И возвращается на тропу.

Опять, она в большой вражде со змеями; ибо она их ест. Если она увидит место где мамба (боа) обитает, она сторожит, пока он не выйдет кормиться; она залезает в его нору первая, чтобы, когда он придет, быть впереди, увидеть его приходящим, приготовиться, сидеть в норе, смотря за головой, чтобы когда мамба войдет, весь войдет в свою нору, ни о чем не зная, схватить его

за голову и выйти с ним; тогда она рычит и убивает его; играет забавляется им, ибо она убила его. Под конец она попрыгает над ним и съедает его.

Опять, ласка с большой неудачей, ибо если ловчие поймали в ловушки диких зверей и захватили ласку, этот человек не может надеяться, что он поймает зверей; он знает, что ласка не даст; плохо после этого. Или если он встретился с ней на тропе, она пересекла тропу, он не надеется, что там, куда он идет, он найдет пищу, он говорит: я встретился с колдуном и пищи больше не достану.

Кцаижаана похож на ласку, как будто он верно этой породы; ведь его зовут именем ласки, как будто он одной породы с лаской; его малость, как ее; его ум, как у нее; он сходен с ней во всем.

Другие звания его Богдононо, Махлабиндоаисэми, прозвища его говорят о его храбрости; его превозносят ими, когда говорят Богдононо, значит если переводить «из Гдононо», племени его, откуда он происходит. Гдононо другое слово, которое не совсем сходно с Махлабиндоа. Оно отдельное, ибо значит «ласки». Если мы переведем Махлабиндоаисэми, оно значит, что он поражает мужчину первым, когда тот его презирает, видит маленьким, думает, что он лишь мальченок; он его убивает до того, как тот ему что-либо сделает».

² «Его отец зарезал быков». — Это показывает, что в семье вождя произошло событие. Почти все события в общественной жизни зулу сопровождалось этим и, как мы увидим дальше, в других сказках, в зависимости от значительности события, в особо торжественных случаях, к этому еще иногда прибавлялась варка пива, причем этим последним иногда занимался весь род. Резался скот и варилось пиво в таком количестве, что его хватало на несколько дней пиршества и для могущих явиться гостей, или просто случайно забредших прохожих — иноплеменников.

³ «я сам взрослый — я муж совета». Хлаканыяна называет себя мужем совета, т. е. членом совета родовых старейшин при вожде, пользующихся после вождя наибольшим общественным авторитетом в патриархальной общине зулу.

⁴ «дита вошло в загон для скота старейшины разбежались». Дело в том, что хижины родовых поселений зулу располагались одна за другой по кругу. В плане, поселение зулу образовывало таким образом замкнутый круг и было обнесено снаружи плетнем с общим ходом в одном конце для всех хижин. Остающееся пустое простран-

ство внутри круга, образуемого хижинами, обносилось плетнем и служило в ночное время загонем для скота. Одновременно это место служило для сбора всех членов племени и местом совещания старейшин с вождем.

5 «великая женщина» — главная жена вождя.

6 «Верхняя часть селения» и «нижняя часть селения». Обычно поселения зулу располагались по склонам гор и холмов. У племен зулу вход в ограде ориентировался по скюну, т. е. находился в нижней части селения. Хижина вождя находилась в противоположной стороне, т. е. в верхней части. С этим мы будем постоянно сталкиваться в дальнейших сказках. В данном случае вход ориентирован в обратную сторону. Отец Хлаканыяна бросает погу быка вниз от селения и Хлаканыяна пролезает через лазейку в нижней части, а люди обегают через ворота в верхней части.

7 «палка для еды». — Палка, на которой в подвешенном виде сохраняется мясо.

8 «птицы дхлази», — птицы мышанки (*Colius Capensis*).

9 «палка-копалка», — примитивное сельскохозяйственное орудие для взрыхления почвы, представляющее собою обыкновенную палку, обожженную для прочности с одного конца.

10 Зиму — здесь название «зиму» — «людоед» употреблено в качестве собственного имени.

11 В другом варианте Хлаканыяна делается нянькой антилопы и съедает ее тринадцать детенышей в тринадцать дней, путем такой же уловки. Убегая от преследующей его антилопы, Хлаканыяна оборачивается камнем зернотерки, причем повторяется эпизод, случившийся во время преследования Хлаканыяны людоедами. Рассерженная антилопа, потеряв из виду Хлаканыяну, бросает через реку камень зернотерки и этим путем Хлаканыяна избегает преследования.

12 Корова «белая и внутри» — с белым мясом — жирная.

13 Хижины зулу, круглые в плане, плетеной конструкции и напоминают по своему внешнему виду юрты кочевников. При заплетении верха один человек стоит внутри, а другой наверху хижины и протягивают друг другу пропускаемый прут или веревку, которой заплетается трава, что и проделывают Хлаканыяна с людоедом.

14 губу — название музыкального инструмента, сделанного из тыквы.

15 «кето» — свадебная пляска подружек.

16 «диандиана» — небольшое растение (*Argyrolobium marginatum*), клубни которого едят.

17 Кдаижана — одно из имен Хлаканьяны (см. прим. 1).

18 Бадхланьяна — м. б. «карлик»; Макубата — «бегун».

19 цило — небольшая птичка.

20 Нгуни — племенное название, общее для целого ряда юго-восточных банту, напр., племен зулу и коса. Все эпитеты конца сказки представляют собой восхваления — бонго.

21 Сикулуми — «говоруны»; Хлокохлоко — «зяблик».

22 «...сказал он мальчикам: соберите большие камни, раскалим их». Один из примитивных способов жарения мяса при помощи раскаленных камней.

23 «...я вам дам быков по цвету». Стада крупного рогатого скота у зулу часто разбивались по цвету, и вождь хотел этим сказать, что даст целое стадо быков.

24 Зембени — «женщина с топором», от Земба «топор». Званиде — другое имя Зембени, значит «женщина с длинным пальцем на ноге» от звани — «палец на ноге».

25 «...было устроено оплакивание». По обычаю зулу, человека, которого считали пропавшим, потерянным навсегда или умершим, оплакивали, несмотря на то, что он возвращался цел и невредим, и лишь после этого устраивалось торжество.

26 Эта сказка имеет также несколько отличный вариант с новым действующим лицом — ласточкой.

«Случилось, что Сикулуми шел к Зембени выбрать девушку, не зная ничего про Зембени, зная этих девушек, о которых говорилось, что они прекрасны; шел он и повстречался с ласточкой; сказала ему ласточка: «Сикулуми, там, куда ты идешь, тебе

не место, не будет хорошего житья. Кто будет тебя охранять? О, сними с меня шкурку, шей мою шкурку, надень на твою дубинку, чтобы я могла сказать когда Зембени захочет тебя есть. И схватил он ласточку, снял с нее шкурку, спил ее шкурку и надел на свою дубинку.

Он прибыл туда к Зембени. Когда Зембени пришла, эта шкурка заговорила с Сикудуми, сказала она: вот же Зембени. Ночью, когда спали в хижине Зембени, Сикудуми спал на одном краю хижины; случилось среди ночи Зембени встала, тихо подкралась, желая схватить Сикудуми; шкурка разбудила Сикудуми, сказала она: вставай же тотчас. Вот Зембени, она пришла. И встал Сикудуми. Зембени вернулась обратно; ибо она хотела захватить его во сне.

Наконец рассвело; тогда заговорила шкура с Сикудуми, сказала она: отправляйся тотчас, ибо Зембени ушла. И он отправился с той девушкой. И уходил он, спасаясь, убегая от Зембени, под конец он прибыл на место, где было дерево. — Сказала шкурка: лезь на это дерево, я буду охранять тебя там. Собаки будут сражаться с Зембени, они ее убьют. И влез он на дерево. И прибыла Зембени, рубила она дерево. Когда оно должно было упасть, собаки разорвали ее. Зембени опять восстала. Снова собаки разорвали ее. — Шкурка сказала: тотчас спускайтесь. — Зембени мертва, но снова восстанет. Спускайтесь, отправляйтесь быстро.

Действительно, Зембени восстала, хотя собаки растерли ее, превратили ее в муку и бросили в воду. Она соединилась и восстала. Она восстала, когда их не было там. Она искала, но не нашла их. Она бросила и пошла домой».

27 Нтомбинде — «высокая девушка».

28 Бокондо-игайя-абагайи — «жернов, растирающий мелющих», т. е. лицо, уничтожающее тех, кто к нему притрагивается. Кулунгу-умломо-уаотетуа — «недовольный словами людей тетуа». Эпитеты, которые получают здесь Нтомбинде, принадлежат к так наз. бонго — дополнительным именам, эпитетам, даваемым тому или иному лицу в хвалебной песне. Большое применение эти бонго имеют в хвалебных песнях вождей, столь распространенных среди всех юго-восточных племен банту. Обычно бонго весьма трудны для понимания и понятны сравнительно узкому кругу соплеменников, хорошо знакомых с отдельными чертами характера или другими личными качествами восхваляемого лица и событиями в его жизни, военными и охотничьими подвигами и т. д.

29 «... она подобна желчному пузырю козы». Высушенный и надутый желчный пузырь козы, прикрепленный к волосам, являлся зна-

ком того, что посланец был с почетом принят в месте, куда он отправлялся с поручением.

30 «...разве я наслала на тебя Тонтела?» Тонтела — название одного военного поселения зулу.

31 Номабунге — «мать жуков». Гаул-иминга — «рубящая акацию».

32 Нсиба-зимакембе — «перья, которого широки и длинны».

33 Нхлату — «змея-удав», так что следует переводить Нхлату, как «человек-змея».

34 «Нтомбинде дали хвост леопарда; его матери дали хвост дикой кошки». Хвост леопарда дается в знак того, что Нтомбинде является с этого момента великой женщиной — главной женой нового вождя Нхлату. Хвост дикой кошки дается его матери в знак того, что она носит титул великой женщины лишь по своему мужу.

35 Сказка «Нтомбинде» имеет и другой вариант, где большое место занимает Нхлату с его необыкновенным рождением, к которому были причастны голуби:

«Рождение Нхлату. Он родился по предсказанию голубей. — Они явились к его матери вдвоем; сказал один: «вукуту». — Спросил другой: почему ты говоришь «вукуту», раз она не родила? — Сказал первый: «вукуту» откуда ты знаешь, что она не родила? — И заговорила его мать: он прав, я не родила. — Сказал первый: «вукуту»; что ты нам дашь, если мы тебе скажем, что ты родишь? — Она вытащила все свои вещи, не оставила и одной, ибо хотела ребенка. — Они отвергли, говоря: всего этого мы не хотим; нет ли у тебя горшка стручков кледевины? — Сказала она: вот он. — Сказали они: давай его. — И она взяла его, вышла с ним и разбила его снаружи; стручки рассыпались и голуби ели их, они прикончили. — Сказали они: повернись спиною. Они сделали ей два надреза на заду и сказали: вот теперь ты родишь. И удалились, а она отправилась, пошла домой. И она забеременела. И когда она забеременела, она страшно обрадовалась, ибо долго не была уважаемой женой через обвинение в бесплодии, ибо другие жены рожали, рожая ворон, и эти вороны причиняли много хлопот в ее доме, разбрасывая золу. Под конец ее дом был перенесен из верхней части селения и помещен у входа, ибо она не была уважаемой женой. Она была в верхней части селения, потому что она была великой женщиной; еще была она дочерью великого вождя; но из-за ее бесплодия имя великой женщины падало; из-за этого был перенесен дом.

В день рождения Нхлату она дивилась, видя очень красивое дитя. Там была сшитая шкура удава от ее близких; она одела его в нее, спрятала его, чтобы жены, которые жили с вождем, не могли убить Нхлату, ибо она родила человека, они же зверей. Поэтому она его спрятала: происшедшее не было оглашено у нее в доме, оно было известно у своих, там, где была рождена эта женщина.

Дитя было старательно спрятано из боязни убийства. — Оно рассталось со своей матерью, не поведав ей, говоря: мать моя, я удаляюсь, ибо буду убит. Оно отправилось без матери. Его мать искала его, обессилела и потеряла надежду, но его хижина была построена ибо говорили: пусть там всегда будет его дом.

Его мать постоянно брала пиво и мясо и другую пищу, чтобы класть ее туда в дом для молодых; на рассвете она шла взглянуть и когда она приходила, от всей пищи бывало понемногу съедено. Случилось, когда девушки приходили свататься, их спрашивали говоря: к кому вы пришли? — Они отвечали: к Нхлату. — Его мать рыдала говоря: где он? раз я сама не знаю. — Говорил его отец: пусть их оставят, пусть их не выгоняют, ибо вот сыновья, они будут с ними жить, хоть Нхлату все нет. Эти сыновья были вороны. Наконец пришла Нтомбинде, и она свататься за Нхлату. — Его мать спросила: где он? — Ответила Нтомбинде: я не знаю о нем, мы знаем, говорили что он рожден. — Сказала его мать: ты сама отделись от других девушек, иди в этот дом для молодых, оставайся там одна. И действительно, Нтомбинде осталась там, ибо она была очень любима его матерью. Таким путем был увиден Нхлату, он был увиден той девушкой, которая сама открыла его. Придя ночью в образе удава, он нашел Нтомбинде: он велел не открывать его; под конец он был увиден».

³⁶ Ситунгусобенхле — «связка бенхле». Бенхле — сорт волокнистого растения (*Gazania longiscara*), употреблявшегося девушками в плетениях.

³⁷ Жубатенте — «голуби».

³⁸ цапа — сорт мягкой травы, подкладываемой девушками во время первых менструаций.

³⁹ «...они понеслись к месту, где были ее матери», т. е. жены вождя. Дочь вождя всех жен своего отца называет матерями, что характерно для классификационной системы родства зулу.

⁴⁰ Хлазасе — «зелень», от хлаза — «зеленая (молодая) трава». Хла-лусе — «бусина».

41 Лангаласенхла — «Солнце запада»; Лангаласензантси — «солнце востока». Точнее «солнце верха» и «солнце низа». Это указывает на то, что для рассказчика запад был гористым — «верхом», а восток — понижающейся к морю местностью — «низом».

42 Бомби — «корявый лицом», «уродина».

43 вемве — «трясогузка».

44 Цомбецанцини — «метящий цыновки для спанья».

45 зерна бэлэ — туземный злак, так наз. kaffir corn — род проса (*Sorghum vulgare*). Думби — растение (*Colocasia antiquorum*), клубни которого употреблялись зулу в пищу.

46 Хлесе — «ковыляющая».

47 думисо — род пива, быстрого приготовления.

48 Скала Тунжамбили — «скала о двух расщелинах», «скала о двух входах». Сами зулу говорили следующее об этой скале:

«Скала Тунжамбили — жилище, где обитали людоеды, но она открывалась уменьем владельца; она не открывалась руками; она открывалась ртом; когда человек приходил, он кричал у входа в жилище; но этот вход не имел ничего, за что бы человек мог схватить рукой и открыть. И поэтому открывали его произнесением имени этого жилища, говоря: скала Тунжамбили, откройся для меня, дай мне войти. Но она могла ответить, если она не хотела открыться тому человеку, который просил ее открыться; она отвечала ему: она не открывается детьми; она открывается ласточками, которые странствуют в высоте. Он видел, что она отказывается открыться и остается закрытой. — Вот слова, которые я знаю о скале Тунжамбили. Теперь мы говорим: эта скала значит дома белых. Но остается одно место: «этот дом открывался ласточками»: не говорится, что он открывался людьми — но эти открываются людьми. Нам непонятно, что это за дом, открываемый птицами, которые странствуют в высоте. Это ясно; но неясно, что это те, которые мы действительно видим, или не те. Темно это для нас».

49 «Он посмотрел на верх и увидел, что это его сестра». Здесь мы прервали сказку в этой редакции и присоединили другой вариант. Краткий конец в первом варианте гласит следующее:

«Он скрыл от них, он помогал им рубить дерево. — Он старался рубить слегка и сказал: возьмем понюшку табаку, приятели мои. Они сели на землю. Он приблизил своих собак к себе. Высыпал понюшку и дал людоедам. Тут, когда они брали, он напустил своих собак, собаки схватили их, погнажи, преследовали и убивали их. Все людоеды умерли. И так кончилось».

Заговорил он со своей сестрой, сказал он: слезай, дитя моего отца. Она слезла, пошла со своим братом и пришла домой к своей матери. Ее мать устроила большое пиршество, радуясь. Мать зарезала много волов; все они ели вместе с ее дочерью. И вот таков был конец».

⁵⁰ Сами зулу следующим образом объясняют персонаж Гунгкукубантуана:

«Гунгкукубантуана была так названа, ибо была матерью всех зверей, ибо была их вождем; а заводь эта, то звери ходили пить первые, они оставляли ей воду, ибо она не могла пить первая, ведь вся вода кончалась, пока они не пили, если она пила первая; а тело ее, с одной стороны, была пашня, с другой стороны, большие реки и леса; но они не любили пить из этих рек, ведь они походили на воду; эта заводь, в которой они пили, была как молоко; и поэтому они не пили в других реках, они пили в заводи. Она была названа Гунгку, ибо ее слышно было издалека, когда она шла, ибо когда она шла, поднимался страшный шум, ее слышали, что она является по «гунгку», «гунгку».

Этот шум некоторые зулу объясняли тем, что Гунгкукубантуана проглатывала всевозможные вещи, которые и издавали при движении шум.

⁵¹ била — жиряк или даман (*Xylocapensis*).

⁵² пунзи — порода мелких антилоп (*Cephalopus Mergens*).

⁵³ ула — порода мелких антилоп.

⁵⁴ гого — легендарные животные, по представлению некоторых зулу — одичавшие люди. Гого ходят на четвереньках, хвостатые и имеют человеческую речь; питаются человеческим мясом и пожирают своих мертвецов.

⁵⁵ «... он взял огниво, сел на землю и начал вращать». Имеется в виду примитивный прибор для добывания огня путем трения. Этот прибор, носящий название «вати», переведенный нами как огниво, состоит из двух палок. Более широкая палка имеет посредине три

углубления. В среднем углублении и вращается вертикально поставленная вторая палочка. Путем трения сперва получается древесная пыль, которая скопляется в двух смежных углублениях и оттуда падает на подложенную сухую траву. Путем дальнейшего ускоренного трения вращением палки пыль воспламеняется и огонь переходит на траву.

56 Клаказа-Уакогингуайо — «бряцающий оружием на месте повержения (врагов)».

57 Балатуси — «медная».

58 «... они пошли домой, пошли грабить все селение». Согласно установленному у зулу обычаю, в тот момент, когда дочь вождя достигает зрелости и находится где-нибудь в отдалении, любой член племени мог взять у другого безвозмездно какой-либо предмет, составляющий собственность того лица, и не подвергаться за это никакому наказанию. Более того, если вещь была взята у вождя и он был заинтересован в ее возврате, то он должен был после окончания этого периода ее выкупить.

59 «... в день зрелости будет собрано много скота, чтобы тебя возратить». По обычаю зулу, дочь вождя, достигнув зрелости, удалялась за пределы селения в какую-либо пустынную местность, о чем родителям сообщали подруги девушки. В связи с этим отец резал быка в честь девушки и лишь после этого она возвращалась домой.

60 Силосимапунду — «буграстый зверь».

61 дони — «водяное дерево» (*Eugenia cordata*), крупная порода деревьев, растущая в порослях на побережье.

62 гонко — небольшая клетушка, сооружаемая в доме, в которую помещалась на известный период, от нескольких недель до нескольких месяцев, девушка, достигшая зрелости, и из которой ей запрещалось выходить.

63 «... я не могу выйти из гонко», «... я не могу разжечь огонь» «... я не могу варить пищу» и т. д. — Всевозможные запреты — табу, связанные с состоянием девушки.

64 «... она вытащила медную подушку», «... она вытащила медную дыновку». Этим показывается превосходство дочери вождя.

В отличие от рядовых девушек, у нее, как у дочери вождя, даже подушки и циновки сделаны из ценного материала — меди, что вряд ли могло быть в реальной жизни. Подушкой у зулу являлась головная подставка, обычно из дерева.

65 «скрытые (или темные) дома вождя» и «открытые (или светлые) дома вождя» — открытые и закрытые для посещения посторонних хижины вождя.

66 Кандакулу — «большоголовая».

67 «... ибо они терли свои ноги». Зулу во время мытья часто скоблят подошвы ног мягким песчаником.

68 Бонгопа-Камагадхлепа — Бонгопа, сын Магадхлепа. Значение Бонгопа неясно, Магадхлепа — приблизительно «поражающий головой».

69 «Отец Бонгопа достиг зрелости». Имеется в виду дитя, живущее на быке.

70 «... ты главный, ты мрачный, гороподобный». «Ты мрачный» т. е. «страшный», «грозный».

71 Дхлубу — «земляной орех».

72 трава зи — ситник или рогоз, из которой женщины делают циновки.

73 «Старуха большого дома» — «старуха из дома вождя».

74 «... на нее смотрели, как на вождя девушек». «Вождь девушек» — девушка, избираемая девушками же в качестве главной, к которой обращаются за разрешением отдельных запретов и ряда взаимоотношений с юношами.

75 «очистила ее донкой». Паста, приготовляемая зулу из белых ягод одноименного кустарника; употребляется для очистки тела, смазанного предварительно салом.

76 Селеселе — «лягушка».

77 Нкоси-ясенхла — «вождь запада»; Нкоси-ясензанси — «вождь востока»,

78 «... младших и старших юношей с обручами». Головной убор в виде обруча являлся отличием юноши, достигшего зрелости, взрослого мужчины.

79 Нхлангухлангу — приблизительный перевод «оправдывающийся».

80 Хлуату — «змея боа», удав.

81 «... сказала она: как у тебя в животе? — ответила она: прохладно». Этим она хочет сказать, что никакого жара нет, не печет у нее в животе, она здорова.

82 Нхлату-йесизибя — «удав из заводи».

83 Нтомбинтомби — «девушка из девушек». Повидимому, это следует рассматривать как обращение к выходящим следом за мальчиками девочкам.

84 Мпенгемпе — «белый бык».

85 Бундубунду-абалуваме — «крепко сбита, пусть все признают ее».

86 Кузангуе — «кричащий на (отпугивающий) леопарда».

87 Мамба — ядовитая порода змей, чрезвычайно распространенная в Зулулэнде. Нсимба — «дикая кошка».

88 Нхламву-йобухлалу — «бусина». Нхламву-йетуси — «медная бусина».

89 Нтомбияпанси — «подземная девушка». Сильване — «зверек», Сильванеказана — «звереныш».

90 «... выбежала Нтомбияпанси и побежала к своим матерям и отцам. По терминологии родства зулу — это братья и сестры ее отца и матери.

91 Нгоменде — «длинная песня вождя».

92 Силауезинжа — «собачий хвост».

93 Далана — «старенькая».

94 Нцама-нгаманзи-эгуду — «подкрепляющийся курением».

95 Нанана-Боселе — «нанана из лягушек»; нанана — пресмыкающееся из породы лягушек.

96 Туалангценгце — «корзиноносец».

97 Дауане — другое имя Туалангценгце. Дауане — обозначение сейчас уже исчезнувшей породы гиен.

98 Сензангакона — один из известных вождей зулу, отец знаменитого вождя зулу Чаки.

99 «... через людей, пришедших от нгуни». При наличии в данном контексте нгуни и зулу, под нгуни в данном случае понимаются племена коса.

100 Гиликакуа — одно из имен Тиколоше.

101 Макуча-зиндуку-зомламбо — «применяющий (в танце) речные палки (тростник)».

102 била, см. прим.⁵¹

103 Мативане — вождь племени нгуане; Пангазита — вождь племени хлуби.

104 Дитя Кадхлакадхла — сын Кадхлакадхла, именовавшийся Мадхлакадхла или Нгалонкулу.

105 Туа — этим именем зулу называют бушменов, так что собственно этот рассказ не имеет прямого отношения к сказкам.

106 «мы видели тебя», «мы знаем тебя» — обычное приветствие зулу, которое соответствует нашему здравствуй. В контексте происходит игра слов, которая непередаваема, но будет понятна после этого разъяснения.

О г л а в л е н и е

	Стр.		Стр.
Вступительная статья «Зулу и их сказки»	3	Нтомбияланси	179
От переводчика	30	Кашана	192
Хлаканыяна	35	Повесть о Нцама-нгаманзи- эгуду	194
Бадланьяна и людоед	54	Нанана-Боселе	197
Сякулуми сын Хлокохлоко	56	Мудрое дитя вождя	200
Зембени или сватовство Си- кулуми	60	Великая черепаха	203
Нтомбинде	64	Туалангценгце	206
Горные голуби	71	Повесть о Дхлокуени	209
Ситунгусобенхле	73	Чакамана	211
Ситунгусобенхле и Жуба- тенте	76	Тиколоше	213
Хлазасе	80	Била остался без хвоста, ибо поручал другим	216
Лангаласенхла и Лангала- сензантси	83	Гнена и луна	218
Бабузе	87	Павиавы и леопард	220
Человек и птица	90	Повесть о человеке, кото- рый бросил хлеб, стал потом его искать и не смог его найти	222
Цомбеданцини	94	Повесть о вороне	225
Девушка и людоеды	107	Еще другая повесть о во- роне	226
Гунгкукубантуана	113	Повесть о собаке, которая сочинила песню	227
Клаказа-Уакогингкуайо	120	Люди туа	228
Два брата	139	Боязнь людей туа	230
Бонгопа-Камагадхла	142	Примечания	233
Дхлубу и лягушка	154		
Нхлангунхлангу	164		
Мамба	172		

